Джангар

Annotation

«Джангар» — калмыцкий героический эпос, воспевающий воинские подвиги калмыкских богатырей и их предводителя Джангара, защитников сказочной страны Бумбы. В эпосе отражены надежды и чаяния калмыкского народа, его многовековая борьба за своё национальное существование.

Художник В. А. Фаворский.

- «Джангар»
  -
  - БОГАТЫРСКАЯ ПОЭМА КАЛМЫЦКОГО НАРОДА
  - «ДЖАНГАРИАДА» — ВЕЛИЧЕСТВЕННЫЙ КАЛМЫЦКИЙ ЭПОС
  - ДЖАНГАР
    - Вступление
    - Песнь первая
    - Песнь вторая
    - Песнь третья
    - Песнь четвертая
    - Песнь пятая
    - Песнь шестая
    - Песнь седьмая
    - Песнь восьмая
    - Песнь девятая
    - Песнь десятая
    - Песнь одиннадцатая
    - Песнь двенадцатая
  - ПОСЛЕСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА
  - СЛОВАРЬ
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4

- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13

«Джангар»

ThankYou.ru: «Джангар»

Спасибо, что вы выбрали сайт ThankYou.ru для загрузки лицензионного контента. Спасибо, что вы используете наш способ поддержки людей, которые вас вдохновляют. Не забывайте: чем чаще вы нажимаете кнопку «Благодарю», тем больше прекрасных произведений появляется на свет!

БОГАТЫРСКАЯ ПОЭМА КАЛМЫЦКОГО НАРОДА

Калмыки обладают огромной сокровищницей устного народного творчества. Народ бережно хранит и любит чистое и мудрое искусство своих эпических песен, сказок и легенд. Но самым ярким, самым любимым произведением калмыцкого народа, произведением, ставшим в его сознании священным, является грандиозная героическая эпопея «Джангар».

Мне вспоминается, какой радостью было для нас, калмыцких детей, собраться степной весенней ночью в войлочной кибитке и слушать, затаив дыхание, вдохновенную песнь народного певца — джангарчи — о «зонтом веке» древних богатырей, о их подвигах и приключениях.

Страна Бумба — особенная страна: она не знает смерти и увядания. На эту страну нападают бесчисленные вражеские полчища: многоголовые чудовища — мангасы и «жители седьмой преисподней» — шулмусы, но всегда терпят поражение от шести тысяч двенадцати богатырей легендарного хана Джангра.

В песнях «Джангариады» немало сказочного, чудесного, герои ее — личности не исторические, и вместе с тем в «Джангариаде», как в зеркале, отражаются надежды и чаяния калмыцкого народа, его многовековая борьба за свое национальное существование.

Калмыки — самые молодые из европейцев: только в 1632 году они перекочевали на Волгу и связали навечно свою судьбу с судьбой великого русского народа.

Первоначальная родина калмыков — Центральная Азия. Во второй половине XIV века четыре племенных союза западной ветви

монголов заключили между собой союз «Дербен ойрат» — «Союз четырех». Отсюда и историческое самоназвание калмыков — ойраты. Впоследствии соседние тюркские племена стали называть их «калмыками», что означает по-русски «отделившиеся».

На протяжении многих веков боролись калмыки за свою государственную независимость с преемниками Чингис-хана. Но только в 1440 году, предводительствуемый замечательным полководцем ханом Эсеном, калмыцкий народ собрал достаточно сил, чтобы разгромить своих извечных угнетателей.

Этот период, который ученые называют блистательным периодом в истории калмыков, был ознаменован небывалым подъемом национального самосознания.

Величайшим литературным памятником этой кратковременной эпохи первой калмыцкой государственности является «Джангар».

Когда была создана эта поэма? Трудно, почти невозможно установить точно дату возникновения народного эпоса, передаваемого из уст в уста, носящего на себе сотни различных наслоений. Описания предметов материальной культуры, мифические герои добуддийского, шаманского пантеона дают нам основание предполагать, что возникновение эпоса относится к временам глубочайшей древности, что отдельные эпизоды его были созданы задолго до вступления монгольских племен на арену мировой истории.

Когда мы говорим о пятисотлетии «Джангара», мы имеем в виду дату оформления его в одно эпическое целое, поэтической циклизации его отдельных глав.

Эти главы бытовали в народе сначала как отдельные, самостоятельные поэмы. Объединение песен в эпопею произошло после объединения мелких калмыцких улусов в крупное кочевое государство.

Основная идея эпоса — идея единения и благополучия народа. Служение народу — цель героев «Джангариады», ненависть к врагам народа — их украшение. Этой идеей дышит каждая строка эпоса, но особенно ярко она выражена в замечательной присяге богатырей, которая известна каждому калмыку:

Жизни свои острию копья предадим,
Страсти свои державе родной посвятим.

Да отрешимся от зависти, от похвальбы,
От затаенной вражды, от измен, от алчбы.

Груди свои обнажим и вынем сердца
И за народ отдадим свою кровь до конца.

Верными Джангру, едиными будем вовек
И на земле будем жить, как один человек.

Да никогда богатырь не кинется вспять,
Вражью завидев неисчислимую рать.

И да не будет коня у него, чтоб не мог
Вихрем взлететь на самый высокий отрог.

Да никогда никому бы страшна не была
Сила железа, каленого добела.

И да не будет страшна никому никогда
Рассвирепевшего океана вода.

И да не сыщется никогда силача,
Что убоялся бы ледяного меча.

И да пребудем бойцами правдивыми мы,
И да пребудем всегда справедливыми мы…

В дни гражданской войны мне приходилось в Конной армии быть свидетелем необычайной силы воздействия «Джангара» на слушателей. Когда во время привала, после трудного и утомительного перехода, убеленный сединами джангарчи пел о героях народной эпопеи, которые скакали, «дневки не делая днем, не спя по ночам», — конармейцы калмыки распутывали своих скакунов и с утроенной яростью мчались навстречу врагу.

В «Джангаре» двенадцать песен, по числу основных героев поэмы. Каждый из них наделен какой-нибудь главной, только ему присущей чертой.

Особенно горячим патриотом изображается богатырь Хонгр, самый любимый герой калмыцкого народа, сочетавший в себе «все девяносто девять человеческих достоинств». Его друг Гюзан Гюмбе говорит о нем:

Предан он родине: сила в этом его,
Надо прислушиваться к советам его!

Хонгр — живое олицетворение калмыцкого народа. Его создатель — народ — наделил героя своими лучшими чертами: мужеством, ловкостью, силой, душевной чистотой. Прекрасно характеризуют Хонгра следующие строки:

Он забывает в сраженьях слово: назад!
И повторяет в сраженьях слово: вперед!

Интересно отметить, что в «Джангариаде» нет апофеоза грубой примитивной силы. Герой «Джангариады» побеждает бесчисленных врагов, которым «земля узка», смекалкой, ловкостью, хитростью. Носителями этих качеств нередко избираются дети, побеждающие полчища великанов. В «Джангариаде» имеется несколько песен, посвященных подвигам детей — юных патриотов. Такова, например, исполненная своеобразной прелести песнь о трех мальчуганах, спасших свою родину от иноземного ига.

Не только люди являются героями «Джангариады»: и кони, прославленные калмыцкие кони, сильные и выносливые, решают зачастую исход сражений. Народ наделил их в эпопее даром речи и мудростью, они — драгоценные сокровища кочевого богатыря, его верные друзья и в горе и в радости. Вот как описывается конь Джангра — Аранзал:

Аранзал в крестце собрал
Всю грозную красоту свою,

Аранзал в глазах собрал
Всю зоркую остроту свою,
Аранзал в ногах собрал
Всю резвую быстроту свою.

А вот другое описание:

Сказывают: у прославленного скакуна
Шея лебяжья, кара-куланья спина,
А величавая грудь Алтаю равна.
Челки подобны мягким купавам речным;
Уши подобны кувшинным ручкам резным;
Очи пронзительней кречетовых очей;
Крепость резцов превосходит крепость клещей;
Редки шаги: копыта — державам земным
Гибель несут…

Богатство фантазии, блеск поэтических красок — вся песенная сила народа прославляет величие, силу и красоту его гордых сынов-богатырей.

Калмыцкий народ, некогда обираемый и обманываемый попами-гелюнгами, князьками-нойонами и российскими плутократами, обреченный самодержавием на вымирание, в течение пяти столетий передавал из уст в уста свою эпопею — мечту о прекрасной и вечной жизни. «Очень важно отметить, — говорил А. М. Горький, — что фольклору совершенно чужд пессимизм, не взирая на тот факт, что творцы фольклора жили тяжело и мучительно». Тяжела и мучительна была жизнь калмыцкого народа, но он верил, что вместе с русским народом завоюет свое светлое будущее.

Эта мечта сбылась с победой Октября. Калмыцкий народ увидел в стране социализма осуществление своих надежд и идеалов и с новой силой полюбил «Джангариаду».

О. И. Городовиков, генерал-полковник.

«ДЖАНГАРИАДА» — ВЕЛИЧЕСТВЕННЫЙ КАЛМЫЦКИЙ ЭПОС

Калмыки, в более раннем названии ойраты, обладают замечательным героическим сказанием о богатыре Джангре. Песни о Джангре являются самыми излюбленными и самыми распространенными в устном народном творчестве калмыков.

Содержанием песен служит прославление цветущей страны Бумбы и ее богатыря, защитника и главы Джангра.

Страна Бумба, в которой живут герои поэмы, — это страна вечной молодости и бессмертия. Жители ее живут в довольстве и, ничего не деля на «мое» и «твое», славят в напевах сладостное бытие:

Счастье и мира вкусила эта страна,
Где неизвестна зима, где всегда — весна,
Где не смолкая ведут хороводы свои
Жаворонки сладкогласые и соловьи,
Где и дожди подобны сладчайшей росе,
Где неизвестна смерть, где бессмертны все,
Где небеса в нетленной сияют красе,
Где неизвестна старость, где молоды все,
Благоуханная, сильных людей страна,
Обетованная богатырей страна.

Защита страны Бумбы — основная идея «Джангариады».

Все песни изображают отдельные эпизоды военной борьбы Джангра и его богатырей с иноземными врагами Бумбы. Следует отметить при этом, что все эти войны характеризуются как войны оборонительные, как войны, ведущиеся за честь и свободу страны от посягательства чужеземных по работителей.

Так, в пятой песне «О поединке Хонгра, Алого Льва, со страшным Догшон Мангна-ханом, владеющим исполинским чалым конем Манзаном», описываются подвиги богатыря Хонгра, который один вступает в борьбу против вероломного Догшон Мангна-хана, вознамерившегося покорить и уничтожить Бумбайскую страну, чтобы только угодить своему наследнику, с детства ненавидевшему Бумбу и мечтавшему об ее уничтожении.

В шестой песне «О подвигах богатыря Савра Тяжелорукого» братья-богатыри Савр и Хонгр бьются за честь и достояние Джангра с богатырями чужеземного хана Замбала, угнавшими весь несметный драгоценный табун Джангра.

В одиннадцатой песне «О поражении свирепого хана шулмусов Шара Гюргю» изображается освободительная война за восстановление Бумбайского государства и за освобождение из неволи покоренного иноземным ханом Шара Гюргю.

Последняя, двенадцатая песнь «О походе против лютого хана Хара Киняса» также посвящается справедливой войне против хана Хара Киняса, напавшего на старшего богатыря Хонгра — опору и надежду Бумбайской страны.

В «Джангариаде» сохраняются и воспеваются, как своего рода реликтовые отношения, лучшие времена из прошлого ойратско-калмыцкого народа, к которым относится главным образом XV столетие, когда было создано крупное ойратское государство, объединившее все четыре ойратских племени. Надо полагать, что тому периоду обязана своим происхождением и «Джангариада». Но не только этим ценна «Джангариада», — еще более важно то, что благословенная страна Бумба в народном сознании живет не только как страна прошлого, как «золотой век» в истории ойратского народа, но и как страна народных чаяний и ожиданий — страна будущего.

Академик Б. Я. Владимирцов справедливо считает, что «Джангариаду» надо признать удивительной выразительницей народного духа, стремлений народа, его чаяний, она рисует его

настоящий мир, вот эту его повседневную, настоящую жизнь, но только возведенную в идеал; она является действительно национальной поэмой.

Громадная общественно-воспитательная роль «Джангариады» подтверждается всей историей калмыцкого народа.

Калмыцкие воины, участвовавшие в народных движениях Разина и Пугачева, в национально-оборонительных войнах русского народа против шведов в рядах войск Петра I, против нашествия Наполеона в рядах войск Кутузова, в гражданской и Великой Отечественной войнах, вспоминали о подвигах Джангра и его двенадцати богатырей.

«Джангариада» всегда вдохновляла калмыцкий народ на борьбу за счастливую жизнь, за ту жизнь, которая протекает в волшебной стране Бумбе.

О существовании и бытовании у калмыков эпического сказания «Джангар» в литературе было известно уже давно, но о содержании «Джангара» до прошлого века не было никаких сведений. Впервые в 1804 и 1805 годах Бергманом в Риге в немецком изложении были опубликованы две песни, но где и кем они были записаны — неизвестно.

Первое исследование калмыцкого эпоса «Джангар» принадлежит нашему известному монголисту А. А. Бобровникову, который в 1854 году опубликовал перевод одной торгутской песни «Джангара», записанной Н. И. Михайловым. Во введении к этому переводу А. А. Бобровников дает характеристику «народной калмыцкой сказки» «Джангар», исходя только из одной песни, которую он переводил, не зная о существовании других песен — целого цикла «Джангариады». Все же характеристика, данная А. А. Бобровниковым «Джангару», послужила основой для всех последующих исследований эпоса.

Уже А. А. Бобровников признал, исходя только из одной ему известной песни, что «Джангар» представляет собой весьма интересное явление именно в том отношении, что это, во-первых, оригинальное калмыцкое произведение и, следовательно, уже большая редкость, а во-вторых, это произведение народное и потому представляющее собою живое изображение понятий и склонностей калмыка.

Все наши отечественные монголисты очень интересовались «Джангаром» и считали его своего рода шедевром устного народного

творчества ойратов (калмыков).

Профессор К. Голстунский записал у торгутских джангарчи две песни и в 1864 году опубликовал их оригинальный текст без перевода. В дальнейшем профессор А. М. Позднеев дважды переиздавал эти песни — в 1892 и 1911 годах — и в специальном исследовании, посвященном устному народному творчеству монгольских племен — ойратов, бурят и др., заострил внимание на самобытности и своеобразии устного песенного творчества этих народов, которые он объяснял различием их исторических судеб, начиная с XV века.

После записей «Джангара», сделанных О. Ковалевским, Н. И. Михайловым и К. Голстунским, было записано еще десять песен в Малодербетовском улусе со слов джангарчи Овла Эляева. Эта запись проверена на месте профессором В. Л. Котвичем и в 1910 году была опубликована в литографированном издании.

В настоящее время имеется всего семнадцать песен «Джангара», из которых наиболее распространены двенадцать песен.

В советское время вопросами «Джангариады» занимались академики Б. Я. Владимирцов и С. А. Козин. Б. Я. Владимирцов в предисловии к своей книге «Монголо-ойратский героический эпос» (1923) в общей характеристике ойратско-калмыцкого эпоса коснулся и «Джангара». При этом он оценку и анализ «Джангариады» дает главным образом с позиций теории «аристократического происхождения эпоса». Он утверждает, что цикл «Джангариады» возник и развивался исключительно в аристократической феодальной среде, которая щедро оплачивала джангарчи — исполнителей «Джангариады». Такое утверждение все же не мешало Б. Я. Владимирцову признать «Джангариаду» «удивительной выразительницей народного духа, стремлений народа, его чаяний».

В понятии народности Б. Я. Владимирцов, как и А. М. Позднеев, не различает идеологий двух противостоящих классов — эксплуатируемых и эксплуататоров, и поэтому в рассуждениях о народности эпоса ими не учитывается классовая дифференциация.

Б. Я. Владимирцов много внимания уделяет сказителям («тульчи», «джангарчи»), их происхождению, специализации и их роли в сохранении и дальнейшем развитии эпоса.

Изучение «Джангариады», по мнению Б. Я. Владимир-цова, нельзя ограничивать рамками ойратского эпоса, необходимо учитывать

те широкие культурно-исторические связи, которые имели ойраты на протяжении своего исторического существования, однако, он не связывает это с ущербом для национальной самобытности ойратского эпоса.

После академика Б. Я. Владимирцова исследованием «Джангариады» занимался академик С. А. Козин. В 1940 году им было опубликовано специальное исследование: «Джангариада. Героическая поэма калмыков».

В отечественной монголистике это первое филологическое исследование «Джангариады». Автор дает перевод четырех песен торгутской версии, которые представляют варианты, опубликованных в настоящем издании песен пятой, шестой, одиннадцатой и двенадцатой.

Во введении С. А. Козин освещает вопросы: место «Джангариады» в общем монгольском и ойратском устном народном творчестве, время возникновения и оформления «Джангариады», иначе — возраст «Джангариады», содержание, изобразительные средства и язык песен.

В результате этих исследований определился пятисотлетний возраст «Джангариады».

Народы Советского Союза высоко ценят величайшие памятники народного эпоса. В свое время были отпразднованы столетие первого издания финско-карельского эпоса «Калевалы», 750-летие грузинской поэмы «Витязь в тигровой шкуре», 750-летие шедевра русского средневекового искусства «Слово о полку Игореве», тысячелетие армянской эпопеи «Давид Сасунский». А в 1940 году советская общественность торжественно отметила пятисотлетие калмыцкого «Джангара».

Советская фольклористика за последнее время добилась крупных успехов. Можно уже сказать, что на основе марксистско-ленинской теории разрешены проблема народности и проблема историзма устного народного творчества. На такой основе положительно разрешены эти проблемы в героических эпосах «Манас», «Гэсэр» и др.

Предстоит разрешить эти проблемы и в отношении «Джангара». Но уже и теперь вполне очевидно, что калмыцкий героический эпос «Джангар» отнюдь не феодально-ханский, а подлинно народный. На это указывают идейное содержание, национальное своеобразие героев,

особенности художественной формы «Джангариады» и, наконец, народность и общедоступность поэтического языка.

Правильно оценить идейное содержание «Джангариады» возможно только с учетом мировоззрения, идеалов народа именно в то время, когда зарождался и развивался эпос. Вполне естественным при этом представляется, что в «Джангариаде» проводятся идеи о хорошем, справедливом хане. Ограниченность миросозерцания в этом случае исторически объяснима. Наличие некоторых клерикальных буддийско-ламаистских элементов в «Джангариаде», как и в «Гэсэриаде», объясняется влиянием идеологии господствующего феодального класса, и это не уничтожает народную основу эпоса. Точно так же наличие общих героев, общих одинаковых сюжетов, образов и эпизодов еще не снимает самобытной основы творчества.

В истории изучения «Джангара» встречались утверждения, что калмыцкий эпос возник под влиянием иранского эпоса и тибетско-монгольского «Гэсэра».

Культурно-исторические взаимовлияния народов являются вполне закономерными, и ойраты на протяжении своего исторического существования (считая даже только с XIII века) имели связи с разными народами Азии и Европы. Поэтому нельзя отрицать таких заимствований.

Интересно при этом отметить, что и А. А. Бобровников и Б. Я. Владимирцов, отдавшие дань теории заимствования, все же перед лицом действительных фактов вынуждены были прийти к выводу, что «Джангариада» «является действительно национальной поэмой».

Исследования «Джангариады» академиком С. А. Козиным полностью подтвердили самобытность и относительную древность ойратско-калмыцкого эпоса.

«Джангар» привлекал внимание и исследователей русского фольклора, которые находили много общего у «Джангара» с русским богатырским эпосом — былинами. Однако сравнение в целях выяснения, кто у кого что заимствовал и чей эпос оригинальный, не выясняет народной сущности эпоса и не оправдывается советской фольклористикой. Такое сравнение является методическим орудием либерально-буржуазной фольклористики. Сравнительно-исторический метод может быть полезен в истории изучения эпоса близких,

родственных народов, например, славянских, тюркских, монгольских и др.

Сопоставление сходных фактов в эпосе разных народов также может быть полезно, когда оно служит не самоцелью, а средством, указывающим на обогащение национальной основы творчества и на общие пути в развитии героического эпоса.

В этом плане академик Ю. М. Соколов указывал, что в «Джангаре» и русском былинном эпосе имеется много общего.

Ю. М. Соколов считает, что калмыцкий эпос по общему своему характеру и по своей жанровой природе ближе всего стоит к русским былинам. Близость к эпосу других монгольских народов вполне закономерна, и Ю. М. Соколок оставляет это в стороне. В сходстве с русскими былинами бросается в глаза прежде всего общий принцип объединения различных песен вокруг одного лица и одного географического пункта: в русских былинах — вокруг Киевского великого князя Владимира Красного Солнышка, в калмыцком эпосе — вокруг великого нойона (князя) Джангра и счастливой страны Бумбы.

И в русском и в калмыцком эпосе герои характеризуются яркими устойчивыми чертами. Как в русских былинах Илья Муромец определяется непоколебимой честностью и бесстрашием, Добрыня Никитич — образованностью, «вежливостью», Алеша Попович — смелостью, Чурило Пленкович — красотой и щеголеватостью, так в калмыцком эпосе Хонгр наделен несравнимой ни с кем храбростью, Алтан Цеджи — мудростью и прозорливостью, Савар Тяжелорукий — силою, Санал — выносливостью, «златоуст» Ке Джилган — красноречием и т. д.

Широкая устойчивая типизация является характерной чертой обоих эпосов.

И в русских былинах и в калмыцком «Джангаре», можно сказать, все типизировано: описание пира богатырей, их состязаний и поединков, описание их жилищ, одежды, вооружения, коня, богатырской поездки, богатырского сна, мужской и женской красоты, детства и старости, мужества и трусости, гнева и сострадания, вражды и дружбы.

Принципы контраста и гиперболизма, присущие эпическому стилю всех народов, в «Джангариаде» поражают своими грандиозными масштабами.

Особенностью калмыцкого эпоса является любовное отношение героев эпоса к коню. Едва ли найдется еще другой какой-либо эпос, где бы столько внимания было уделено коню, уходу за ним, его повадкам, его красоте, его боевым качествам.

Как картинно, например, описывается боевой конь Хонгра Лыско:

С гладкими ребрами бегунец боевой,
С гордо посаженной маленькой головой,
С парой прекрасных, подобных сверлам, очей,
С парой ножницевидных высоких ушей,
С мягкой, изнеженной, как у зайца, спиной,
С грудью широкой такой, как простор степной,
С парой, как у тушкана, передних ног,
Напоминающих на скаку два крыла,
С парой чудесных, стремительных задних ног,
Вытянутых, как ученые сокола
Вытянутся, лишь наступит охоты час,—
Лыско подумал, до башни дойдя: «Вот и час
Пробил, когда седлать настала пора!»

Если много общих черт у калмыцкого эпоса с русскими былинами, то еще больше имеется различий. Наблюдаемые сходства в различных эпосах относятся больше всего к чертам внешнего формального порядка и объясняются не только заимствованиями в силу существовавших в прошлом культурно-исторических связей, но и общими историческими судьбами создателей этих эпосов.

В отношении отмеченного сходства в циклизации русского и калмыцкого эпосов академик Б. Я. Владимирцов считает, «что калмыцкий эпос в своем развитии перешел те формы, в которых судьба оставила русские былины. Дело в том, что в „Джангаре“ гораздо больше внутреннего сходства действия отдельных поэм-песен, они связаны не только внешней связью — одним и тем же ханом, каждая из них является естественным продолжением, развитием предыдущей, почти не встречается противоречий».

Творческая самобытность калмыцкого эпоса подтверждается и подробным и любовным описанием предметов культуры и быта,

предметов, созданных руками человека, — зданий, оружия, одежды, украшений и т. п. Детальное описание таких предметов дает возможность выяснить характер калмыцкой народной эстетики.

Вторая важная проблема «Джангариады» — ее историчность, как и первая проблема — самобытности и народности, также была в центре внимания всех наших монголистов, которые занимались изучением ойратско-калмыцкого героического эпоса.

Больше всех внимания этому вопросу уделяли А. М. Позднеев и С. А. Козин, и оба они в конце концов пришли к тому выводу, что ни к какому конкретному историческому событию или историческому лицу нельзя приурочить события или имена героев, о которых повествуется в «Джангаре».

А. М. Позднеев, отдавая дань так называемой исторической школе в фольклористике, пытался особенно тщательно проследить историю ойратского народа и найти в ней близкие события и деятелей, с которыми можно было бы отождествить повествование «Джангариады».

В результате своих исторических розысков он вынужден был заявить, что ойратский героический эпос не обладает конкретным историзмом в силу присущей такой особенности героическому эпосу вообще и благодаря еще тому, что мы мало знаем историю, быт и культуру ойратского народа.

Академик С. А. Козин проблему историзма калмыцкого эпоса разрешал в том смысле, что эпосу не присущ конкретный историзм, так как эпос в процессе своего развития воспринимает новые элементы под воздействием изменяющихся исторических условий.

Несмотря на это, в калмыцком эпосе все же отразились крупнейшие события в жизни их создателей.

Таким наиболее крупным событием явилось образование в XV веке мощного ойратского государства. Это была блестящая страница в истории ойратско-калмыцкого народа, и она ярко запечатлелась в повествованиях «Джангариады». Она же и обусловила происхождение, вернее сформирование, циклизацию «Джангариады».

Это положение считается наиболее правильным или, во всяком случае, наиболее близким к действительному разрешению проблемы историзма ойратско-калмыцкого эпоса.

Следует еще сказать, что «Джангариада» как произведение искусства до сих пор мало еще изучалась. Первые попытки в этом отношении были сделаны А. М. Позднеевым, отчасти Б. Я. Владимировым и С. А. Козиным.

Этому вопросу также уделил внимание калмыцкий поэт Аксен Сусеев в специальном исследовании — «Поэтика „Джангариады“».

Настоящее издание, как и первое юбилейное 1940 года, дает двенадцать песен из цикла «Джангариады». Русский перевод выполнен поэтом Семеном Липкиным.

Несколько слов о превосходном переводе С. Липкина.

Перед переводчиком стояла труднейшая задача: не только передать близко или точно содержание и изобразительные средства ойратско-калмыцкой эпопеи, но и создать для читателей своим переводом то впечатление, которое получали и получают слушатели в национальной обстановке от исполнения своего джангарчи. Иначе сказать, переводчик должен был как бы воплотиться в джангарчи и словесными средствами, единственными в его распоряжении, создать необходимое впечатление, то есть передать и идейнопоэтические образы, и напев вместе с речитативом джангарчи, и своеобразное музыкальное оформление песен — звукопись.

Надо сказать, что С. Липкин удачно справился со стоящей перед ним задачей и дал не просто перевод, а, можнс сказать, самостоятельное эпическое произведение. Нам кажется, что этот успех во многом содействовал широкой известности «Джангариады» не только у нас в СССР, но и за рубежом.

Если в некоторых случаях в литературной обработке «Джангариады» и можно найти отступления от оригинала, то они вполне закономерны и оправдываются теми задачами изучения устного творчества народов СССР, которые ставит советская фольклористика, исходя из крупной общественно-воспитательной роли народного героического эпоса.

Б. К. Пашков, профессор.

ДЖАНГАР

Вступление

Это было в начале времен,
В стародавний век золотой.
Вечности начинался расцвет.
Величавый брезжил рассвет
Веры бурханов святой.
Дж**а**нгар жил в эти дни.
Круглым остался он сиротой.
Так о нем говорят:
Так**и**-Зул**ы**-хана он семенем был,
Тангс**ы**к-Б**у**мбы-хана внуком он был,
Узюнга великого сыном он был.
Узнал он рано войну,
Ужас прошел по отчизне его:
В лето второе жизни его
Вторгся жестокий мангас в страну.
В третье лето вступив едва
(Аранзалу — его коню —
Было в то время только два),
Джангар сел уже на коня.
Поскакал он, броней звеня,
Трех крепостей разрушил врата —

Трехгодовалый сирота,
Гулджин-мангаса себе покорив.
В четвертое лето вступив,
Четырех крепостей врата
Разрушил нойон — сирота,
Дердинг Шар-мангаса покорив.
Пятого лета вступив на порог,
Пять шулмусов он превозмог,
Пять владык захватил в полон.
А когда вступил нойон
В пятое лето жизни своей, —
Полонил его Шикширги,
Заложником сделал его.
Но едва лишь нойон достиг
Шестого лета своего, —
Шести крепостей он разрушил врата,
Шесты сломал сорока пик.
Властно расширив свои рубежи,
Покорив Алтана Цеджи —
Владельца башни золотой,
Поставил его главой
Над правым полукругом своих
Бесчисленных богатырей.

Когда же седьмого лета достиг, —
Ханом семидержавным он стал,
Зваться великим и славным он стал.

В те времена, когда скакал
Ветра быстрее конь Аранзал,
Пика не только пестрой была —
Пестрая пика острой была,
А Джангар молод и славен был,
Самим бурханам равен был, —
Четыре хана в жены ему
Предложили своих дочерей.
И простые нойоны ему

Предложили своих дочерей.
Джангар и слушать не хотел,
Ни с чем они удалились прочь:
В жены взял Ном Тегиса дочь —
Меж Востоком и Югом ханство его, —
Как измерить пространство его!

Про землю Джангра так говорят:
Это была Бумбы страна —
Искони так звалась она.
Из коней обретались там
Аранзалы одни, говорят.
Из людей обретались там
Великаны одни, говорят.
Сорокаханная эта страна,
Обетованная эта страна.
После двадцати пяти лет
Не прибавлялись там года.
Смерть не вступала туда.
Люди не знали в этой стране
Лютых морозов, чтоб холодать,
Летнего зноя, чтоб увядать.
Осень сменялась там весной.
Ветер — колыханьем был.
Дождь — благоуханьем был.

Тысячам тысяч счастливых людей
Тесен был простор степной
В пятимесячный путь шириной;
Точно пуп небес и земли,
Высилась лысая там гора,
Видимая издали.
Там океан Ерген Шартыг
Подобно синему кругу лежал,
К северу и к югу бежал.
Прохладная Домбо-река
Только Джангра поила водой.

Летом бурлила она и зимой,
Размывая берега.

Рассказывают о Джангре так:
Был повелитель истинный он.
Желтых четыре истины[1] он
Соединил в своих руках.
Держава была нерушима его.
Слава неудержимо его
Гремела на просторной земле.

Словно марево поутру,
Золотому подобно шатру,
Мудрого Джангра сверкал чертог.

Так о нем говорит знаток:
Однажды Джангровы богатыри
Вели беседу между собой:
«Нойону-повелителю мы,
Нашему правителю мы
Построим Джангру дворец такой,
Которому равного в мире нет!»

Собрав тогда в единый круг
Ханов всех сорока двух,
Ханов всех четырех ветров, —
Джангру решили воздвигнуть кров,
Выбрав место для него:
На океанском берегу,
На целомудренном лугу,
В тени омываемых тополей,
Неувядаемых тополей,
Среди двенадцати синих морей,
Севернее восточных лучей,
У правого подножья горы.
И когда настала пора,
Ханы всех четырех ветров

Желтых с собой привезли мастеров.
Выбрали прежде всего мастера
Из месяцев самый святой,
Самый священный день из дней,
Чтобы работа пошла верней.
Кораллами выложили они
Основание дворца.
Не было кораллам конца.
Стены воздвигли из жемчугов.
Разукрасили они
Изображеньем львиных клыков
Стены северного, угла.
Разукрасили они
Изображеньем тигриных клыков
Стены полуденного угла.

З**а** сто без году прошедших лет
Рассказывающий дела,
На сто без году грядущих лет
Предсказывающий дела, —
Молвил Алтан Цеджи — мудрец:
«Строить нойону дворец
До самого неба высотой
Было бы затеей пустой:
Слишком желанье велико,
Слишком до неба далеко.
Надо воздвигнуть нойону кров
На три пальца ниже небес!»

Шесть тысяч двенадцать мастеров,
Выделыватели чудес,
В искусстве соревнуясь своем,
Выбиваясь из сил, наконец
Выстроили Джангру дворец.
То пятибашенный был дворец,
То разукрашенный был дворец.
Опоясан был дворец

Катауром, словно конь.
Стеклами красными, как огонь,
Сзади был облицован дворец.
Спереди был облицован дворец
Стеклами белыми, как облака.

Покрыта была, говорят,
Шкурою пегого быка
Северная сторона,
Покрыта была, говорят,
Шкурою сизого быка
Полуденная сторона,
Чтобы зимующим в Бумбе-стране
На северной стороне
Эта зимовка была легка
Среди кумыса и молока,
А полудённая сторона
Маслом и жиром была полна.
Внешние четыре угла

Нежные раскрывали глаза
Из огненно-красного стекла.
Внутренние четыре угла
Синяя сталь облегла.

Чудом был всесветным дворец.
Был десятицветным дворец,
Был девятиярусным он.
Неисчислимым и яростным он
Джангровым угрожал врагам,
Поражал их своей высотой —
Тополёвый и золотой.

Ветер знамя на нем развевал.
Если знамя чехол покрывал,
То, и невидимое, оно
Желтому солнцу было равно.

Если же обнажалось оно —
Было семи солнцам равно!

С месяцем в полнолунье схож,
Смелых повелитель и вождь,
Смертных покоритель и вождь,
Недругов повергший в прах,
На престоле золотом
О сорока четырех ногах
Джангар великий восседал,
Месяцеликий восседал.
Шелковый был халат на нем,
Шили одни лишь ханши его,
А скроила раньше его,
Ножницами вооружена,
Шестнадцатилетняя жена.

Расправляя усы свои,
Словно ласточкины крыла,
Восседал он в ставке своей,
Посвящая богатырей
Во все мирские свои дела,
Во все святые свои дела.
Вопрошающим:
«Какова
Ханша — властительница страны,
Повелительница страны
Шестнадцатилетняя жена, —
Та, что Джангром привезена
В те времена, когда скакал
Ветра быстрее конь Аранзал,
Пика не только пестрой была —
Пестрая пика острой была,
А Джангар молод и славен был,
Самим бурханам равен был?» —
Ответствуют:
«Такова она:

Глянет налево — станут видны
В сиянии левой щеки
Мелкие рыбки левой реки.
Глянет направо — станут видны
В сиянии правой щеки
Мелкие рыбки правой реки.

Крови алее губы ее,
Снега белее зубы ее.
Белый на голове убор.
Если верить молве, убор
Шило множество ханских жен…
Шелк волос ее так заплетен,
Чтобы соответствовал он
Щекам, напоминающим кровь.
Щегольские у каждой щеки
Шелковые шивырлыки
Колыхались, говорят.

Колыхались, говорят,
На мочках нежно-белых ушей,
На белую шею бросая свет
Сероватых зеркальных лучей, —
Серьги из чистого серебра.
Кто видел шариковый помет
Верблюжонка двухлетнего, тот
Величину серег поймет!

Если властительница начнет
Девяносто одну струну
Гуслей серебряных перебирать,
Если ханша начнет играть, —
Почудится: в камышах
Лебединый летит хоровод,
Хоровод лебединый поет,
Отдается пенье в ушах
Уток, летящих вдоль озер,

Уток, звенящих вдоль озер
На двенадцать дивных ладов,
Разных, переливных ладов».

Если же спросит народ:
«Кто, не сбиваясь, поет
В лад прекрасным гуслям таким?» —
Ответим: «Это — бесценный Мингйан,
Прекраснейший во вселенной Мингйан,
Прославленный голосом своим!
Между избранными он —
Избранный запевала давно,
Равных ему не бывало давно!»

Сказывают, был главой
Над правою стороной
Джангровых богатырей
Байн Кюнкян Алтан Цеджи,
Богатырь, безо всякой лжи
Рассказывающий дела
З**а** сто без году прошедших лет,
Предсказывающий дела
Н**а** сто без году грядущих лет.
Сведущий во зле и добре,
Он восседает на ковре
По правую руку вождя.
Важно, с места не сходя,
Он разрешает мирские дела,
Он разрешает святые дела
Своей обетованной страны,
Своей сорокаханной страны.

Сказывают, был главой
Над левою стороной
Джангровых богатырей
Старший сын Менген Шикширги —
Улан Х**о**нгор, Алый Лев,

От которого, оробев,
Бежали бесчисленные враги.
Он родился от ханши Зандан Герел.
Множеству дротиков и стрел
Подставлял он грудь свою.
Страха не ведал в бою
Этот прославленный исполин.
Джангру подчинил он один
Земли семидесяти держав!

Гюзан Гюмбе с ним вместе сидел.
Он при стесненном усесте сидел,
Занимая места двадцати бойцов,
Он при свободном усесте сидел,
Занимая места сорока бойцов.
Он славился силой великой своей,
Черной, холодной пикой своей,
Слоноподобным своим конем,

Словно ночь, вороным конем.
Некогда в споре с Цеджи самим
Победил он, рассказав
О деяниях вер и держав
За тысячу и один год.

Справа от Алтана Цеджи
С**а**вар Тяжелорукий сидел.
Среди людей великаном он был,
Соколом неустанным он был.
Закаленная в пламени сеч,
Не сходила с могучих плеч
Острая секира длиной
В восемьдесят и одну сажень.
Стоила тысячу тысяч юрт
Рыжая кобыла его.
Сбрасывал он любого с коня, —
Так велика была сила его!

На левой, рассказывают, стороне
Третье место занимал
Темноволосый Строгий Санал,
На своем серо-лысом коне
За нойоном последовал он —
За владыкою мира всего,
Булингира — отца своего —
Дорогого сына лишив;
Нойоншу славную — мать свою,
Бурханам равную мать свою —
Торжественных поминок лишив.
Свою богатую страну
Мудрого нойона лишив,
Свою красавицу жену
Возлюбленного супруга лишив.

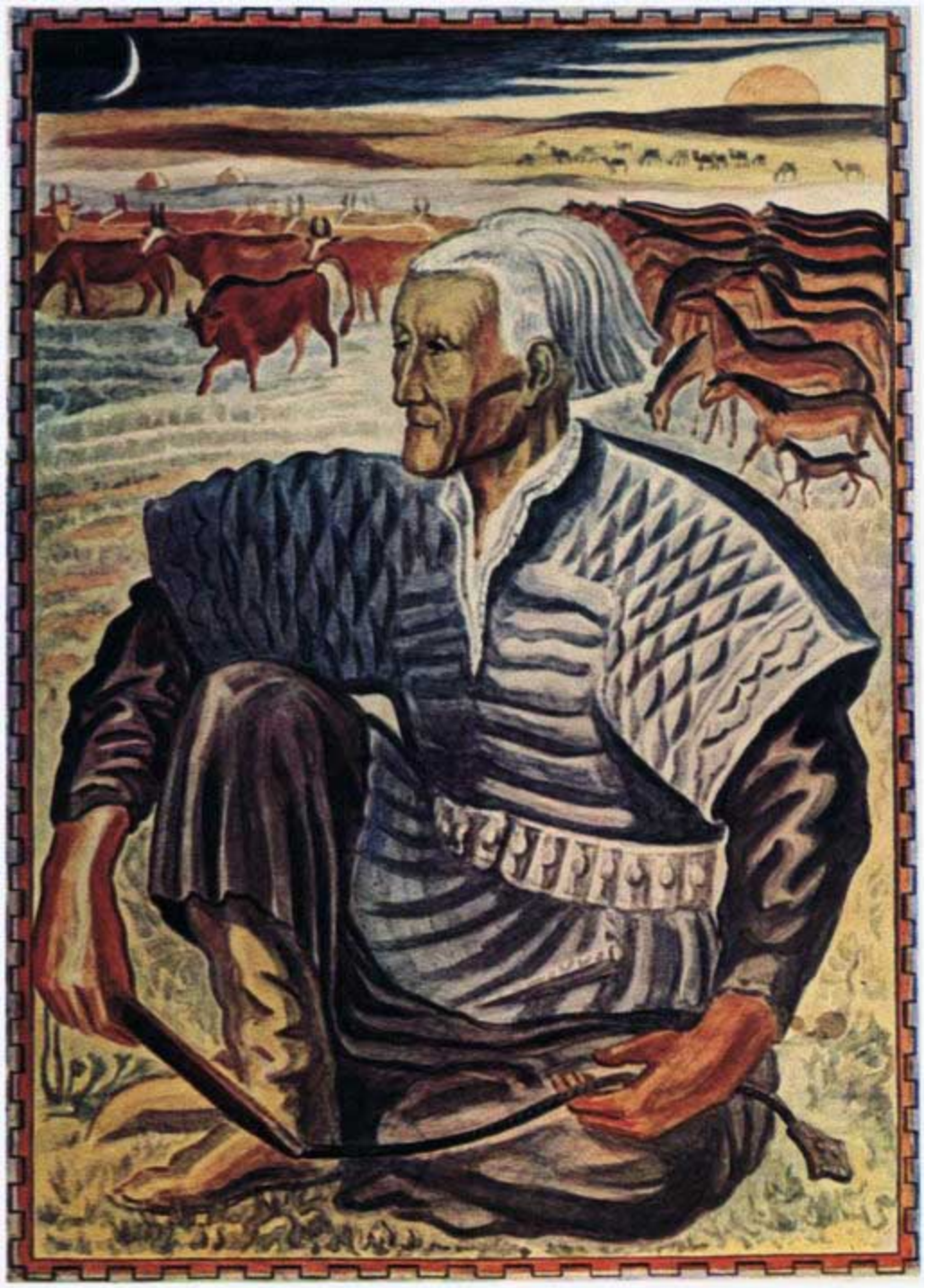
Множество таких силачей,
Шесть тысяч двенадцать богатырей,
С избранными из черных людей
Семь во дворце занимали кругов.
Кроме того, седых стариков
Был, рассказывают, круг.
И красноликих важных старух
Был, рассказывают, круг.
Жены нежно-белые там
Тоже составили круг.
Словно плоды спелые, там
Девушки составили круг.

Диких степных кобылиц
Молока потоки лились.
Разливались озера арзы,
Радующей взоры арзы.

Долго пировали там,
Пить не уставали там,

Стали красными наконец
Нежные глотки богатырей.
Загудел многоуглый дворец.
Желтые полчища силачей
Стали кичиться силой своей,
Озираться стали вокруг,
Вопрошая соседний круг:
«Ужели сражений для славы нет?
Сайгаков — и тех для облавы нет?
Ужели для боя державы нет?
Ужели врага для расправы нет?»

Песнь первая
О поединке великого нойона Джангара с Ясновидцем Алтаном Цеджи



Единственный в древнем роду,
Джангар, ныне великий нойон,
Был на пятом своем году
Стариком Шикширги полонен.

Изучив подробно дитя,
Исследовав со всех сторон,
Истину обретя:
Из людей он один рожден
Из начала мира сего
Стать владыкой мира всего,
И могучим, и славным стать,
Ханом семидержавным стать, —
Старый Менген Шикширги решил
Джангра убить в молодые года.
Пятилетний Х**о**нгор тогда —
Юный сын Менген Шикширги —
Джангру на помощь поспешил.
И, припав к ногам Шикширги,
Хонгор счастье изведал тогда:
Смерти подвергнуть н**е** дал тогда
Душу великого Джангра Богдо.

Стал раздумывать Шикширги,
Как убить потаенно дитя,
Уничтожить нойона-дитя.
И так решил Шикширги, наконец;
Может погибнуть этот юнец,
Если угонит красивый табун
Сорокатысячный сивый табун
Ясновидца Алтана Цеджи, —
Явную гибель найдет нойон,
Яростною стрелою сражен —
Ядом напитанной, удалой
Ясеневого лука стрелой.
К этому времени Джангар-нойон
Лета шестого достиг своего.

Вот однажды отправил его
Шикширги на великий угон
Сорокатысячного табуна.
Оседлав своего скакуна,
Джангар поскакал на восток.
Полетел Аранзал, как стрела.
Оказывался юный ездок
То спереди, то сзади седла.
Длиннохребетный конь Аранзал
Ночи — ночами не считал,
Утра — утрами не считал.
Так он три месяца проскакал.
Черной пыли взвилась полоса,
Подпирающая небеса.

Через сорок и девять дней
Джангар увидел вершину горы —
Покоилось небо на ней.
Взобравшись на вершину горы,
Взглядом холодным окинул нойон
Землю со всех четырех Сторон:
Среди золотых горных громад
Засверкала башня Барвад.
Заволновался красивый табун,
Сорокатысячный сивый табун.

Через истоки множества рек

Переправился Джангар потом.
Завладел он могучим скотом,
Окриком в кучу собрал табун
И, словно тучу, погнал табун…

Буре подобны, в густой пыли
Буйные кони скакали вдали,
Будто ветру завидовали,
Будто пугаясь комков земли,
Что по дороге раскидывали,
Будто брезгуя прахом земным!

От развевавшихся конских волос
Пение скрипок и гуслей неслось.
Там, где мчались коней косяки,
Красные разметав пески, —
Появлялась потом тропа:
Покрывалась песком трава.
Увидал Алтан Цеджи:
Всадник летит, табуны гоня,
Ни одного не теряя коня.
Приказал Алтан Цеджи
Оседлать своего коня.
«Этот угонщик коней лихих,
Сизоплешивых коней моих,

Очевидно, Джангар-нойон,
Что захвачен был в плен Шикширги.
В голове Менген Шикширги
Был задуман этот угон!
Вижу, заглядывая вперед:
Прибыл бы Джангар сюда через год,
Был бы тогда семилетним он, —
Надо мной одержал бы верх,
Захватил бы меня в полон,
Он с престола меня бы низверг!
Но прибыл сюда шестилетним он,
Значит, он будет моим теперь!»

Ясновидец при этих словах
Ясеневый, шириною с дверь,
Крепкий достал разукрашенный лук.
Сел на коня с помощью слуг,
На восток направил коня.
Через сорок четыре дня
Он увидел нойона вдруг
За тремя истоками рек.
Сразу прянула с лука стрела,
Пролетев над истоками рек,
Джангру в лопатку вошла.
К мягкой гриве мальчик припал,
Покинут сознаньем своим;
Но хозяина спас Аранзал:
Так поскакал, что дыханьем своим
Он раздваивал траву!

Упустив необъятный табун,
Джангра домчал чудесный скакун
Прямо до ставки Шикширги.
Изнемогая, свалился нойон
Около ставки Шикширги.

Закричал Шикширги, разъярен:

«Опротивел мне этот юнец.
Изрубите его, наконец,
Искрошите кости его
И скорее бросьте его
На съедение курам и псам!»
Так он жене приказал, а сам
На себя доспехи надел,
На темно-карего сел коня
И поскакал, броней звеня.

Когда же ханша Зандан Герел
Собиралась убить Богдо,
Как повелел ей грозный супруг, —
Хонгор бросился к матери вдруг,
Телом своим храня Богдо.
«Мать, убей и меня с Богдо! —
Закричал он матери вдруг, —
Не заноси над ним руки,
Из лопатки стрелу извлеки!
Ты, Герел, святая жена,
Ты самим бурханам равна,
Если моленьям уступишь ты,
Трижды переступишь ты
Через нойона Богдо моего,
Выпадет сразу стрела из него!»

Наконец уступила она:
Видеть сына, молящего здесь,
Дольше добрая мать не могла.
Трижды переступила она
Через Богдо, лежащего здесь.
Вылезла из лопатки стрела,
Да наконечник в ране застрял.
Хонгор крикнул:
«Заметила, мать,
Что наконечник в ране застрял?»
Мальчику так ответила мать:

«Как-то на следующий год
После замужества, весной,
Приключилась беда со мной.
Делала я кобылицам обход —
Помню, был хороший удой, —
Вдруг один жеребец гнедой
Матку покрыл. В ту пору еще
Глупой была я, молодой,
И на них через плечо
Страстолюбивый бросила взгляд.
Вот отчего, быть может, стрела
Выйти из раны теперь не могла!»

Стала тогда на колени Герел,
И для горячих молений Герел
Обе ладони вместе свела.
Выпала сразу из раны стрела,
Сразу же Джангар был исцелен.
Быстро вскочил великий нойон,
Ханше святой воздал он хвалу,
С Хонгром обнявшись, пошел к столу,
Песню дружбы с Хонгром запел.

Время некоторое прошло, —
Видит ханша Зандан Герел:
Не возвращается Шикширги.
Молвила ханша, вздохнув тяжело:
«Не возвращается Шикширги,
А возвратиться время пришло.
Поезжайте за ним поскорей».

Оседлав боевых коней,
С быстротой великой тотчас
Оба помчались в латах своих,
В одеяньях богатых своих,
И Шикширги настигли как раз,

Когда он судьбой наказан был,
Когда ясновидцем связан был,
Когда его дорогого коня
Уводил Алтан Цеджи…

Увидал Алтан Цеджи:
Мчатся могущественные друзья.
«Мне бороться с ними нельзя,
Буду сразу же побежден.
Если соединился нойон
С Хонгром, — драться напрасно мне,
Надо сдаваться, ясно мне!»

И ясновидец, так сказав,
Ноги Менген Шикширги развязав,
Навстречу всадникам поскакал.
Чумбуры серебряные растянув,
Железом из лучших желез застегнув,
Сталью из лучших сталей согнув
Стройные ноги своих бегунцов,
Четверо славных храбрецов
Для беседы сошлись мужской.
Важный, величественный Цеджи
С речью к ним обратился такой:

«Только вот этому Джангру Богдо
Семь исполнится юных лет,
С ним сравниться не сможет никто.
Силой своей удивит он свет.
Сонмы врагов раздавит он.
Имя свое прославит он.
Станут пред ним трепетать враги,
Счастливы станут народы его.
Слушайте, Менген Шикширги!

В эти прекрасные годы его
Обручите с ханшей Шавдал.

Перейдите в подданство к нему.
Передайте все ханство ему,
Все мирские свои дела,
Все святые свои дела.
И когда великий нойон
Соберет на пир племена,
В радости вечной пребудет он,
В изобилье пребудет страна.
Мне тогда поручит нойон,
Мне, Алтану Цеджи, возглавлять
Правую сторону богатырей.
И прекрасный, как ясный сон,
Будет Хонгор тогда возглавлять
Левую сторону богатырей.
Сорок мы покорим держав.
В руки свои навеки взяв
Все дела вселенной всей,
В красоте нетленной всей
Бумбы величие распространим —
Да воссияет из рода в род!
И в золотом совершенстве тогда,
В мире, в довольстве, в блаженстве тогда
Заживет могучий народ».

Сел Алтай Цеджи на коня,
Поскакал бронею звеня,
Свой табун обратно гоня.
Джангар, Хонгор и Шикширги
С превеликою быстротой
К башне помчались Шикширги —
Тополёвой и золотой —
И устроили торжество.

И когда нойон достиг
Лета седьмого своего, —
Четыре хана в жены ему
Дочерей предложили своих,

И простые нойоны ему
Дочерей предложили своих,
Джангар и слушать их не стал,
Ни с чем они удалились прочь, —
В жены взял Ном Тегиса дочь —
Шестнадцатилетнюю Шавдал.
Взял он в руки мирские дела,
Взял он в руки святые дела
И с поры достопамятной той
Стал величаться в народе своем
Совершеннейшим сиротой,
Джангром, единственным в роде своем.

Песнь вторая
О том, как женился богатырь Улан Хонгр, Алый лев

Шумные полчища силачей,
Шесть тысяч двенадцать богатырей,
Семь во дворце занимали кругов.
Кроме того, седых стариков
Был, рассказывают, круг.
И красноликих важных старух
Был, рассказывают, круг.
Жены нежно-белые там
Тоже составили круг.

Словно плоды спелые, там
Девушки составили круг.
Диких степных кобылиц
Молока потоки лились.
Разливались озера арзы,
Радующей взоры арзы.

Стали красными наконец
Нежные глотки богатырей.
Загудел многоуглый дворец.
Желтые полчища силачей
Стали кичиться силой своей,
Озираться стали вокруг,
Вопрошая соседний круг:
«Ужели сражений для славы нет?
Сайгаков — и тех для облавы нет?
Ужели для боя державы нет?
Ужели врага для расправы нет?»

И когда, повеселев,
Так вопрошали богатыри,
Мрачен был Х**о**нгор, Алый Лев.
За чашей сидел угрюмый он,
Молча сидел до самой зари.
Сокровенные думы он
Высказал Джангру наконец:
«Восемнадцать отважных лет
Мне уже пробило давно,
Джангар великий, ответьте мне:
Почему же на свете мне
Жить в одиночестве дано?»

Улыбнувшись, Богдо сказал:
«Где мой рыжий конь Аранзал?
Оседлайте скакуна!»
Выбежал преданный Бор Мангна,
Славный богатырь-коневод.
У холода прозрачных вод,
У бархата зеленых трав,
Среди бесчисленных скакунов,
Среди темнеющих табунов
Бегал, резвился рыжий конь.

Принялся за дело Мангна.
Сел на рыжего скакуна,
Слева направо обогнул
Ханскую ставку Мангна.
Сталью из лучших сталей согнул
Переднюю ногу коня,
А задние ноги коня
Железом из желез застегнул.

Подвел он коня к двери дворца.
Сорок четыре молодца
Придерживали бегунца.
Серебряный подпотн**и**к положив,

Шестилистый потник наложив,
Широкий, словно простор степной,
Коневод накинул седло
В наковальню величиной,
Большое, удобное седло,
Ущельеподобное седло!
Подушку положил на седло —
Из тибетского серебра.
Подпругу и катаур натянул
Вдоль узорчатых тебеньков.
Между ребрами коневод
Из восьмидесяти язычков
Сцепление натянул.
Так он сильно его натянул,
Что выступили сок и пот
Из восьмидесяти язычков.
Так он сильно его затянул,
Что сало на белом животе
Сложилось в семьдесят семь слоев.

Колокольчики нацепил
На шею и на гриву коня.
Очень крестец красив у коня!
Аранзал в крестце собрал
Всю грозную красоту свою.
Аранзал в глазах собрал
Всю зоркую остроту свою.
Аранзал в ногах собрал
Всю резвую быстроту свою.
Величественный священный хвост,
Восьмидесятисаженный хвост
Высится над крестцом, как навес.
Ноги, как у тушкана, стройны,
Уши — дивной величины,
Шести четвертям они равны,
С ножницами они сходны.

Вот заиграл он с солнцем-луной
Бархатною гривой густой,
Вот он запрыгал, сбруей гремя,
Будто копытами четырьмя
Землю врага хотел растоптать.
То в один, то в другой конец
Отбрасывал бегунец
Отборнейших конюхов-молодцов,
Но, резвясь, не забывал
О переходе трудном он:
Не был конем безрассудным он!

Гибкая, как тростинка, Шавдал
Надела на Джангра пышный халат.
Похвалил хозяйку Богдо…
В руке сжимал нагайку Богдо.
Так ее сжимала рука,
Что выступил из нагайки сок.
Из шкуры трехлетнего быка
Сердцевина ее сплетена.
Снаружи покрыта шкурой она
Четырехлетнего быка.
Напоминают узоры ее
Узоры на спине змеи.
Варили ее в слюне змеи,

Опускали в отраву ее,
Укрепили на славу ее.
Взгляните на оправу ее:
Стальные пуговки на ней —
Сразу всех не сосчитать;
С красным шелковым ремешком
Сандаловая рукоять;
Стальная на самом конце ладонь:
Станешь бить — обожжет, как огонь!

И сказал героям нойон:

«Пока мой Хонгор жениться не прочь,
Пока он молод и силен,
Поеду сватать Хонгру жену —
Зандан Герел, Замбал-хана дочь».

Но воскликнул Алтан Цеджи:
«Не спешите, нойон: сперва
Выслушайте мои слова.
Когда мой конь Аксаг Улман
Был быстрейшим из коней
А я моложе был и сильней, —
Не был в вашем подд**а**нстве я,
Не жил в Джангровом ханстве я.
Много предпринял странствий я
По неизвестным странам земли.
Так однажды добрался я
До владений трех Шаргули,
Чтобы ханов вызвать на бой.

Битву тогда повести не пришлось.
И на обратном пути мне пришлось
Скакать у владений Замбала тогда.
И в голову мне запало тогда:
Есть у Менген Шикширги сын —
Храбрый Хонгор. Лишь он один
Замбалу годится в зятья!
Оглянулся на миг назад
И на девочку бросил взгляд,
На трехгодовалое дитя.

Мига было довольно мне,
Чтоб девчонку ту разгадать.
Понравилась не больно мне…
В свете пятидесяти ок**о**н —
Видел я — вышивала она.
Девяносто девять шелков
Сразу соединяла она!

Внешний вид ее был таков:
Ангела затмевала она!
Прелестноликой, лучистой была,
Но внутри — нечистой была,
Обманщицею ловкой была!
Проклятою бесовкой была!
Разве в мире она — одна?
Разве Хонгру она жена?
Союз этот будет опасен, Богдо!»
Сердито Джангар ответил ему:
«Против того, с чем согласен Богдо,
Почему возражаешь ты?
Мудрым себя считаешь ты,
Взглядом провидца пугая народ.
Все, что случится, ты знал наперед.
Но, вижу я, сделался старым ты,
И вещим не светишься даром ты.
Слова бросаешь даром ты, —
Да пролетят, не задев ушей!»

С этим вышел нойон из дворца.
Сорок четыре молодца
Подвели к нему бегунца.
А ясновидец Алтан Цеджи
Так, оставшись один, сказал:

«Увидим, как рыжий конь Аранзал
Отощает на трудном пути,
Останется без мозга в кости,
Останется без жира в груди,
А вот этот великий нойон,
Долгим походом изнурен,
Спереди прахом степным запылен,
Сзади солнцем степным опален, —
Притащится верхом на коне,
Держась уже с трудом на коне,
Ничего не видя вокруг,

Выпустив из ослабевших рук
Дротик пестро-желтый свой!»

Стремени коснулся едва
Пунцового сапога носок, —
Джангар сел уже на коня,
Словно красный уголек,
Отскочивший от огня!

Аранзал, что ветер, летуч,
Поскакал он пониже туч.
Повыше коленчатого ковыля.
Всем бы такого коня в пути!
На расстояние дня пути
Задние ноги выбрасывал он,
Передние ноги забрасывал он
На расстояние двух дней.
Поддерживал он грудью своей
Подбородок, что на скаку
Соприкасался с черной землей.
Опалял он дыханьем траву —
Становилась она золой.
Задевая слегка мураву,
Зайцем сизо-белым скакал
Длиннохребетный конь Аранзал.

Семью семь — сорок девять дней
Рыжий проскакал Аранзал.
Джангар выехал на перевал.
Чумбур серебряный растянул,
Черной нагайкой своей взмахнул,
Черными зрачками сверкнул,
Черным взглядом холодных глаз
Четыре окинул конца земли.
Между востоком и югом, вдали
Замбалханова башня зажглась,
Заполыхала, словно костер.

Далее Джангар взоры простер —
Очерки всадников он увидал,
Очевидно, спешивших к нему.

Поскакал во весь опор
Всадникам навстречу нойон.
Сто молодцов увидел он,
Тонкостям всяким обученным там.
Одногорбых увидел он
Сто верблюдов, навьюченных там
Бурдюками хмельной араки.
Разостлали сто молодцов
Перед нойоном дербюлжин,
И сказали сто молодцов:
«Будь благосклонным, господин,
Соизволь сойти с коня,
Яства широкой рукой принять
И пиалу с аракою поднять!»

О здоровье всех расспросив,
Как месяц в полнолунье, красив,
Принял нойон угощенье их,
Выслушал он сообщенье их:
«О приближении узнав
Прославленного Богдо,
Повелителя многих держав,
Наш именитый хан Замбал
Нас навстречу гостю послал».

Молодцов поблагодарив,
С ними распростился нойон.
Снова в путь пустился нойон.
Увидал нойон, наконец,
Белый тысячевратный хурул,
Бронзовый Замбал-хана дворец.
Замедлил плавный бег Аранзал,
Мелкой иноходью бежал,

Не сгибая высоких трав,
Низких не колыхая трав.

Башню взглядом одним рассмотрев,
Джангар спешился в тени
Трех сандаловых дерев,
Выросших у стены дворца.
Отборных двадцать два молодца
Отвели на луга бегунца.

Джангар, открывая подряд
Двадцать серебряных дверей,
В главный ханский покой вошел,
На серебряный сел престол.

Беседу ханы тогда повели.
Благоуханные потекли
Речи дружественных владык.
Сидели в раздолье пира они,
В блаженстве счастья и мира они
Наслаждались арзой в эти дни.
Семь веселых суток прошло,
И новые семь просияли светло,
На третью седмицу Джангар сказал:

«Родовитейший хан Замбал!
В поисках верблюда я
В ваше священное ханство попал.
Не успокоюсь, покуда я
Трехгодовалого не найду!
Вот примета: на третьем году
Был у него проколот нос.
Утрату я дорогую понес!
Честь окажите, как брату, мне
И возвратите утрату мне.
Рыжий, горячий пропал верблюд!
К вам, не иначе, попал верблюд!»[2]

Замбал-хан засмеялся тут,
Мудрое молвил слово он:
«Если несуществующий скот
В степь забредет и пропадет,
Будет ленив, что корова, он,
Не возвратится снова он.
Пропал верблюд на чужом лугу.
Не разыщет его никто.
Лучше попросите то,
Что я вам предложить могу».

В таких забавах, в таких речах
Еще семь суток прошло в пирах —
Не видно было конца торжеству!
Когда же к исходу пришло торжество,
«Пришлите ко мне скорей того,
Кого я сыном своим назову!» —
Джангра попросил Замбал-хан.

С ханом распростился Богдо,
И в путь обратный пустился Богдо —
Были земле тяжелы шаги;
В коралловые дорожки он
Пунцовые вдавливал сапоги.

Молодцы проводили его,
На коня посадили его.
В руки свои величаво он
Золотые поводья взял.
Объехал слева направо он
Ханский дворец и на всем скаку
Ударил по тебеньку,
Беззвучно ударил семь тысяч раз,
И звонко ударил семь тысяч раз,
И доскакал он за семь дней
До желто-пестрой башни своей.

Сразу же толпа силачей
Серебряную раскрыла дверь.
Сияя светом лунных лучей,
Сел повелитель на престол.
Знатные исполины его,
Даже простолюдины его
Встретиться с нойоном пришли,
С аракой и поклоном пришли.
Отборная чернь и знать пришла —
Счастливую весть узнать пришла.
Но слова не вымолвил нойон,
Сидел он, в думы свои погружен,
Семью семь — сорок девять дней.

Наконец повелитель держав
Произнес такие слова:
«Священнейший месяц избрав,
Священнейший день указав,
Отправьте Хонгра, Алого Льва,
В Замбалханово ханство скорей
Да подберите-ка жениху
Достойное убранство скорей!»

У бархата зеленых трав,
У холода прозрачных вод
Хонгров отыскал коневод
Лысого Оцола Кеке.
Оцол Кеке в крестце собрал
Всю грозную красоту свою.
Оцол Кеке в глазах собрал
Всю зоркую остроту свою,
Оцол Кеке в ногах собрал
Всю резвую быстроту свою.
Отборнейших конюхов-молодцов
Отбрасывал бегунец
То в один, то в другой конец,

Новый обдумывая поход,
Прыгал и сбруей своей гремел…

Крикнула ханша Зандан Герел:
«Едет в далекую землю жених,
Оденем его с головы до ног!»
Хонгор обулся в пару своих
Кровяно-красных прекрасных сапог
Что может быть в мире лучше их!
Только одно закаблучье их
Выстрочило двести девиц,
А голенища прекрасных сапог
Тысяча выстрочила девиц.
Рубаха была надета на нем
Цвета неувяды-травы.
Три драгоценных бешмета на нем.

Надел боевые латы он.
Пояс надел богатый он.
Нацепил на правый бок
Односаженный меч стальной
В семьдесят меринов ценой.
Дорогой атласный кафтан
В десять тысяч кибиток ценой
На плечи себе накинул он.
Шлем набекрень надвинул он.
Широкую желтую пиалу
Семьдесят раз опрокинул он —
Семьдесят и один человек
Поднимают ее с трудом.

Обогрелось крепким питьем
Нежное белое нутро.
Гордо Хонгор глядел на толпу.
Жилы раздулись на мощном лбу,
Стали с нагайку величиной.
Сердце забилось в клетке грудной —

Десять кипело там отваг,
Готовых вырваться каждый миг.

Десять пальцев белых своих
Сжал он в грозные кулаки.
Страшно такого потрогать льва.
Каждый палец, что коготь льва!
В лунках зрачки холодных глаз
Перевернулись двенадцать раз, —
Сокол такими глазами глядит,
Сокол, когда за добычей летит!

Удивил он мощью своей
Полчища храбрых богатырей.
Долго разглядывали его,
Силу отгадывали его,
Гудело от круга до круга там,
Все вопрошали друг друга там:
«Какою же силой он одарен?
Чьей мощи мощь подобна его?»

Разобрав подробно его,
Исследовав со всех сторон,
Обсудив достоинства все,
Воинство сошлось на том,
Что лоб — Маха-Г**а**ловой силой силен
Что в темени сила Очир-Вани,
Макушка же силе Зунквы сродни.
Решили: лопаток его ширина
Семидесяти саженям равна.
Решили: бедер его ширина
Восьмидесяти саженям равна.
Решили: стан в середине своей
Сорока достигает локтей.

Сидел он пред ними на седле,
Стоял он пред ними на земле,

Рассмотрен по всем законам был, —
Решили: героем он конным был
И пешим непревзойденным был.
Плохих примет найти не смогли.
Решили: нет вблизи и вдали
Равных духом геройским ему,
Он — гордость богатырей земли!
И пожелали всем войском ему
Исполненья задуманных дел,
Возвращенья в родимый предел —
К чешуйчатой двери дворца.
Благословили храбреца,
Хонгор быстро сел на коня,
Словно красный уголек,
Отскочивший от огня.

Поглядите-ка на коня!
На расстояние целого дня
Задние ноги выбрасывал конь,

Передние ноги забрасывал конь
На расстояние двух дней.
Поддерживал он грудью своей
Подбородок, что на скаку
Соприкасался с черной землей.
Опалял он дыханьем траву —
Становилась она золой.
Если сбоку взглянуть на него —
Кажется: заяц летящий он,
Выскочил будто из чащи он,
Раздваивая траву.

Семью семь — сорок девять дней
Хонгор на лысом коне проскакал.
Когда же выехал на перевал,
Зовущийся Болзатин-Боро,
Спешился Хонгор с Оцола Кеке,
Коня привязал к седельной луке,
Сталью из лучших сталей согнул
Бесподобные ноги коня.
Чумбур серебряный растянул,
Черной нагайкой своей взмахнул,
Черными глазами сверкнул,
Черным взглядом холодных очей
Четыре окинул конца земли.

Залита светом жарких лучей,
Замбалханова башня вдали
Засверкала, словно костер.
Далее Хонгор взоры простер —
Высится, светла и кругла,
Напоминая гнездо орла,
Башня из дорогого стекла.
Девушка в этой башне жила.
«Посмотрим, — подумал он, — какова
Ханша, которая смогла
Нашему приглядеться Богдо».

И Хонгор взоры вперил в гнездо.
Увидал он Зандан Герел.
Желтому солнцу молилась она,
В руках держа берцовую кость.[3]
Рядом с ней сидел ее гость —
Отпрыск тенгрия — Тёгя Бюс.
«Ужели биться с ним побоюсь», —
Подумал Хонгор, Алый Лев,
А сам поглядывал, оробев,
В сторону милой Бумбы своей…

Вот он бросает на башню взгляд —
Видит он ханшу с костью в руке,
Вот оборачивается назад —
Видит он друга Оцола Кеке…
Оторопь Алого Хонгра берет,
Ходит Хонгор взад и вперед,
Смотрит на стеклянный покой,
Поднимающийся вдалеке.

Подумал умный Оцол Кеке:
«Не слишком ли долго хозяин мой
Хонгор шагает взад и вперед?»
Сорвал железные путы Кеке
И молвил всаднику лютый Кеке:
«В восемнадцать отважных годов
Порешил ты мужем стать,
Но домой вернуться готов,
Посмешищем к тому же стать,
Завидев противника издали?
Трусом будешь упрямым ты, —
Что сделаешь с вечным срамом ты?
Что скажут люди потом о тебе?
Думаешь, если пойдешь вперед,
Если ты погибнешь в борьбе,
Джангар богатыря не найдет,

Равного мужеством тебе?»

Хонгор пришел в богатырский гнев.
Барсовой злобой рассвирепев,
Зубами мудрости заскрежетал.
Заметался в капкане лев —
Забилось сердце в стальной груди.
На коня драгоценного сев,
Хонгор ему приказал: «Гляди,
Чтобы завтра к рассвету я
К Тёгя Бюсу доставлен был,
Не то — погибай, не сетуя,
В кожу для барабана я
Твой железный крестец превращу!
В палки для барабана я
Восемь ребер твоих превращу!
Из четырех копыт твоих
Сделаю круглые чаши я
Для светильников святых!»

Слушает конь слова храбреца.
Выслушал клятву до конца
И поскакал в густой пыли,
Буре подобным став издали,
Будто ветру завидовал он,
Будто пугался комков земли,
Что по дороге раскидывал он.

«Ладно, — был ответ коня. —
Только сумей усидеть на мне,
Продержись на моей спине
До утра завтрашнего дня.
Если же нечаянно ты
Перелетишь через мой крестец —
Пеняй тогда на себя, молодец,
Моим не будешь хозяином ты,
Не пожалею, покину тебя,

А я ведь, мой Хонгор, один у тебя!»

Оцол Кеке, что стрепет, летуч.
Поскакал он пониже туч,
Повыше коленчатого ковыля.
Вся в яминах бежала земля!
Клыками буравил он удила.
Оказывался Хонгор на нем
То спереди, то позади седла.
Поводья золотые с трудом
Хонгор удерживал в руках.
Ветру не догнать коня —
Летел он иноходца быстрей.

На восходе второго дня
Хонгор спешился у дверей
Светлого девичьего дворца.
Сталью из лучших сталей согнул
Стройные ноги бегунца,
Створки дверей со звоном толкнул,
Светлые двери дворца распахнул,
Справа сел от стеклянных дверей.

За покрывалами длинными там,
Под девятью балдахинами там,
В мире, в блаженстве, в раздолье там,
На восьминогом престоле там
Возлежала госпожа.
Услыхав колокольцев звон,
Закричала госпожа:
«Кто навестил без спросу меня?
Какой это грязный пес у меня,
С огненным горячим лицом,
С бешеной собачьей слюной,
С глазами, как у случного быка,
Подобно стреле-свистунке шальной,
Залетевший издалека?

Убирайся-ка прочь, пока
Бока не намяли тебе сторожа!»

«Случайно попал я сюда, госпожа!
Упустил я табун коней.
Скитаясь в поисках табуна
Семью семь — сорок девять дней,
Я забрел, печалью ведом,
В первый мне попавшийся дом —
О пропаже своей объявить,
Жажду за много дней утолить.
Помогите бедняге вы,
Нацедите мне влаги вы!»

Из-за шелковых покрывал
Тёгя Бюс тогда заорал:
«Некогда нам для бродяги вставать,
Некому здесь тебе влаги подать,
Сам наполни себе пиалу!»
С места поднявшись в своем углу,
Семьдесят и один раз
Хонгор наполнил пиалу.

Семьдесят и один раз
Опорожнил он пиалу —
Семьдесят и один человек
Поднимают ее с трудом…

«Пей поскорей и прочь уходи,
Ступай себе своим путем!» —
Крикнули богатырю потом
Из-за балдахинов тугих.
«Уйти, хозяев покинув таких?
Вы дали мне влаги напиться теперь,
Извольте же не торопиться теперь!
Трубкой хочу насладиться теперь!»
И Хонгор трубку свою закурил.

От выпитой араки
Нутро согрелось у него.
Десять пальцев белых его
Сжались в гневные кулаки.
Сердце забилось в клетке грудной —
Зверь заметался в чаще лесной,
Рвутся десять отваг из груди!
Сказал он: «Чую, что близко ты —
Не вижу тебя, покажись-ка ты!
В глаза взгляну господину я,
Что гонит **и**з дому людей.
Так просто тебя не покину я!
Не хочешь ли поиграть со мной
Под ногами солнца, герой?»

Девять занавесей приподняв,
Вышел надменный Тёгя Бюс,
Щуря глаза на силача,
Пышную жеребячью доху
Небрежно за собой волоча.
Смерил он Хонгра глазом одним,
Стал он посмеиваться над ним:

«Появится откуда невесть
Всякая тварь — и туда же: лезть
В драку со мною, мне же на грех!»
Одолевал Тёгя Бюса смех.
Умывшись, привел своего скакуна,
Все доспехи надел сполна,
Выехал на середину степи.
«Смерть постигает мужчину в степи!» —
Подумал тенгрия сын Тёгя Бюс.

Мало ли, долго ль скакали они —
Ганг-океан увидали они
У подножья горы ледяной.

«Кости вояк, что заспорят со мной,
В этих расселинах тлеют потом.
Кровь забияк, что заспорят со мной,
В этих потоках алеет потом».
Так Тёгя Бюс перед боем сказал —
Н**а** гору, на океан указал.

За словами этими вслед
Засвистали нагайки в руках
Рассвирепевших силачей.
Засверкали желтых мечей
Закаленные острия:
Пронзали противника сразу они!
От макушки до таза они
Пополам рассекали бойца,
Но стоило только мечи отнять —
Обе части срастались опять,
Как будто рассекалась вода
И снова соединялась вода!

Копьями золотыми тогда
Стали противники трясти,
Друг друга пронзали до кости,
Но победить никто не мог!
Белые пальцы к ладоням прижав,
Подскочил смельчак к смельчаку.
Восемь раз на всем скаку
Восемь взметнулось конских ног, —
Но победить никто не мог,
Не сдвинулись всадники и на вершок,
Остались в седлах добротных своих…

Решив, что мучить не следует им
Травоядных животных своих,
Решив испытать в конце концов
Силу плеч и лопаток мужских,
Добытых от матерей и отцов, —

Богатыри сошли с бегунцов.
Штаны из диких оленьих шкур
Повыше голеней засучив,
Штаны из диких конских шкур
Повыше колен засучив,
Взяли герои в руки свои
Ясеневые луки свои.

«Кто же будет первым стрелять:
Ты ли, который меня задел,
Я ли, который мирно сидел?» —
«Я, который тебя задел,
Я буду первым стрелять!» —

Прянула с лука Хонгра стрела,
Но Тёгя Бюса пронзить не могла,
Отскочила прочь от груди,
Расплющен был наконечник ее!
Прянула Тёгя Бюса стрела —
Хонгра пронзить она не могла,
Отскочила прочь от груди,
Расплющен был наконечник ее, —
Друг друга враги пронзить не могли.

Когда же и стрелы не помогли,
Битву не кончили страшную здесь,
Кинулись в рукопашную здесь!
Бились четыре недели они,
Друг друга бросали через себя, —
То над морями летели они,

То над горами летели они.
Долго друг друга они трясли.
Тёгя Бюс оторвал, наконец,
Ноги Хонгра от земли.
Но, хитрого родителя сын,
Наземь упасть не хотел исполин,

Выстоял он четыре дня
На мизинце правой ноги!

Затрепетало сердце коня, —
Увидал Оцол Кеке:
Плохи Алого Хонгра дела!
Закусил скакун удила,
Разорвал свои путы Кеке,
И воскликнул лютый Кеке:

«Ты из племени Шикширги,
Ты потомок ханши Мога!
Не тебя ли страшились враги,
Не тобой ли пугали врага?
Не ты ли знамя отчизны своей?
Не жалея жизни своей,
Не ты ли победителем стал,
Не ты ли покорителем стал
Ханов семидесяти держав?
Не ты ли воинов гордостью был?
Не ты ли Джангровой твердостью был?
Не ты ли служил ему в битвах щитом?
Не ты ли служил ему в горе хребтом?
Разве стыда в твоем сердце нет?
Пойдет о тебе такой разговор:
„В восемнадцать отважных лет
Стать порешил мужчиной он,
И был побежден, вступивши в спор,
Всего лишь одним мужчиной он!“
Ужели ты стерпишь такой позор?
Если ты будешь побежден, —
Не дав себя догнать врагу,
Я с чумбуром своим добегу
До желто-пестрой бумбулвы,
И воскликнут Джангровы львы:
„Посмотрите: конь жениха,
Уехавшего к невесте своей,

Прискакал с пустым седлом!“

Так они скажут — и поделом!
Ужели не жаль тебе чести своей?
Ужели стыда в твоем сердце нет?
А ну-ка, схватись за красный кушак,
А ну-ка, локтем желтым, смельчак,
Нажми на позвоночный хребет!»

Выслушав слова скакуна,
Хонгор пришел в богатырский гнев.
Заметался в капкане лев —
Забилось сердце в клетке грудной,
Закипело там десять отваг.
Ухватившись за красный кушак,
Нажал он желтым локтем своим
На позвоночный хребет врага.
Так нажал он локтем стальным,
Что мясо прорвал, дойдя до кости!

Еще раз нажал и в третий раз —
И на ноги встал и много раз
Перебросил через себя
Тёгя Бюса, врага своего,
Скалы гранитные раздробя —
Так, что след лопаток его,
Туловища отпечаток его
Остался на граните горы.

«Человек, побежденный в бою,
Молвит последнюю волю свою.
Требуй, чего желаешь ты!» —
Алый Хонгор сказал силачу.

«Вырвать жизнь у тебя хочу,
Но действуй, как пожелаешь ты,
Я теперь не человек».

Надвое Хонгор врага рассек,
Верхнюю часть на седло взвалил,
Нижнюю часть на седло взвалил,
Привязал тороками потом
И пустился прежним путем
К башне из дорогого стекла,
К башне, в которой бесовка жила.

Спешившись у светлых дверей
Башни, подобной гнезду орла,
Отпустив коней на луга,
Хонгор на косяках дверей
Поразвесил останки врага
И к пышному ложу направил шаг.
Положив на постель шишак,
Перед ложем серебряным сел
И, глядя мимо Зандан Герел,
Заговорил, не подняв очей:
«От борьбы, в пустынной тиши
Длившейся много дней и ночей,
Спутались волосы у меня.
Подымись и расчеши».

«Дождусь ли я желанного дня,
Когда поколение Шикширги
Исчезнет с лица земли без следа? —
Ханша воскликнула тогда,
Гневными руками всплеснув,[4] —
Что же делать с тобою мне,
Выродок, разлучивший меня
С милым, данным судьбою мне!
Стрелы не достоин даже ты!
Станешь добычей жадных червей,
Кости развеет твои суховей,
Сгниешь на пустынном кряже ты!
Кто послал тебя, вора, ко мне?
Со всем, что было дорого мне, —
С женихом разлучивший меня,
Паршивца лысого гаже ты!
Проваливай сейчас же ты,
Потеряй обратный путь,
Направление позабудь,
Умри на безводном кряже ты!»

«Так и быть, не хочу тебя

Отнять у жениха навек,
С милым не разлучу тебя!»
И Хонгор синей сталью рассек
На две части Зандан Герел,
Останки развесил на дверях.
На престол серебряный сел,
Задумавшись, великан.
Слезы чистые, как аршан,
Потекли по его щекам.
«Что же мне делать? Назад скакать?
Будет раздолье злым языкам.
Родовитая наша знать
Вовсе не даст проходу мне.
Что говорить народу мне?
Скажут: „Врага победил ты в бою —
На то у тебя и сноровка была.
Куда же невесту девал ты свою?
Быть может, она и бесовкой была,
Но Джангар ее привезти повелел,
Куда же девал ты Зандан Герел?“

Что же героям отвечу я?
Как я предстану пред нашей семьей?
Лучше поеду навстречу я
Неминучей смерти самой!
Мне ли бояться проклятий Герел?
Если б от жажды я сгорел,
Если б от голода я погиб,
Если б я стал добычей зверей, —
Разве на родине богатырей,
В государстве Джангра Богдо
Не заменил бы меня никто?
Будет воин, заменит меня!»

И, разрубив вороного коня,
Которым Тёгя Бюс владел,
Мясо на вертел Хонгор надел,

Зажарил его на желтом огне
И, подкрепившись, на лысом коне
Поскакал в ночную тьму.
Верный хозяину своему,
Лыско летел поверх травы,
Пониже ночных небес.
Вскоре достиг он бумбулвы:
В ней обитал Замбал-хан…

Хонгор, Алый великан,
Двенадцать окон разбил кулаком,
Замбал-хана с ложа стащил,
Снял он три ремешка со спины
И по следам, что стали красны,
Ударил нагайкой по коже он,
И бросил назад на ложе он
Оторопевшего хана потом
И поскакал обратным путем,
Полуденного солнца левей.

Семью семь — сорок девять дней
Скакун без отдыха пробежал!
Исхудал Кеке до того,
Что жира не стало в груди его,
Что мозга не стало в его кости,
Стал он медленнее брести,
Длинные уши повисли его!
Хонгор, видать, заплутался в пути,
Горькие мучили мысли его.

Спереди прахом степным запылен,
Сзади солнцем степным опален,
Зноем измучен, изнурен,
Травинки не находя зубам,
Росинки не находя губам,
Ничего не видя вокруг,
Выпустив из ослабевших рук

Пестро-желтое копье,
Поверженный в забытье,
Покинутый своим умом,
Долго ехал он пыльной тропой.
Выехав на безводный кряж,
На пустынный, бесплодный кряж,
Ноги сложил скакун под собой,
Лег, совсем обессиленный, он,
А Хонгор свалился возле коня,
Держался за корень ковылины он…

Так пролежал он четыре дня,
Четыре ночи лежал в забытьи.
Не было ни души вокруг,
Три лебедя появились вдруг.
«Как это конь и человек
Очутились на кряже таком,
Где не бывало жизни вовек?
Насытим их и напоим,
Доброе дело сотворим!»
И лебеди вложили им
Живительные зерна в уста
И полетели на восток.

Пришли в сознанье конь и ездок.

Хонгор сразу сел на коня,
И проскакал Оцол Кеке
Девяносто четыре дня.
Опять исхудал Оцол Кеке,
Опять не стало жира в груди,
Опять не стало мозга в кости,
Опять он медленно стал брести,
Ноги переставляя с трудом.

Вот перед ними берег морской,
В семьдесят копий вышиной
Плещется белое море Ганг.
Волны кружатся и кипят,
Тяжкие, как топоров обуха.
Мечется величиною с быка
Камень, пламенем объят.
Хонгор, берегом проскакав,
Вдруг увидел издалека
Зелень целомудренных трав,
Холод прозрачного ручейка.

Была тогда середина дня.
Пустив на пастбище коня,
К холоду прозрачных вод,
Захватив пестро-желтый дрот,
Хонгор на берег вышел затем.
Гулкий плеск он услышал затем —
К берегу плыл огромный кит.
Хонгор бросился в водоворот
И, всадив пестро-желтый дрот
В спину, в китовый позвонок,
Поднял кита, разбив волну,
Но кит рванулся и поволок
Хонгра в темную глубину.

Слышит конь Оцол Кеке,
Пасущийся невдалеке:

Хонгор тонет в пучине вод,
Хонгор стонет в пучине вод,
Скакуна своего зовет.
Прискакал Оцол Кеке,
Хонгру подал священный хвост,
Восьмидесятисаженный хвост.

Хонгор за хвост ухватился, плывет.
Крикнул скакун: «Вытаскивай дрот
И спасай свою душу скорей,
Вылезай-ка на сушу скорей!» —
«Нет! Хочешь быть верным оплотом
моим —
Тащи меня с рыбой и дротом моим!» —
Хонгор сказал, не бросая кита.
Внемлет словам хозяина конь.
В землю всадил отчаянный конь
Задние ноги по самый пах —
Вытащил Хонгра вместе с китом.

Был чудесен китовый жир.
Хонгор очаг развел на камнях,
Мясо изжарил и съел и потом
Белоснежный раскрыл чачир,
Благостную дающий тень,
И, вытянувшись, как ремень,
Заснул он, раскрасневшись весь,
Словно из осокоря костер.

Так он спал без просыпу здесь
Семью семь — сорок девять дней:
Отдых герою нужен был.
Наконец он разбужен был
На восходе светлого дня
Фырканьем ласкового коня.
Хонгор на коня посмотрел.
Поправился Лыско, раздобрел,

Стала холеной холка его.
Словно только-только его
С пастбища привели сюда.

Хонгор подняться решил тогда,
Полакомиться мясом опять,
Скакуна своего оседлать,
Серебряный Ганг переплыть.

З**а** семь дней удалось ему
Серебряный Ганг переплыть,
И потом довелось ему
Еще три месяца проскакать.

Устал драгоценный скакун опять,
Еле ноги переставлял.
Но показался вдруг перевал.
Хонгор взобрался нас перевал,
Выбившись из последних сил.
Привязал он к седельной луке
Дорогого Оцола Кеке,
Черным взглядом холодных глаз
Четыре окинул конца земли:
Под полуденным солнцем вдали
Бронзовая башня зажглась
Пламенем вспыхнувшего костра.

Хонгор подумал: «Какова
Эта чудесная бумбулва
По сравнению с башней Богдо?» —
Решил он: «Шире на целый аршин
И выше на палец башни Богдо».
«А кто же дворцом обладает, кто?
Наверно, такой же властелин
Четырех частей земли,
Такой же счастливец, как и Богдо!» —
Подумал он, горем обуян.

Из орлиных глаз потекли
Слезы чистые, как аршан:
Не знал он, как попасть во дворец.

С перевала сойдя наконец,
Хитрое дело затеял он.
Дивное диво содеял он:
В двухгодовалого меринка,
В захудалого меринка
Превратил он Оцола Кеке.
А сам он мальчиком вшивым стал,
Смердящим, шелудивым стал,
Таким, что челку ему почеши —
Станут десятками падать вши,
А грязный висок ему почеши —
Станут пятерками падать вши.
Вдруг возникла гора кизяков.
Поселение бедняков
Было вокруг бумбулвы,
Жителей там — что степной травы,

Но жеребенок Хонгра не мог
До золотой бумбулвы добрести, —
Обессилев, свалился с ног
У кизяков, посредине пути.

Вдруг появился красный вол,
Маленький, запряженный в арбу.
Старик за телегой киргизской шел,
Видимо, был он из бедняков.
Увидал он у кизяков
Двухгодовалого меринка,
Захудалого меринка,
А рядом — лежащего паренька,
Худого, смердящего паренька,
Бормочущего спросонья здесь.
Дышать перестав от зловонья здесь,
Вола повернул старик назад —
Воистину был ужасен смрад!

Вернулся в родную лачугу свою,
Встречает старуху — супругу свою.
И закричала старуха: «Никак,
Ты, муженек, позабыл про кизяк?»

Был ответ старика таков:
«Увидел, дойдя до кизяков,
Двухгодовалого меринка,
А рядом заметил я паренька,
Крепко спящего на земле.
Такой исходил от обоих смрад,
Что повернул я вола назад».

«Как это за столько лет
Не иссякла глупость твоя,
Не иссохла тупость твоя!
Небо не дало нам детей.
Почему же ты, лиходей,

Мальчика не привел за собой,
Нам ниспосланного судьбой?
Приведи его к очагу», —
Старику приказала жена.
Длинную держа кочергу,
Старика погоняла жена.
Только вола повернул старик —
Снова услышал старухи крик:
«Не забудь, муженек, бадьи:
Если жив он — водой напои!»

С наветренной стороны подойдя,
Окликнул мальчугана старик:
«Если ты жив, так вот бадья,
Холодного попробуй питья».
Собрав последние силы свои,
Мальчик, лежа на боку,
Выпил одним глотком полбадьи,
Полбадьи жеребенку отдав.
А старик набрал кизяку,
Мальца на двухлетку посадил,
Привязанного к арбе,
И в лачугу вернулся к себе.

Вышла старуха навстречу к ним,
Вышла с приветливой речью к ним,
С тощего жеребенка потом
Помогла мальчугану сойти.
Заключила ребенка потом
В ласковые объятья свои,
В дом повела, развеселясь,
Сразу же всю с него смыла грязь,
Поцеловала звонко потом.

А старик жеребенка потом
К девственной повел мураве,
Отпустил пастись на траве.

И вот шелудивый мальчуган,
Бездомный, вшивый мальчуган,
Чистым таким ягненком стал,
Славным таким ребенком стал,
Что любовались им старики.

Много ли, мало ли минуло дней —
Вот однажды мальчик стоял
Около хижины своей.
Вдруг увидал он троих детей,
Играющих в альчики здесь.
Веселились мальчики здесь —
Это была родовитая знать:
Ханский сын и дети вельмож.
«Глядите-ка: мальчик, идет сюда,
Хочет он в альчики поиграть!» —
Крикнул сын одного из вельмож.
Ханский сын сказал ему: «Что ж,
Если мужчина хочет принять
Участие в пире или в игре,
То не отказывают ему,
Дружбу выказывают ему».

Когда приемыш, румян и пригож,
К этим подошел игрокам,
Спросил его сын одного из вельмож:
«Ты хочешь в альчики с нами сыграть?» —
«Была бы ваша воля на то —
Желал бы, мальчики, с вами сыграть», —
«А знаешь, какой у нас закон?
Ставим мы на каждый кон
Золота целую тулму». —
«Если бы ваша воля была,
Поставил бы я жеребенка, вола
И двух стариков — отца и мать».
Ханский сын в ответ произнес;
«Мал или велик этот взнос, —

Позволим один ему кон сыграть».

Послушались мальчики тогда
И выдали альчики тогда:
Два — для метанья, два — для меты.

Выставив альчики для меты,
Стал приемыш с другими в ряд
Около исходной черты.
Первым сын вельможи метнул,
Но сын вельможи промах дал.
За ним приемыш пригожий метнул,
Сначала тоже промах дал,
Но потом еще раз метнул,
Прищурился левым глазом он,
И выбил две бабки разом он.
Добежав до круга затем,
Выбил приемыш все альчики вдруг!
Так проиграли мальчики вдруг
Чужому мальчику три тулмы.

Начали снова играть они,
Разгорячились опять они,
Мальчик назад проиграл тулму.
Все же немало досталось ему!
Всыпал он выигрыш золотой
В отвороты своих рукавов
И вернулся к себе домой.
Перед подушкою стариков
Высыпал выигрыш золотой.
Купили себе отец и мать
Скотину четырех родов[5]
И стали в счастье жить-поживать,
Горя не зная в лачуге своей.

Много ли, мало ли минуло дней —
Великое задал хан торжество.

Тьмы народа сошлись у него,
Казалось, вокруг бумбулвы золотой
Вырос внезапно камыш густой.
Мальчик спросил: «Отец! Отчего
Задал такое хан торжество,
И столько людей сошлось у него,
Что кажется: вырос камыш густой
Вокруг его бумбулвы золотой?»

«Э, сынок, твой вопрос не простой.
Не ханом затеяно торжество.
Хан Догшон Цаган Зула
Владеет четвертью мира всего.
Давно просватана дочь его,
Семилетняя Герензал,
За Цагана-богатыря.
Так богатырь Цаган сказал:
„Выйдет она за меня или нет —
Все равно возьму Герензал!“
А девочка не говорит пока,
Выйдет она за него или нет.
И Цаган сюда, как жених,
С тысячей воинов своих
Жалует от поры до поры
И устраивает пиры!»

Мальчик тогда побежал на двор,
Остановил восхищенный взор
На башне из дорогого стекла,
На башне, подобной гнезду орла.
Девушка в башне стеклянной жила,
Солнцу второму подобна была,
Видел он: сорок четыре окна
Светом своим озаряла она.

Много ли, мало ли минуло дней —
На закате летнего дня

Мальчик возвращался домой,
Своего проведав коня,
Бегавшего на вольном лугу,
На многозеленом берегу.
Из башни, подобной гнезду орла,
Девушка появилась вдруг.
Прекрасна эта девица была,
Румяна и белолица была,
И к мальчугану подошла, —
Развевался бешмет, красотой
Спорящий с неувядой-травой.
Мальчик свернул — а девица за ним.
Шагу прибавил — девица за ним.
И догнала, и, засияв
Полнолунным светом своим,
Обратилась она к нему
С благоуханным приветом своим:

«Мир повелителю моему,
В вечном покое пребудьте вы!» —
«Ваши насмешки забудьте вы! —
Мальчик вскричал, от злобы дрожа. —
Послушайте, важная госпожа,
Раздобревшая в ханском дворце,
Прекратите издёвки вы!
Сладкоголосы и ловки вы.
Если нуждаетесь в молодце
Для ваших шуточек вздорных вы,
Ищите его средь придворных вы,
А здесь не дождетесь прибыли вы!»
«Известно мне, кто вы такой.
Известно мне, что прибыли вы
Из блаженной Бумбы-страны,
Где ханствует Джангар — славный хан,
Семидесятидержавный хан.
Вы же — сын Менген Шикширги,
Кличут вас Хонгром, Алым Львом.

О здоровье вашем сейчас
Ханша велела спросить у вас,
Больше вам не скажу ни о чем».
И девица вернулась в покой,
Подобный орлиному гнезду, —
Развевался бешмет на ходу,
Схожий с неувядой-травой.

С толку сбитый речью такой,
Хонгор к берегу побежал,
Где жеребенок на травке лежал.
И поведал он скакуну,
Как, возвращаясь к себе домой,
Повстречал он девицу одну,
Как она подошла к нему
И, то-то и то-то сказав ему,
Ушла, не прибавив ничего.
«Как мне быть сейчас — не пойму?» —
Хонгор спросил у коня своего.

Мудрый конь отвечал ему так:
«Издалёка ты прибыл сюда!
Отставший от стада сайгак
Пугливым бывает всегда.
Только не горячись, мой смельчак!
Подобные речи теперь
Станешь выслушивать каждый день.
Частыми станут встречи теперь,
Будь осторожен, Хонгор мой!»
Хонгор вернулся к себе домой
И заснул мальчишеским сном
Между матерью и отцом.

Время некоторое прошло —
На закате летнего дня
Мальчик возвращался домой,
Как всегда, проведав коня.

Встретилась та же девица ему —
Как тут не удивиться ему! —
Развевался бешмет, красотой
Спорящий с неувядой-травой.
И сказала девица ему:
«Господин, повелитель мой!
Вас просила ханская дочь
Башню стеклянную посетить,
Когда на землю спустится ночь».

Как только на землю спустилась ночь,
Как только люди ушли на покой,
Ватную куртку накинул он,
Уложил родителей спать,
И лачугу покинул он.
Хонгор вошел в стеклянный покой,
Ханскую дочь увидел он.
Свет исходил от нее такой,
Что сразу был богатырь ослеплен.
Такой была чистотой чиста,
И так сияла ее красота,
Что сразу же Хонгор исхудал.

На солнце второе похожа она!
Со священного ложа она,
Увидев мальчика, поднялась.
Усадила его тотчас
У постели, пред ложем своим.
Длинную трубку подала
И беседу повела
С гостем пригожим своим.

«В восемнадцать отважных лет
Стать мужчиной решили вы.
Свататься поспешили вы
К Замбаловой Зандан Герел,
Что бесовкой спесивой была.

Поездка к ней несчастливой была.
Помните — прокляла вас Герел,
И поскакали вы назад,
И проскакали наугад
Семью семь — сорок девять дней.
И свалились вы в глуши,
Возле ковыльных сухих корней,
Где не было ввек людской души,
И умирали от жажды вы.
И увидали однажды вы:
Белые лебеди чертят круг.
Это я превратилась вдруг
В белого лебедя, это я
Вывела вас из забытья —
Жизни вам протянула нить.

Избавились от гибели вы,
К морю Гангу прибыли вы.
Увидали вы наяву
Целомудренную траву —
Это были косы мои;
Увидали ручей тогда,
Утолила жажду вода —
Это были слезы мои;
Увидали кита потом —
Это сделалась я китом!

Так я слезы вам отдала,
От смертельной жажды спасла.
Так я тело вам отдала,
От голодной смерти спасла,
Ибо знала, что вы — мой жених,
Предназначенный мне судьбой,
А не тот, обрученный со мной
О четвертом годе моем!» —
«Отчего ж, если ты поняла,
Что живу я в народе твоем,

Раньше меня ты не позвала?» —
Хонгор спросил с укором ее.
Ответ был кратким и скорым ее:
«Если в такой обиде вы,
Зачем же в мальчишеском виде вы?
Примите истинный облик свой».
Принял он истинный облик свой
И сияньем своим затмил
Месяц пятнадцатого числа.
В превеликом блаженстве прошла
От заката вся ночь — до утра.
Но проститься настала пора —
Образ отрока принял опять
И в лачугу пошел — досыпать.
Время некоторое прошло,
На закате летнего дня
Мальчик возвращался домой,
Своего проведав коня.
Вдруг — девица стоит на пути.
«Господин, повелитель мой,
Просят вечером вас прийти.
Прибыл в башню Цаган, жених,
И тысяча воинов его.
Просят вас „Джангра“ спеть для них
Звонкую, волшебную песнь,
Гордую, хвалебную песнь
Сыновей бессмертной земли».
Только люди стали дремать,
Ватную куртку накинул он,
Спать уложил отца и мать,
И лачугу покинул он.
В башню вошел, незаметен и тих,
Средь пиршественного гула он.
Уселся на краешек стула он.
Ханская дочь и ее жених
Принялись искать джангарчи.
Забрался в угол укромный он,

Сидел там тихий и скромный он.
Увидев мальчика-джангарчи,
Вытащили, как находку, его,
Выставили на середку его.

Справа гордый сидел жених
С тысячей воинов своих.
Слева сидела ханская дочь
И триста краснощеких девиц,
Лучистых, верблюдооких девиц.
Мальчику поднесли они
Араку три раза подряд,
И тот запел, как поют искони:

«Это было в начале времен,
В стародавний век золотой.
Вечности начинался расцвет.
Величавый брезжил рассвет
Веры бурханов святой;
Джангар жил в эти дни.
Круглым остался он сиротой.
Когда же седьмого лета достиг, —
Ханом семидержавным он стал,
Зваться великим и славным он стал…»[6]

Когда же Хонгор дошел до слов:
«Был, рассказывают, главой
Над левою стороной
Старший сын Менген Шикширги
Улан Хонгор, Алый Лев,
От которого, оробев,
Бежали бесчисленные враги…» —
Тогда не выдержал джангарчи,
Стали щеки его горячи,
Вышел он из себя, закричал:
«Эх, и могучее племя — они,
В наше бы жили время они!

Эх, кабы в руки попались мне!»

Очи глядели дико его.
Заколебалась от крика его

Башня из дорогого стекла.
Встал он и вырвал вместе с землей
Два тяжелых железных кола,
Те, что в полы бешмета его
Вбила мудрая ханша, — она
Силу хотела его показать,
Знала, наверное, раньше она:
Непременно при этих словах
Разгорячится джангарчи!

Звонкоголосый джангарчи
«Джангра» пел до самой зари.
На рассвете богатыри
Наградили его за рассказ
Тысячей желтоголовых овец.
Мальчик погнал на берег реки
Тысячу желтоголовых овец,
И стали жить-поживать старики,
Горя не зная в лачуге своей.

Много ли, мало ли минуло дней,
На закате летнего дня
Мальчик возвращался домой,
Как всегда, проведав коня.
Вдруг — девица стоит на пути:
«Господин, повелитель мой!
Просят вечером вас прийти
На состязание борцов:
Ханская дочь и ее жених
Затеяли для гостей своих
Состязание борцов.
Просит вас хозяйка дворца
Выступить за нее и борца
Стороны противной разбить».
И девушка удалилась прочь.

Только спустилась на землю ночь,

Только начали люди дремать,
Ватную куртку накинул он,
Спать уложил отца и мать,
И лачугу покинул он.
В девичью башню вбежал мальчуган.
Ханская дочь и жених — Цаган —
Вышли на воздух, под блеск луны.

Жених борьбу начинать приказал.
Девушки — сторона Герензал, —
Плотный занавес натянув,
Цветом напоминавший траву,
Сняли с мальчугана улву.
Сторона богатырей,
Плотный занавес натянув
Инея густого белей, —
Сняла с великана улву.

Распахнули с двух концов
Занавесы, и борцов
Вывели к сердцу круга тогда.
Встали друг против друга тогда:
Черный огромный великан
И слабый, бездомный мальчуган,

Ростом всего лишь с локоть мужской.
Заплакал от обиды такой
Черный могучий великан:
«Кто же меня опозорить хотел?
Я с человеком поспорить хотел,
А предо мной — мальчуган!»

«Эх, было б тебе победить суждено,
А кого — не все ли равно?»
Крикнул малыш и борца схватил,
Руки и ноги ему скрутил
И так перебросил через себя,

Что сломал ему кости все!
Изумились тут гости все,
Разозлился жених, закричал:
«Экий дерзкий молокосос!»
И руку свою над ним занес,
Но встала меж ними Герензал,
Руку Цагана отвела,
И мальчугана увела
В башню из дорогого стекла,
И в награду ему дала
Тысячу желтоголовых овец,
Белый шатер — настоящий дворец:
Семь верблюдов было под ним!

Мальчик пригнал их к своим родным,
Молвил он так старику: «Отец!
Человек ты старый такой,
А пристойно ль с отарой такой
В целых две тысячи овец
Жить на задворках селенья тебе,
В лачуге позорной такой ночевать?
Следует без промедленья тебе
На берег озерный перекочевать!»

На берег озерный укочевав,
Среди просторных, девственных трав
Разбили богатый белый шатер,
Лачугу свою под кизяк отведя.
И Хонгор, до вечера погодя,
Проведать пошел Оцола Кеке.
Придя, зарыдал он в горькой тоске
По милой родной стороне,
По северной Бумбе-стране.
Вот погрузилось небо во тьму.
Вот на землю спустилась ночь…
Вдруг девица подходит к нему:
«Мой повелитель! Ханская дочь

Просит вас пожаловать к ней».
И повела его за собой,
И привела в стеклянный покой.

Попотчевав его аракой,
Заплакала ханша тотчас,
Потекли из огромных глаз
Слезы чистые, как аршан.
«Получив согласье отца,
Нашу свадьбу готовит Цаган.
Ну, как же теперь поступите вы?
Ужели меня уступите вы?»

Утром следующего дня
Хонгор пришел проведать коня.
Он спросил у Оцола Кеке:
«Много предпринял странствий я,
Где же, в каком же ханстве я,
Где я, как я сюда попал?
Не через этот ли перевал,
Не через эти ли горы попал?»

И снизу Хонгор на горы взглянул,
На сизые горы взоры метнул —
Пыльный столб замечает он,
Подпирающий небосклон.
«Застилает глаза мне слеза,
И, быть может, ошиблись глаза,
Не мерещится ль мне полоса,
Подпирающая небеса?»
Снова быстрые взоры метнул,
Снова Хонгор на горы взглянул —
Пыльный столб замечает он,
Подпирающий небосклон:
Поднял пыль эту конь Аранзал,
Видно, Джангар-нойон прискакал!

И когда богатырь стоял
Посреди приозерных трав,
За шею Оцола Кеке обняв,
Думая, надо ли Джангра встречать,
Или не надо Джангра встречать, —
Подошла девица к нему.
«Ханша просит явиться к ней,
Господин, повелитель мой!»
И Хонгра повела за собой
В башню, в орлиное гнездо.

«Прислушайтесь к моим словам:
Человек, подобный вам,
Первым не должен искать Богдо,
Будто соскучился по нем,
Будто, ждал его день за днем, —
Молвила Хонгру Герензал, —
Пусть лучше Джангар ищет вас!»
Хонгор домой побежал тотчас
И, дрожа всем телом, сказал:
«Я лихорадкою занемог».
Не выдержал старый отец, не смог
Слезы мужские удержать.
Зарыдала старая мать,
Голову сына обняла,
Горькую долю прокляла.

Спереди прахом степным запылен,
Сзади солнцем степным опален,
Слабо держась на худом коне,
Сидя уже с трудом на коне,
Ничего не видя вокруг,
Выпустив из ослабевших рук
Свой золотой, прославленный дрот, —
Джангар-нойон, Бумбы оплот,
Переваливал перевал.
Рыжий конь его Аранзал

Так исхудал, так отощал,
Что мозга не стало в кости его,
Что жира не стало в груди его.

Джангар спешился у ворот.
Опершись на согнутый дрот,
Крикнул он, чтоб услышал народ:
«Коршуном был он смелым моим,
Вместе с конем поднимал он врага.
Ястребом был он белым моим,
Острым копьем поражал он врага.
И вот мой коршун свирепый пропал,
Из-за причины нелепой — пропал,
И вот мой ястреб надёжный ушел,
Из-за обиды ничтожной — ушел.[7]
Поиски долгие предприняв,
Семьдесят посетил я держав,
Виденных мной в молодые года.
Двадцать пять посетил я держав,
Которых не видел я никогда,
И того, кто мне сообщит,
Где мой Хонгор, мой стяг, мой щит, —
Будь он гелюнгом — прославлю его,
Ламой верховным поставлю его!
Женщиной будь — я бы ей дал
Счастье, каким обладает Шавдал.
Будь он мужчиной — ему бы я дал
Эту страну во владенье навек!»

Не сумел ни один человек
Джангру в его печали помочь,
И зарыдал он, темный, как ночь,
А пораженная толпа,
Завороженная толпа
Загляделась на богатыря,
Затерявшего друга следы.
Загудели густые ряды:

«Женщиной белолицей какой
Этот нойон круглоокий рожден?
Маткою-кобылицей какой
Этот скакун крутобокий рожден?»

Алый Хонгор отцу сказал:
«Сделайте, как я говорю.
Растолкайте локтями народ,
Подойдите к богатырю,
Что стоит у ханских ворот,
И так скажите ему:
„Воин, которого ищете вы,
Живет у меня в дому“».

Мужу сказала старуха: «Что ж,
Надо отправиться, видно, тебе.
Если же гибель в толпе найдешь —
Будет, старик, не обидно тебе:
Волю ребенка выполнишь ты!»

Толкаемый толпой густой,
Бросаемый волной людской
То в один, то в другой конец,
Перед нойоном предстал наконец
Старый отец и сказал ему:
«Воин, которого ищете вы,
Находится в моем дому».

Услыхав, что Хонгор жив,
Заключил в объятья нойон
Старого, — чуть не задушив!
Задыхался от счастья он,
Не выговаривал слов язык!

Джангра повел тогда старик
В белый свой одинокий шатер.
Около озера сразу возник

Перед ним высокий шатер.
Хонгор стоял невдалеке,
Истинный облик свой приняв.
Истинный облик свой приняв,
Прибежал и Оцол Кеке.

Джангар и Хонгор с улыбкой в глазах
Бросились оба в счастливых слезах
В объятья друг другу тогда.
Тридцать воинов Джангра сюда
С тридцати прискакали сторон.
Был среди них Менген Шикширги —
Ношею тридцати человек
Был великан седой нагружен.

Праздник затеяли богатыри.
Отпировав от зари до зари,
Хонгра спросил великий нойон:
«Есть ли такая девушка здесь,
Чтобы тебя достойна была?» —
«Есть такая девушка здесь,
В башне, подобной гнезду орла,
В башне стеклянной живет она,
Но просватана ханша давно,
Ханша с другим обручена».

Сразу же было решено
Силами тридцати человек
Славному Хонгру в горе помочь,
Выдаст, не выдаст хан свою дочь —
Все равно захватить Герензал
У народа всего на виду.
«Я с Мингйаном в башню войду, —
Джангар богатырям сказал, —
Вы — за приданым скачите скорей!»

Кони обоих богатырей

Плавной иноходью пошли —
Был Мингйан красивей всего,
Что живет на пространствах земли,
Женщины, завидев его,
Побежали за ним, расстегнув
Пуговки на поясах своих.
Девушки, завидев его,
Так бежали за ним, что у них
С их нагрудников пришивных
Сами срывались пуговки вдруг.
Даже толпа седовласых старух —
Кровь у них тоже, видать, горяча —
По земле черпаками стуча,
Побежала Мингйану вослед,
Приговаривала, семеня:
«Почему ты не встретил меня
Прежде, в мои пятнадцать лет?!»

Как зачарованные, они
Провожали богатырей…
Спешились всадники в тени
Вечно цветущих тополей,
Выросших у дворцовых врат.
Джангар, открывая подряд
Двадцать серебряных дверей,
В башню вступил, озарив ее
Полнолунным светом своим.
Подошел он с приветом своим
К хану Догшон Цаган Зуле.
Выполнив повеленье вождя,
Богатыри, с приданым придя,
Расположились на правом крыле.
За ними с приданым вскоре вошел,
С ненавистью во взоре вошел
Хан Богдо Манхан во дворец —
Первого жениха отец.

Джангар богатырей оглядел:
На пороге зачем-то сидел
Златоуст его — Ке Джилган.
«Место займи на одной из сторон!» —
Приказал златоусту нойон.
Ке Джилган ответил тотчас:
«Не вижу на левой стороне,
Кто бы сумел, подобно мне,
Джангар Богдо, вступиться за вас.
Не вижу на правой стороне,
Кто за Манхана вступиться бы мог!»
И снова сел златоуст на порог.

Хан Цаган Зула сказал:
«Состязание мы начнем.
Кто победителем будет на нем,
Тот и получит мою Герензал.
Спор начав состязаньем коней,
Кончим его богатырской борьбой».

Бурый Лыско, бури быстрей,
Первым оставил за собой
Ристалище в пять кочевий длиной:
Правой, Джангровой стороной
Одержана победа была!
Стали потом из лука стрелять —
Бумбы сыны победили опять:
Выиграл воин Эрка Хара,
Славы достоин Эрка Хара!
Выбрав священнейший день из дней,
Решающий судьбу женихов,
Провозгласили борьбу женихов.

Молвил тогда нойон-господин:
«Есть тут у нас старик один,
С нами приехал вместе он.
Если дети сойдутся в борьбе —

Не усидит на месте он,
Надо его привязать к арбе
И вдобавок приставить к нему
Пять тысяч мангасских сыновей».
И Шикширги привязали к арбе
И поспешили приставить к нему
Пять тысяч мангасских сыновей.

Вывели воинов полунагих,
Бросился на жениха жених.
И когда показалось на миг:
Одолевает Хонгра Цаган, —
Не выдержал, рванулся старик,
Разломал арбу великан,
Отбросил мангасских сыновей.
Львиной хваткой Цагана схватив,
Руки и ноги Цагана скрутив,
Кости Цагана в песок превратив, —
Перекинул через себя.

К месту, где лежал Цаган,
Хонгор подбежал, великан.
Тело врага на куски разрубив,
Бросил их в белый Ганг-океан.

«Вы — счастливец, Джангар-нойон,
Пало горное солнце мое!» —
Молвил хан Богдо Манхан
И отправился в ханство свое.

Установив священный день,
Выбрав благословенный день,
Свадьбу сыграли Герензал.
Долго пировали там,
Пить не уставали там
Семью семь — сорок девять дней.

Вот у дочери мудрой своей
Спрашивает Цаган Зула:
«Что тебе, желанная, дать,
Что тебе в приданое дать?» —
«Воля бы ваша на то была —
Я бы в подарок взяла приплод,
За последний полученный год».

Хан, услыхав слова Герензал,
Воинов-мудрецов на совет
Из своего народа собрал.
Был таков мудрецов ответ:
«Просьбу дочери — дать ей приплод,
За последний полученный год,
Можно только так понимать:
Славному ханству ее отца
Должно одним из уделов стать
Государства Джангра Богдо,
Где ни края нет, ни конца».

Оповестил Зула свой народ,
Что замышляет он переход
В государство Джангра Богдо.
Откочевал, ликуя, народ
В государство Джангра Богдо.

Поскакали Санал и Мингйан —
Джангар отправил их вперед,
В девять велел им проделать дней
Девятимесячный переход.
Вскоре, возглавив богатырей,
Джангар двинуться в путь приказал.
В лебедя превратившись вдруг
И над степью вычертив круг,
Полетела вперед Герензал.

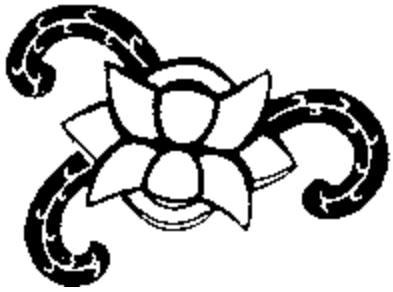
Опередили богатырей

На три дня Санал и Мингйан.
И, собрав народ поскорей,
Там, где белый бежал океан,
Около ставки Шикширги
Белый поставили новый шатер,
Быстро составили новый шатер
Из сорока решеток складных.
Восемь тысяч жердочек в них.
Шкурами барсов был он покрыт.
Пыль вырастает из-под копыт —
Прибыли Джангровы богатыри.
Празднества были устроены там.
Кругами расселись воины там,
Сидели в раздолье пира они,
В блаженстве счастья и мира они
Наслаждались хмельной аракой,
Разливалась она рекой.

Славному пиру пришел конец.
Джангар заздравное слово сказал
Алому Хонгру и Герензал
И поскакал к себе во дворец.
После разъезда знатных гостей
Угощать остальных людей
Принялась ханша — Хонгрова мать.
Стала через дом пропускать
Обитателей ханства всего,
Что занимало пространство всего
Пятимесячного пути.

И в нетленном сиянье с тех пор
Вера бурханов, как солнце, горит.
И вселенной деянья с тех пор
Высятся, как нерушимый гранит,
Тверже самых твердых пород.
И в золотом совершенстве с тех пор,
В мире, в довольстве, в блаженстве с тех пор

Зажил этот могучий народ.



Песнь третья
О подвигах богатыря Строгого Санала

Шумные полчища силачей,
Шесть тысяч двенадцать богатырей,
Семь во дворце занимали кругов.
Кроме того, седых стариков
Был, рассказывают, круг.
И красноликих важных старух
Был, рассказывают, круг.
Жены нежно-белые там
Тоже составили круг.
Словно плоды спелые, там
Девушки составили круг.

Диких, степных кобылиц
Молока потоки лились.
Разливались озера арзы,
Радующей взоры арзы.

Стали красными наконец
Нежные глотки богатырей.
Загудел многоуглый дворец.
Желтые полчища силачей
Стали кичиться силой своей,
Озираться стали вокруг,
Вопрошая соседний круг:
«Ужели сражений для славы нет?
Сайгаков — и тех для облавы нет?
Ужели для боя державы нет?
Ужели врага для расправы нет?»

И владыка Джангар сказал:
«Сын Булингира, славный Санал!
Я посланцем тебя снаряжу,
К Зан-тайше поскакать попрошу,
Повидать Зарин Зана-тайшу.
Мира он хочет — миру внимай,
Хочет войны — войну принимай!»

С места поднялся Строгий Санал.
Шлем золотой пред нойоном снял,
Поклонился ему до земли.
Слезы чистые, как аршан,
Из очей у него потекли.

«О мой Джангар, великий хан!
В грозный ваш богатырский стан
Я вступил, отрешась от всего.
Булингира, отца своего,
Дорогого сына лишив.
Нойоншу славную — мать свою,
Бурханам равную, мать свою —
Дорогого сына лишив.
И, подобную солнцу, жену
Неутешной покинул я,
И поспешно покинул я
Мне подвластную страну,
Чтобы стать вам братом навек.
Одинокий я человек,
Словно месяц на небесах.
Если погибну в чужой стране,
Сгонит недруг со свету меня, —
Вспомнит ли кто-нибудь обо мне?
Старшего брата нет у меня,
Младшего брата нет у меня.
Если поеду в чужие края,
Старшая где же сестра моя,
Младшая где же сестра моя,

Что предложили бы чаю мне?
Ехать по чуждому краю мне —
Бедному бобылю — тяжело.
Сядет пускай другой на седло,
Множество богатырей кругом —
Справятся лучше меня с врагом!»
Кончил Санал и долу потом
Голову молодую склонил.
И к золотому престолу потом
Жаркий свой лоб Санал прислонил.
Мудрый, великий Джангар Богдо
Кудри назад ему зачесал,
Ласковое слово сказал:

«Сокол мой! В землю вступив мою,
Одиноким не чувствуй себя,
Богатырскую нашу семью,
Как свою семью, возлюбя.
Все мы раскрыли объятья тебе,
Все мы сердечные братья тебе.
О своей не тревожься душе,
Поезжай к Зарин Зану-тайше.
Мира захочет — не хлопай дверьми.
Крепкую клятву с владыки возьми,
Что верноподданным будет он мне,
Будет выплачивать нашей стране
Подати год и тысячу лет,
А татылгу — девяносто лет.

Если ж войною будет ответ —
Вспомни, Санал, о хане своем,
Черно-пестрое знамя сорви,
На куски его разорви
И привези в кармане своем.
И пригони мне лихих скакунов:
Восемьдесят тысяч коней
Выведи из его табунов».

Снова сел на место Санал,
И владыка Джангар сказал:
«Справа сидящий Алтай Цеджи,
Ясновидец мудрый, скажи,
Где лежит Зарин Зана земля?»

Так ответил Алтан Цеджи:
«В этот край мой взор устремлен.
Он лежит под левым углом
Заходящего солнца, нойон.
Если мы в Заринзанов край
Балабана-самку пошлем, —
Равных нет ей меж птичьих стай,
Всех пернатых она сильней
И выносливей и жирней, —
Пролетит она много дней,
Трижды выведет новых птенцов,
А неизвестно, в конце концов,
Долетит или не долетит?»

Побежит обычный скакун, —
Семью семь — сорок девять лун
Он проскачет во весь опор,
А сказать не могу до сих пор:
Добежит или не добежит?
Да, земля Зан-тайши далека,
И дорога туда нелегка!
Ясным взором увидеть могу:
В богатырском, несметном кругу
Зан-тайша восседает сейчас.
Зан-тайша вопрошает сейчас:
«Мне три ханства подвластны сейчас,
Но соперник опасный у нас,
Не пора ли собрать нашу рать
И четвертое ханство забрать,
Хана Джангра навек покорить,

Племя Джангра дотла разорить?»
Так ясновидец тогда сказал…
Семьдесят раз осушил Санал
Пиалу с благодатным питьем, —
Семьдесят и один человек
Поднимают ее с трудом.

Пред богатырством предстал Санал,
Оглядел он густую толпу.
Жилы надулись на мощном лбу,
Стали с нагайку величиной.
Лев разъяренный в чаще лесной —
Сердце забилось в клетке грудной,
Десять отваг закипело в груди —
Хлынут наружу того и жди!

Снова мудрый Цеджи привстал:
«Видите сами, каков Санал!
В зренье вложил свой разум я,
Опытным вижу глазом я:
С трудной задачей справится он,
В стане чужом прославится он,
Победителем явится он!
Мне, мудрейшему, равен умом.
Савру подобно владеет мечом.
Он обращеньем с Мингйаном сравним,
Храбростью — с Хонгром Багряным одним.
Прочих достоинств — не сосчитал:
Все девяносто девять он
Доблестей ратных в себе сочетал!»

Выслушав мудрого, молвил Санал, —
В лунках зрачки холодных глаз
Перевернулись двенадцать раз:
«С честью я выполню Джангра приказ,
Приготовьте Чалого мне,
Скакуна уд**а**лого мне!»

У бархата зеленых трав,
У холода прозрачных вод
Чалый резвился, ковыль примяв.
Ловкий богатырь-коневод
Снарядил скакуна в поход.
Конь стоит у дворцовых ворот,
Восхищается Чалым народ:
Он в крылатых ногах собрал
Всю резвую быстроту свою.
В огненных круглых глазах собрал
Всю зоркую остроту свою.
В крепком, широком крестце собрал
Всю грозную красоту свою.
Буйный конь ушами прядет,
Буравами-зубами грызет
Бронзовые удила,
Новый обдумывая поход,
Славные вспоминая дела.

Савар Тяжелорукий встает,
Восьмидесятисаженный бердыш
Он Саналу передает:
«Пригодится в чужом краю».

Алый Хонгор за ним встает,
Семидесятисаженный меч
Он Саналу передает:
«Пригодится в чужом краю».

Славный Гюзан Гюмбе встает,
Мощную пику берет свою,
Славой покрытую в грозном бою,
И Саналу передает:
«Пригодится в чужом краю»
Принял оружье героев Санал,
Цвета коросты нагайку достал
И вышел большими шагами он.

Проваливался в лоно земли
Сафьянными сапогами он.

Богатыри бессмертной земли
Пожеланья свои вознесли —
Нежные, как лотос в цвету.
И Санал схватил на лету
Золотые поводья коня,
И помчался храбрый ездок,
Словно красный уголек,
Отскочивший от огня.
Был исполнен величия он,
Не нарушив обычая, он
Обогнул владенья Богдо.
И поскакал заката левей —
Исполнять веленья Богдо…

В сопровожденье свиты своей
Джангар в хуруле большом побывал
И на серый взошел перевал,
Чтоб узнать, далеко ли сейчас
Богатырь Санал ускакал.
Вот перед ним промелькнул Санал
И мгновенно скрылся из глаз…

Три луны проскакал Санал,
Юную девушку встретил он,
И, пораженный, заметил он:
Ясному солнцу подобна она,
Месяцу ярким сияньем равна.
Воина манит прекрасной рукой,
Держит в другой пиалу с аракой.
И пиалу преподносит она,
Храброго воина просит она:
«Милый брат, не спешите, молю…
Араку оцените мою.
Алчущих насыщает она,

Жаждущих утоляет она!»

Дал в груди необъятной Санал —
Отстояться уму своему.
«Как я братом ей стал — не пойму!
Как она появилась вдруг
В этой нетронутой, дикой стране,
Где не видно жизни вокруг?
Это дело не нравится мне!
Притворяется ловко она,
Нет сомненья: бесовка она!»

А девушка стоит на пути,
И глаза мольбою горят:
«Соизвольте с коня сойти!
Девяносто суток подряд
Вы несетесь на добром коне.
Отдохните, сойдите ко мне
И узнайте, старший мой брат,
Какова моя брага на вкус!»

«Слушай, девушка, я тороплюсь,
Но, когда возвращусь я назад,
Обещаю заехать к тебе!»
Но в горячей, упорной мольбе
Отвечает красавица так:
«Ваша милость мне нравится так!
Не хотите вы ради меня
Насладиться моей аракой,
Так сойдите хотя бы с коня
И сосуда коснитесь рукой».
Но проехал мимо Санал
И такие слова услыхал:
«Ты побрезговал брагой моей —
Будешь сломлен отвагой моей!
Ты со мной познакомишься вновь:
Долго буду сосать твою кровь,

В сердце клюв железный вонзив!»
И, угрозой такой пригрозив,
За Саналом помчалась она.
Но торопит Санал скакуна,
От нечистой он силы бежит!

И скакун, как двукрылый, бежит, —
Если сбоку взглянуть на него,
Кажется, заяц бегущий он,
Вот из полынной гущи он
Выскочил — и скрылся вдали.
Вот он бежит, вот он летит,
Вот он зелень травы золотит,
Вот он просто поверх земли
Скачет, как иноходец, гляди!
Величиною с колодец, гляди,
Вырывает он ямы в земле.
Поднимает пыль — как во мгле,
Тонет в ней вселенная вся.
В четырех собралась ногах
Быстрота священная вся!

Семьдесят дней колебля прах,
Чалый скакал, с пути не свернув.
Но бесовка не отстает
И, железный вытянув клюв,
До хвоста уже достает.
Крикнул Чалый на всем бегу:
«Я быстрее бежать не могу.
На себя надейся, герой!»
И Санал обнажил стальной
Семидесятисаженный меч,
Алого Хонгра священный меч.
Обернувшись к бесовке лицом
И взмахнув необъятным мечом,
Отрубил он железный клюв,
А потом, коня повернув,
Налетел на красавицу вдруг,
Разрубил ее на куски,
Разбросал останки вокруг —
Их потом унесли пески.
Вновь пустился в дорогу Санал
Заходящего солнца левей,

И героя Чалый промчал
Семью семь — сорок девять дней.
Вдруг девицу встречает Санал
На буланом нарядном коне,
И она — замечает Санал —
Красотою подобна луне.
И, повернув поводья назад
И обогнув, как предки велят,
Слева направо богатыря,
Низкий отвесила поклон,
Такие слова говоря:

«Старший мой брат, пресветлый нойон!
Давайте — впервые встречаемся мы! —
Приветствиями обменяемся мы!»
Дальше Санал проскакал на коне,
Дал отстояться уму своему.
Думал: «В нетронутой, дикой стране
И не подвластной пока никому
Надо на страже быть ездоку.
Если я волю дам языку —
Мало ль кого повстречать я могу —
Станет язык мой известен врагу!»
И молчал осторожный Санал.
Дважды голос девицы взывал,
В третий раз воззвал он, дрожа, —
Вынул воин свой меч стальной,
Крикнул воин: «Скажи, госпожа,
С чем ты — с миром или с войной?»

«Мой родитель — почтенный хан,
Малой части вселенной хан.
В этом девственном диком краю
Вас, увидеть спешила я,
И поведать обиду свою
Вам, Санал, порешила я,
Всей взываю душою, Санал!

Зарин Заном-тайшою, Санал,
Был обманом вызван мой брат,
Зарин Заном брошен был в ад.
Предсказатель нашей страны,
Ясновидец Кюнкян сказал:
„Из блаженной Бумбы-страны,
Из нетленной Бумбы-страны
К Зарин Зану послан Санал —
Славный воин Джангра Богдо. —
И сказал он еще: — Поскорей
О тяжелой обиде своей
Расскажите посланцу тому, —
И сказал он еще: — Друзья,
Высылать к чужестранцу тому
Встречу в виде мужчины нельзя.
Он горяч — и может убить.
Чтобы замысла не погубить,
Надо женщине встретить его
И сердечно приветить его,
Оказать достойный прием! —
Вот зачем я вас, воин, зову“».

И Санал с девицей вдвоем
Поскакал в ее бумбулву.
Прискакал на самой заре.
Увидал дворец на горе —
Там обитал почтенный хан,
Малой части вселенной хан.
Чалого привязав коня,
Светлую дверь толкнул посол, —
Распахнулась она, звеня,
И Санал во дворец вошел.
Сел, исполнен бранной грозы,
Сел за чашу черной арзы
У левой стены дворца.

Слезы падали из очей

Безутешного хана-отца,
Горьких слез его горячей
Материнские были мольбы:
«Зарин Зана сломив, из борьбы
Выйдете победителем вы.
Станьте же нашим спасителем вы,
Чтоб Зарин Зан это знал хорошо:
Знатного пленника надо вернуть,
Ханского сына из ада вернуть!..»
И отвечал им Санал: «Хорошо».

Утром приехал в ставку Санал,
В полдень уехать предполагал,
Но задержали друзья его
На две недели у себя.
Ласковы были хозяева!
Вот и прошел двухнедельный срок.
Чалый заржал: «Не пора ль, ездок?»
И выехал из бумбулвы Санал.

Долго скакал и вдруг увидал:
Встала гора, в глубокую высь
Серою плешью своей упершись.
Быстро взлетел на вершину он.
Взглядом холодных черных глаз
Разом окинул долину он:
Бумбулва перед ним зажглась
Пламенем вспыхнувшего костра.
«Башня Зан-тайши предо мной!
Можно сравнить ее только с одной
Джангровой золотой бумбулвой!» —
Так подумал Строгий Санал.
Между горою и бумбулвой
Мерно шумел океан Шартыг.
Мощные воды мост золотой
Узкою пересекал полосой.

Прибыл в ханскую ставку посол.
Он у подножья стяга сошел,
Сталью из лучших сталей согнул
Стройные, тонкие ноги коня.
Двери серебряные толкнул,
Распахнулись они, звеня.
И во дворец вступил не спеша.

Видит: сидит Зарин Зан-тайша
С полчищами богатырей,
В блеске золота и тополей,
В ожидании бранной грозы,
В изобилии черной арзы.

Он прошел по желтой земле,
Занял место на левом крыле,
Не заметили богатыри,
Что пришел чужестранец к ним!
Присмотрелся посланец к ним,
Всех бойцов отмечает он,
Про себя заключает он:
Эти богатыри сильней
Исполинов Джангра Богдо…

Семь пирует он с ними дней —
Но не видит его никто!
Наконец поднялся посол.
К Зарин Зану подходит он,
И, взглянув на священный престол,
Речь такую заводит он:

«Несравненному Джангру пришлось
Свое ханское слово сказать,
И отважное сердце нашлось,
Чтобы вам это слово сказать.
Говорю вам устами Богдо:
„Мира он хочет — миру внимай.

Хочет войны — войну принимай.
Скажет он: мир — буду рад от души.
Крепкую клятву возьми ты с тайши,
Что верноподданным будет он мне,
Будет выплачивать нашей стране
Подати — год и тысячу лет,
А татылгу — девяносто лет.
Если же скажет: война — в ответ
Черно-пестрое знамя сорви,
Как тебе повелел твой хан,
Знамя на куски разорви
И запрячь лоскутья в карман.
И потом из его табунов
Угони лихих скакунов —
Восемьдесят тысяч коней“».

Услыхав такие слова,
Смертоносный кинжал из ножон
Вынул левого круга глава —
Богатырь, по прозванью Одон,
И, крича, на Санала напал:
«Слушать, как нам грозит бахвал?
Пусть бахвала пронзит кинжал!»
Зан-тайша силача отозвал:

«Завтра, мой выполняя приказ,
Ты бы так же себя повел.
Он — державного мужа посол.
Угостить его надо сейчас:
Губы обмажет свои сперва —
Лучшие скажет свои слова».

Сел, где сидел сначала, Одон,
И вопросил у Санала Одон:
«Говорят, есть у Джангра герой —
Хонгор, прозвищем Алый Лев.
Ну, каков из себя этот лев

По сравнению, скажем, со мной?»

«Стыдно мужу срамить себя!
Лишь безумец или глупец
Может с Хонгром сравнить себя!
Это — волк, нападающий вдруг
На стотысячный гурт овец.
Это — кречет, хватающий вдруг
Треугольники журавлей.
Это — лев, побеждающий вдруг
Многочисленных богатырей.
Двести тысяч пущенных стрел
Не пронзят богатырской груди, —
Хонгор будет стоять посреди
Отскочивших, сплющенных стрел!

Алый Хонгор всегда впереди
Наступающей рати летит,
Алый Хонгор всегда позади
Отступающей рати летит!
Он — стотысячных полчищ краса.
Он — стотысячных полчищ гроза!
Надо вовсе безумным быть,
Чтобы с Хонгром себя сравнить!»
Кончил речь, пиалу пригубя,
И похлопал по ляжкам себя,
И до боли в желудке Санал
Оглушительно захохотал!

Молвил справа сидящий Гунун,
Богатырь настоящий Гунун:
«Говорят, есть у Джангра герой —
Савар, Тяжелоруким слывет.
Ну, каков этот Бумбы оплот
По сравнению, скажем, со мной?»

Посмотрел направо Санал,

Засмеялся он и сказал:
«Оценил ты низко его,
Если вздумал сравниться с ним.
Он владеет конем лихим:
Драгоценный Лыско его
Стоил тысячу тысяч юрт.
Савар погибель дружинам несет,
Савар отважным начином слывет,
Прикосновеньем стального меча
Савар сбрасывает с коня
Непобедимейшего силача.
Рассмешил ты, бедняга, меня:
С нашим Савром ты спорить готов, —
Волосок приравнять к мечу!
Не терплю я таких глупцов,
Говорить с тобой не хочу!»

И тогда спросил у врага
Храбрый воин Модон Харга:
«Говорят, есть у Джангра герой,
По прозванию Строгий Санал.
Ну, каким бы его ты признал

По сравнению, скажем, со мной?»
Дерзкий расхохотался посол,
И до боли в желудке своем
Телом всем сотрясался посол:
«Вижу, вы не в рассудке своем.
Благоразумный даю совет:
Миром да будет ваш ответ,
Ибо знайте заране вы:
Гибельной станет война для вас,
Многих на поле брани вы
Недосчитаетесь в грозный час.
Бедствий стоите на грани вы:
Будет ответом война, — тотчас
Я черно-пестрое знамя сорву,

Я ваше знамя в куски изорву,
И лоскутья спрячу в карман,
Как велел мне великий хан.
Из бесчисленных табунов
У верховьев Нарина-реки
Отберу я лихих скакунов
И домой угоню косяки.
И когда урагана быстрей
Полетят ваши кони за мной,

Ваши полчища богатырей
Устремятся в погоню за мной,
И случится — догонят меня, —
Смельчака, что затронет меня,
С одного я размаха сражу,
Как добычу, к седлу привяжу,
А седло подвяжу я коню
Под живот и коня угоню,
Как я прежде коней угонял,
И тогда вы поймете, каков
Богатырь по прозванью Санал!»

Черной яростью разъярены,
Будто дикие кабаны
В жаркий час, когда жалят пчелы их,
Воины ринулись на посла.
Распахнулись подолы их,
Засверкала синяя сталь.
Но у Санала пика была,
Пика великана Гюмбе,
Славного Гюзана Гюмбе.
Вынул острую пику Санал,
Воинов, что кабанов, разогнал.

Отбиваясь от силачей,
От проливного дождя мечей,
Заставлял он пику свою,

Славой покрытую в грозном бою,
По железным гулять животам.
Доходила кровь до кольчуг.
Бумбулва сотрясалась вокруг
И, как в бурю, гудела там.

Видит Санал, подвигаясь вперед:
Очищен уже проход
От неистовых богатырей.
Расписных восемнадцать дверей
Открывая одну за другой,
Вышел Санал и гневной рукой
Черно-пестрое знамя сорвал,
На куски его разорвал
И в карман положил, а потом
Он поводья схватил на лету
И поехал на Чалом своем
Плавной иноходью по мосту.
Доскакав до верховьев реки,
Где на воле паслись косяки,
Богатырь отобрал коней
И погнал их к отчизне своей.

Чалый скакун — отличный конь,
И покуда обычный конь
Сделает один поворот,
Восемь раз повернется он!
С быстротой иноходца он
Угнанные косяки ведет.
Буре подобны, в густой пыли
Буйные кони скакали вдали,
Будто ветру завидовали,
Будто пугаясь комков земли,
Что по дороге раскидывали,
Будто пугаясь ударов копыт.
От развевавшихся конских волос
Пение скрипок и гуслей неслось,

Чудилось: музыка звенит.

Там, где бежали коней косяки,
Красные разметав пески,
Появлялась потом тропа:
Покрывалась песком трава.
Черной пыли взошла полоса,
Подпирающая небеса,
Землю мангасов окутал туман.

И тогда повелел Зарин Зан
Своего скакуна оседлать,
Что подобен гранитной скале,
И собрать на мангасской земле
Неуемную темную рать.
И повел он тьмы силачей —
Под углом восходящих лучей.

Скачут, не признавая ночей,
Не считая томительных дней.
И мангасское племя вдруг
Увидало Санала вдали.

Сделал в левое стремя вдруг —
Зарин Зану поклон до земли
Богатырь Одон и сказал:
«В дружбе нетленной испытаны мы.
Вскормлен объедками вашими я.
Вашим потом пропитанными,
Грелся одеждами Вашими я, —
И ни о чем не просил я тайшу.
Вашего ныне приказа прошу:
Первым дотронуться мне до него».

Получив согласье, Одон
Вынул желтый меч из ножон
И понесся, как брошенный ком,

На ретивом Буланом своем.
Сразу его Санал узнает,
Но с отпором он медлит, а тот
На стременах своих привстает
И Саналу наносит удар!

Семьдесят пуговиц грозной брони
(Плотно застегнуты были они)
Разлетелись, и желтый меч
В тело вонзился пониже плеч:
Сердце чувствует сталь острия!
У Санала крови струя
Н**а** две сажени бьет изо рта.

Еле вытащил меч Одон,
А Санал, сознанья лишен,
Восемь дней скакал наугад,
Оберегаемый Чалым своим.
Недруги сбить Санала хотят, —
Чалый Санала неуловим!
Вот он летит, ненаглядный конь!
И пока заурядный конь
Сделает один поворот,
Восемь раз повернется он!
С быстротой иноходца он
Тысячи гонит коней,
Ни одному отстать не дает!
Думает отчаянный конь:
«Всех до единого уберегу!»
Не дает хозяина конь
На поругание врагу.

Снова в сознанье пришел Санал,
Десятиострый бердыш достал,
Десять лезвий горят в ножнах,
Десять молний блестят впотьмах.
Ринулся на Одона Санал,

Щеки запылали, как жар.
Хлынула к сердцу кровь, горяча.
Со всего размахнулся плеча —
Страшный нанес Одону удар!

Семьдесят пуговиц грозной брони
(Плотно застегнуты были они)
Разлетелись, как голубки!
Шейные скрючились позвонки,
Крошевом стали ребра врага!
Разум иссяк недобрый врага —
Пять источников ума.
Очи покрыла мутная тьма.
Высох способностей родник…

К шее Буланого приник
Мертвый Одон, упав тяжело.
И взвалил его Санал
Вниз лицом на свое седло,
Руки и ноги ему связал,
К наковальне-спине прикрутил,
Тороками к седлу прикрепил,
А потом захватил Санал
Скакуна и в табун загнал,
И ходило седло ходуном
У Буланого под животом.

Девяносто суток Санал
Отбивался от полчищ врага.
И внезапно героя нагнал
Именитый Модон Харга.
У Санала в памяти жил
Нанесенный Одоном удар.
«Чуть он жизни меня не лишил!» —
Так подумав, Санал поспешил:
Вражий вызов принять порешил,
Смертоносный бердыш обнажил,

Смелость барса в железо вложил, —
Разрубил с размаху врага!
Как добычу, Модона Харга
Привязал к торокам своим.
Завладел он конем врага
И погнал к табунам своим,
Подвернув седло под живот.

Зарин Зана досада берет.
Поскакал Зарин Зан вперед —
Он уже до хвоста достает,
Он расправится скоро с врагом!
Чалый мчится бури быстрей, —
Поздно! Вот уже скачут кругом
Полчища вражьих богатырей.
Заорал Зарин Зан-тайша:
«Изловите его как-нибудь!»
Десять тысяч крашеных пик
Поразили воина в грудь.
Десять тысяч бешеных пик
Поразили Чалого в грудь.

Барсу гневным обличьем тогда
Стал подобен суровый Санал.
Крикнул грозное слово Санал —
«Джангар» было кличем тогда!
Услыхал это Чалый скакун.
И проделал сначала скакун
Вверх одиннадцать тысяч прыжков.
Вниз одиннадцать тысяч прыжков
Он потом проделал сполна.
И тогда из груди скакуна
Десять тысяч выпало пик
И посыпалось мелким дождем.
Из груди Санала потом
Десять тысяч выпало пик
И рассыпалось мелким песком.

Вновь помчался, как буря, Санал,
Скакунов чало-лысых погнал…

Зной тяжелый стоял с утра,
В полдень стало палить сильней,
Придавила землю жара,
Был неслыханный суховей.
И не стало травинки зубам,
И не стало росинки губам.
Чалый медленней стал брести,
Не осталось мозга в кости,
Не осталось жира в груди,
И упал обессиленный он
Посреди пустыни потом,
И за корень ковылины он
Ухватился голодным ртом,
И на землю спрыгнул Санал,
Обнял Чалого, приласкал,
И, роняя капельки слез,
Молодой богатырь произнес:
«Там, где травинки нет зубам,
Там, где росинки нет губам,
Там, где не видно жизни вокруг,
Почему ты, верный мой друг,
Одного оставляешь меня,
Горевать заставляешь меня?
Ты хотя бы доставил меня
До горы Цоколгани-Цаган,
Переправил хотя бы меня
Через реку Цока-Ганцу!» —
Так сказал богатырь бегунцу.
Чалый ответил: «Садись на меня!»
Снова сел Санал на коня,
Выехал в самом начале дня,
Прибыл он на вечерней заре
К сизо-плешивой высокой горе.

Чалый раскинул ноги опять,
Чалый упал на дороге опять.
З**а** гору быстро тогда Санал
Угнанные косяки загнал,
Вниз побежал со склона потом,
К бедному Чалому подбежал
И, отвязав Одона потом,
Что на стальных тороках лежал,
Выбросил останки в овраг.

Десять в нем закипело отваг,
И, на плечи взвалив скакуна,
На вершину взобрался горы,
И коня поместил до поры

В незаметном и круглом рву,
И на ров накидал траву.

Стал из лука стрелять великан.
В многошумный вражеский стан
Восемь суток стрелял Санал, —
Трудно стало вести борьбу.
С круглой шеи мирде-талисман —
Образок он глиняный снял
И приставил его ко лбу,
Повернулся к востоку лицом.
Плача, Джангра на помощь призвал.
И воскликнул в печали Санал:
«Где же мудрый Алтай Цеджи?
В ясновидящем взоре теперь
Отчего я не отражен?
Неужели не видит он,
Что в ужасном я горе теперь,
Что погибну в позоре теперь?»
В это время в кругу силачей,
В блеске золота и тополей
Восседал белоглавый Цеджи,
Добродетель державы — Цеджи.
И сказал величавый Цеджи:

«Ваш герой, что вернулся уже
Из далекой земли Зан-тайши,
Ханства нашего на рубеже
Ждет спасенья смелой души».

Пировавшие в сладкой тиши
Полчища Джангровых богатырей
Повставали с мест поскорей,
Пораскрыли двадцать дверей,
Поскорей оседлали коней,
Поскакали все как один.

Впереди богатырских дружин
Ехал знаменосец Мангна,
Желтый стяг он держал в руке
С украшениями на древке.
Далее следовал Джангар Богдо,
А за ним — двенадцать бойцов,
Самых отборных храбрецов,
А за ними — ратный народ
Быстро и грозно понесся вперед.

Ханства границы близко уже.
Савар скачет на Лыске своем,
И торопится Лыско уже…

Савар подъехал к Джангру Богдо,
Сделал в левое стремя поклон
И сказал: «Разрешите, нойон,
Испытать моего скакуна», —
«Хорошо», — ответил нойон.
Тронув бронзовые стремена,
Савар, отвагой горя, полетел,
Искрою десять бэря пролетел,
И вонзилась пыль в небеса —
Тонкая, красная полоса…

Видит Санал в укрёпленье своем:
Пыль поднялась красным столбом.
«Эта пыль, — подумал он, —
Поднята Савровым лысым конем.
Если будет враг побежден,
Снова рассядемся мы в бумбулве,
Савар, подняв пиалу с аракой,
Станет бахвалиться на торжестве:
„Помнишь, когда ты сидел за рекой
На горе Цоколгани-Цаган,
Страхом смертельным обуян,
Призывая спасения час, —

Я тебя от гибели спас!“»

И тогда изо рва Санал
Вывел Чалого и погнал
В гущу необозримых врагов,
Все живое круша и кроша.
Тысячи мангасских голов
От удара его бердыша
Низвергались крупным дождем.

Саналу на помощь спеша,
Прибыл Савар на Лыске своем
И такие крикнул слова
Беспримерному смельчаку:
«Погоди, мой Санал, сперва
Сбросим долгой разлуки тоску —
Не видались давно мы с тобой!
Эти жители ада, поверь,
Не спасутся от нас теперь,
Мы победой закончим бой!»

Спешились оба с улыбкой в глазах,
И друг другу в объятья они,
Будто родные братья они,
Бросились в счастливых слезах.
И вот в этот сладостный миг
Прибыл Джангар с дружиной своих
Многочисленных богатырей
И повел силачей за собой
На мангасскую темную рать.

Семью семь — сорок девять дней
Шел воистину грозный бой.
Много забрано было коней.
Много тысяч мангасов легло,
Много крови людской потекло.

Жалкую душу спасти спеша,
В гуще бойцов бежал Зан-тайша.
Джангар, ужас внушая врагам,
Полетел, и владыку настиг,
И пронзил его пикою вмиг,
И, дрожащего, бросил к ногам
Желтошапочных богатырей.

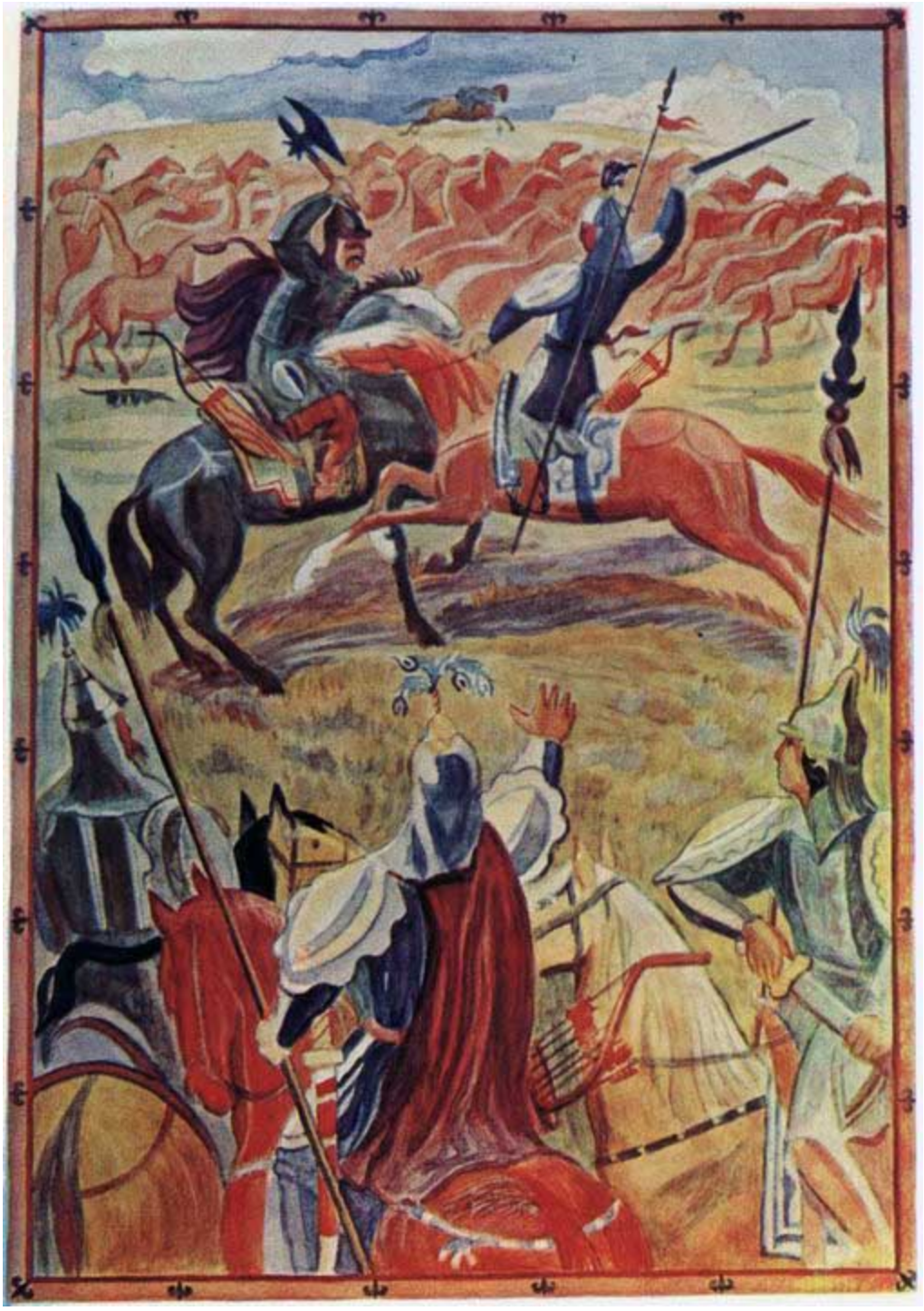
Находящийся невдалеке
Савар правой ладонью своей
Ударил тайшу по щеке,
И пунцовое Бумбы клеймо
На щеке появилось само
В знак, что отныне стал Зан-тайша
Подданным славного Джангра Богдо.
Верности клятву дал Зан-тайша:
Некогда враг заклятый Богдо,
Он поклонился трикраты Богдо.

И сказал Санал Зан-тайше:
«Грех большой у вас на душе,
Ханский сын томится у вас.
Вот вам, Зан-тайша, мой приказ:
Освободить вам надо его,
Выпустить надо из ада его!»

И к бессмертной, священной стране,
К милой Бумбе, к нетленной стране
Поскакали войска силачей,
Не считая бессонных ночей,
Не считая томительных дней,
И приехали к башне своей,
И расселись в зеленом лесу
Эти семь богатырских кругов,
В честь победы устроя пир,
В честь Санала-героя пир,

В честь разгрома грозных врагов.

Песнь четвертая
О том, как внук Дуктахула, сын Дуучи, Аля Монхля угнал восемнадцать тысяч огненно-рыжих меринов Великого нойона Джангра



Шумные полчища силачей,
Шесть тысяч двенадцать богатырей,
Семь во дворце занимали кругов.
Кроме того, седых стариков
Был, рассказывают, круг,
И красноликих важных старух
Был, рассказывают, круг.
Жены нежно-белые там
Тоже составили круг.

Словно плоды спелые, там
Девушки составили круг.
Диких степных кобылиц
Молока потоки лились.
Разливались озера арзы.
Радующей взоры арзы.

Стали красными наконец
Нежные глотки богатырей.
Загудел многоуглый дворец.
Желтые полчища силачей
Стали кичиться силой своей,
Озираться стали вокруг,
Вопрошая соседний круг:
«Ужели сражений для славы нет?
Сайгаков — и тех для облавы нет?
Ужели для боя державы нет?
Ужели врага для расправы нет?»

В пору веселья богатырей,
Распахнув двенадцать дверей,
В башню чужестранец вошел, —
Видно, ханский посланец вошел,
Видно, могуча его земля.
Грозно заговорил он вдруг:
«Это я, Дуктахула внук,
Сын Дуучи, Аля Монхля.

Джангар Богдо, тебе говорю:
Я приехал в державу твою,
Чтоб угнать ретивых твоих,
Меринов нежногривых твоих,
Огненно-рыжих коней.
Если ты мужчина — сумей
Их отбить в открытой борьбе.
Если же нет — сиди себе
Под подолом жены своей».
С этим вышел Аля Монхля.

Был исполнен силы такой
Тонкий белый голос его,
Что задрожал золотой покой,
И стена раскололась его,
Что забыли хлебнуть араки
Пировавшие смельчаки.

«О дорогая, как жизнь моя,
Богатырей родная семья,
Что за шулмус явился к нам? —
Молвил Джангар Бумбы сынам. —
„Трусы, — пойдет о нас разговор.
Недруг у них угнал табуны, —
Дома лежат, боятся войны!“
Это будет великий позор.
Никогда не смоем его,
Не снести героям его!
Богатыри державы моей,
Все, кому слава дорога, —
Кто из вас победит врага,
Кто из вас возвратит коней?»
Но Цеджи, полукруга глава,
Произнес такие слова:

«Говорит людская молва:
Сын Дуучи — Аля Монхля —

Сильный, могучий великан.
Мало знает таких земля.
Сказывают: силу его
Славят народы шести стран.
Сказывают: храбрость его
Славят народы сотни держав.
Мы такого бойца не найдем,
Чтобы, верх над ним одержав,
Возвратился в родимый дом.
В единоборство вступают с ним,

Смерти собственной ища.
Надо действовать сообща,
Надо выехать войску всему —
Одолеем в конце концов!»
Молвил Джангар: «Быть по сему!»

Шесть тысяч двенадцать бегунцов,
Что паслись у холода вод
На зеленом бархате трав,
Резвость и силу набрав, —
Пригнаны, стоят у ворот
Шатроподобного дворца,
Как великий нойон приказал.
Между ними конь Аранзал.

Аранзал в ногах собрал
Всю резвую быстроту свою.
Аранзал в глазах собрал
Всю зоркую остроту свою.
Аранзал в крестце собрал
Всю грозную красоту свою.
Бархатною гривой густой
Он играет с солнцем-луной,
Прыгает, сбруей своей гремя,
Будто копытами четырьмя
Хочет землю врага растоптать.

Точно красный уголек,
Отскочивший от огня,
Джангар Богдо сел на коня.
Стремени коснувшись едва,
Сели богатыри на коней.
Белый хурул объехав сперва,
Пожелали счастливых дней
Бумбе, своей бессмертной земле,
И помчались во весь опор.
Их повел знаменосец Шонхор.
Если знамя лежало в чехле —
Нашему солнцу было равно.
Если же было обнажено
Пестро-желтое полотно —
Семь светил затмевало оно.

Тяжелорукого Савра конь —
Бурый Лыско — вспрыгнул вдруг.
Будто искра, вспыхнул вдруг, —
Угольком степного огня
Закружился бегунец.
Савру поводья, наконец,
Удерживать невмоготу.
Джангру он говорит на лету:

«Пока догоним Аля Монхля,
Проверим коней быстроту.
Скачку сейчас устрою, нойон!» —
«Ладно», — сказал герою нойон.
Бурый скакун, ездой упоен,
Сразу покрыл взмахом одним
Расстояние в пять бэря.
Чалый помчался вслед за ним —
Конь Санала-богатыря.
Кони прочих богатырей
Тоже помчались мысли быстрей.

Ими поднятая пыль
Превратилась в густой туман,
Потонула в нем земля.

Савар, прославленный великан,
Догоняет Аля Монхля,
Вот уже вдалеке видны
Угнанные табуны,
Тысячи молнийных скакунов.

И собрал Аля Монхля
Буйства исполненных скакунов.
Остановился разом он
В ожидании богатыря.
Савра смерил глазом он,
Так про себя говоря:

«Очевидно, эта пыль
Поднята бурым скакуном.
Если не врут мои глаза,
Исполин, сидящий на нем, —
Савар, воинов гроза,
Видимо, летит он ко мне.
Время пришло для встречи с ним,
Время пришло для сечи с ним».

Савар на буро-лысом коне
Страшной секиры несет удар.
Усмехнулся Аля Монхля —
Ловок он, хитер, удал.
Увернулся Аля Монхля,
Савар секирой воздух рассек.

И коня повернул Монхля,
Синий лук натянул Монхля,
Прянула, полетела стрела,
Взвизгнула, засвистела стрела,

Прямо в спину Савра вошла,
Разорвала сразу стрела
Семьдесят застежек брони,
Сразу разлетелись они.
Белой груди достигла стрела.
Горлом кровь у Савра пошла.
Савра покинул ясный ум.
Только в груди — густой туман,
Только в ушах — немолчный шум.
К мягкой гриве припал великан,
В гору помчался, на луга.

Сын Булингира, Строгий Санал,
Через неделю Монхля догнал.
Черный дрот метнул в храбреца.
Но проворный Аля Монхля,
Непокорный Аля Монхля,
Хитрый сын отца-хитреца,
Черный дрот сломал на скаку:
Добрый конь помог ездоку,
Ловкостью драгоценной помог, —
Увернулся, сжался в комок.

С неописуемой быстротой
Повод повернув золотой,
Знамя по земле волоча,
Вынул Монхля секиру свою,
Закаленную в бою,
Ударил Санала сплеча.
Был удар секиры таков,
Что выскочили из груди
Восемь крупных позвонков,
Ребра сломались, погляди!
Нити сознания порвались.
К мягкой гриве припал Санал
И во всю прекрасную рысь
Чалого н**а** гору погнал.

Прибыл Джангар, ведя за собой
Шесть тысяч двенадцать богатырей.
С буйным кличем Бумбы своей
Ринулись воины в бой.

«Ставший сказкою дневной,
О луноликий Джангар мой!
Ставший грезою ночной,
Славный, великий Джангар мой!
Если приказывал ты: лови! —
Хонгор ловил врага твоего.
Если приказывал ты: дави! —
Хонгор давил врага твоего.
Если ты на врага наступал,
Я твоей свирепостью был.
Если враг на тебя наступал,
Я твоею крепостью был! —
Хонгор воскликнул, Алый Лев. —
Крови своей не пожалев,
Был я гонителем всегда
Воинов, осужденных тобой.
Был победителем всегда
Воинов, побежденных тобой.
Так подари мне, Джангар, приказ:
Этого Аля Монхля
Разреши коснуться сейчас». —
«Действуй, разрешенье даю», —
Джангар в ответ произнес.

Хонгор схватил нагайку свою,
Десять ударов нанес
Буйному Аля Монхля.
Нагайки стальная ладонь
Обжигала, как огонь.
Ездока не слушаясь, конь,
Сивый Лыско, помчался вперед.

Хонгор вынул кованый меч,
Закаленный в пламени сеч,
Восемь ударов нанес в живот
Буйному Аля Монхля.
Сын Дуучи, Аля Монхля,
Саблей взмахнул — воздух рассек.

Задрожала тогда земля.
С человеком человек
Воедино смешались здесь:
Исполины сражались здесь!
Ноги пестрых коней сплелись,
Струи острых мечей слились,
Крепким ударам потерян счет.
Красная влага жизни течет.

С исполином исполин
Борются восемь полных дней, —
Не побеждает ни один!
Падают на гривы коней,
Изнемогая, смельчаки
И начинают сраженье вновь;
Чашами проливают кровь,
А мясо рвут на куски, —
Не побеждает пока никто!

У владыки Джангра Богдо
Десять отваг поднялось ко рту.
Перевернулись двенадцать раз
В лунках зрачки орлиных глаз.
Десять пальцев к ладоням прижав,
Закричал повелитель держав:

«Хонгор мой, волк моих лесов,
Хонгор мой, лев моих пустынь,
Хонгор мой, стяг моих бойцов,

Хонгор мой, щит моих святынь, —
Не выполняешь долга ты:
Слишком возишься долго ты
С этим проклятым Аля Монхля!»

Крикнул Хонгор в ухо коня:
«Сивый скакун, выручай меня!
Сделай лучший свой поворот,
Вытяни свой хребет вперед
И поближе к врагу подойди,
Чтобы мой желто-пестрый дрот
Мог коснуться его груди.
Если врага не добуду я, —
Джангру слугой да не буду я,
Да не увижу Бумбы своей,
И славу свою позабуду я.
Львом прозывался повсюду я,
Но потерплю неудачу я —
Прозвище льва да утрачу я!»

Услыхав такие слова,
Лыско так подлетел к врагу,
Близко так подлетел к врагу,
Что с разбегу Хонгор едва
Грудью не придавил Монхля!
О победе бурхана моля,
Хонгор встал на седло ногой,
Встал на гриву коня — другой,
Сразу поднял Аля Монхля
Вместе с могучим его конем
На желто-пестром дроте своем,
Бросил его к ногам Богдо.

А Гюмбе его подхватил,
Руки, ноги ему скрутил,
Привязал к железной спине,
На могучем увез коне.

А в глубоком и круглом рву,
Придавив степную траву,
Словно мертвый, лежал Санал,
Савар плавал в крови, стонал.

Вызвали целительный дождь,
Вызвали живительный дождь,

Дали снадобья Бумбы-земли,
Савра и Санала спасли.
И погнали ретивых коней,
Огненных, нежногривых коней,
Восемнадцать тысяч коней.
Через сорок и девять дней
Бумбы достигли своей.
Первым Джангар в башню вошел.
А за ним — богатырская рать.

На золотой воссев престол,
Джангар соизволил сказать:
«Пусть Аля Монхля войдет!»
Развязали богатыря.
Он пошел по рядам вперед,
Перешагнув через двадцать бойцов,
Растолкав пятнадцать бойцов,
Дав пощечины пятерым,
Страх и трепет внушив остальным,
И сел пониже Алтана Цеджи.
К пиршеству приступил народ.
И, согрев аракою рот,
Савар, сидевший невдалеке,
С места привстал и нанес
Адя Монхля удар по щеке.
И зажглось на щеке само
Вековечной Бумбы клеймо:
С этой поры Аля Монхля,
Сила его, его земля
Стали подвластны Джангру Богдо
Н**а** год и на тысячу лет.

И во славу грядущих побед
Начался праздник арзы-араки.
Злобным недругам вопреки,
Бумбы сиянье нетленно с тех пор,
И деянья вселенной с тех пор

Укрепились из рода в род.

И в золотом совершенстве с тех пор,
В мире, в довольстве, в блаженстве с тех пор
Зажил этот могучий народ.

Песнь пятая
О поединке Хонгра, Алого Льва, со страшным Догшон Мангна-ханом, владеющим исполинским чалым конем Манзаном

Шумные полчища силачей,
Шесть тысяч двенадцать богатырей,
Семь во дворце занимали кругов.
Кроме того, седых стариков
Был, рассказывают, круг.
И красноликих важных старух
Был, рассказывают, круг.
Жены нежно-белые там
Тоже составили круг.
Словно плоды спелые, там
Девушки составили круг.

Диких степных кобылиц
Молока потоки лились.
Разливались озера арзы,
Радующей взоры арзы.

Стали красными наконец
Нежные глотки богатырей.
Загудел многоуглый дворец,
Желтые полчища силачей
Стали кичиться силой своей,
Озираться стали вокруг,
Вопрошая соседний круг:
«Ужели сражений для славы нет?
Сайгаков — и тех для облавы нет?
Ужели для боя державы нет?
Ужели врага для расправы нет?»

И когда в изобилье арзы,
В ожиданье военной грозы
Пировали Джангра сыны —
С юго-западной стороны
Прискакал в богатырский стан
Чужеземец Нярин Улан,
Мангна-хана грозный посол.
Он под знаменем желтым сошел,
Сталью из лучших сталей согнул
Статные рыжие ноги коня,
Цельнослитный чумбур растянул,

Двери серебряные толкнул —
Распахнулись они, звеня, —
В бумбулву золотую вступил,
И на правой сел стороне,
И с хозяевами наравне
Араки благодатной испил.

Перебивая друг друга тогда,
Богатыри гудели там,
И от круга до круга тогда
Острые шутки летели там.
И поднялся Нярин Улан.
К Джангру сияющему подойдя,
Молвил перед лицом вождя:

«Мой повелитель — Догшон Мангна-хан.
Конь Мангна-хана — чалый Манзан.
Мангна-хан проведал о том,
Что владеете вы, нойон,
Аранзалом, рыжим конем, —
Для прогулок приятен он.
Посему повелел Мангна,
Чтобы отдали вы ему
Вашего рыжего скакуна.

И еще Мангна-хан узнал,
Что женаты вы на Шавдал
И что ханская дочь она.
Посему повелел Мангна:
Если вы не хотите войны,
Солнцеликая ханша должна
Стать рабыней его жены,
Воду н**а** руки ей поливать.

И проведал еще Мангна-хан,
Что живет у вас ясный Мингйан,
Богатырь сладкогласный Мингйан,
Что подобен прекрасный Мингйан
Мертвой зыби — спокойным лицом.
Все живущее под луной
Ослепительной красотой
Превзошел солнцеглазый Мингйан.
Посему пожелал Мангна-хан
Завладеть прекрасным бойцом
И назначить Старшим Певцом
Для услады почетных гостей.

И еще, среди прочих вестей,
Мангна-хан услыхал о том,
Что владеет герой Санал
Бесподобным чалым конем.
Посему Мангна-хан пожелал
Завладеть уд**а**лым конем,
Чтоб коней во мраке ночном
Охранял табунщик на нем.

Также хану известно о том,
Что, подобный гордому льву,
Алый Хонгор живет у вас
И своим рыканьем сейчас
Наполняет он бумбулву.
Не желает Догшон Мангна-хан

Хонгру пожаловать сан
И по сану воздать почет.
Он затем исполина берет,
Что понадобился скороход
Для посылок по мелочам.
Вам, нойон, и всем силачам
Надо выполнить ханский приказ.
А не будет исполнен — тотчас
Мангна-хан свою рать соберет
И пойдет войною на вас.
Истребит ваш могучий народ,
Вашу башню разрушит он,
Ваше море осушит он
И с бурханами вас разлучит,
С великанами вас разлучит…
Вот его повеленья, Богдо!»

Из героев Бумбы никто
Отвечать послу не посмел,
За страну постоять не сумел,
Будто каждый боец онемел.
И тогда великий Богдо
Обратился к Алтану Цеджи:
«Как мне быть, ясновидец, скажи:
Отдавать или не отдавать?»

И сказал ясновидец в ответ:
«В те времена, когда ваш отец
Грозных насчитывал двадцать лет,
Он в поединок с Мангна вступил.
Еле-еле набрал он сил,
Чтобы домой потом доползти,
Триста ран своих донести.
А скакун его рыжий с трудом
Плелся медленным, мелким шажком.
Но противник — Догшон Мангна-хан
Удалился, не чувствуя ран,

А скакун его — чалый Манзан —
Кое-как, но вперед скакал!
Ваш отец вдвое ловче вас,
Вдвое лучше копье метал,
И — глядите — едва себя спас.
Одолеете ль вы сейчас
Мангна-хана — сказать не могу».

Слева сидящий исполин,
Славой гремящий исполин,
Левого полукруга глава,
Молвил Хонгор: «Великий Богдо!
Очевидно, эти слова
Означают согласье на то,
Что потребовал Мангна-хан.
Вам совет недостойный дан!
Крови чашу я лучше пролью, —
Волю нашу добуду в бою,
А скороходом не стану я,
И чужеземному хану я
Никогда не буду рабом,
Собирающим кизяки!»
Хонгра прервал Нярин Улан:
«Время не тратьте на пустяки!
Ждет ответа Мангна-хан!»

Молвил Джангар, великий нойон:
«Все даю, что требует он.
Скакуна Санала даю.
Своего Аранзала даю.
И Мингйана даю врагу,
Только Хонгра отдать не могу,
Слишком Алый Хонгор силен —
Пусть Мангна-хан приезжает за ним!
А подобной тростинке Шавдал
Горе, постигшее нас, разъясним».
С этим Нярин Улан ускакал.

Рассердился великий нойон,
На Хонгра обрушился он:
«Как ты слово посмел сказать
Против ханской воли моей!
Эй, одиннадцать богатырей,
Поспешите Хонгра связать!»
Встали десять богатырей,
Но одиннадцатый — Санал,
Сняв шишак золотой, сказал:

«Так объявляю хану я:
Хонгра вязать не стану я.
Все, двенадцать, — воины мы.
Из одинаковых скроены мы
За отчизну полученных ран.
Клятву мы дали друг другу, мой хан:
Соединить свои жизни навек,
Жить на земле, как один человек,
Друг за друга биться в бою.
Можем исполнить волю твою,
Можем храброго Хонгра связать,
Но я должен всю правду сказать:
Если Хонгор, Бумбы оплот,
Эта опора, гора твоя, —
Зарыдает, к нам воззовет —
Вспомню могучую клятву я,
Сдерживать ярость не захочу,
Десять богатырей захвачу,
Вышвырну вон из башни твоей!»

Молвили десять богатырей:
«Клятву дружбы нарушить нельзя,
Хонгра не станут вязать друзья!»
Хонгру тогда шепнул Санал:
«Скройся, богатырь, поскорей».
Хонгор на сивом коне ускакал.

Сорок девять минуло дней.
Коня Санала ведя в поводу
И Аранзала ведя в поводу,
Нежный Мингйан, подобный луне,
Выехал на соловом коне.
Сорок девять минуло дней, —
Проезжал он невдалеке
От убежища Алого Льва.
И, Мингйана завидев едва,
На могучем Оцоле Кеке
Алый Хонгор пустился к нему.
«Брат мой, — он обратился к нему, —
Не сомневаешься ты же во мне,
Дай Аранзала рыжего мне!
Быстро достигну я стана врагов,
Встречу свирепого хана врагов
У подножья горы Эрклю,
Чашу крови на поле пролью,
Дело решит богатырский бой.
Мы же в этой жизни с тобой
Братьями были, мы поклялись,
Чтоб наши души в грядущем сошлись,
Став листами бумаги в джодбо.
Дай же мне Аранзала, Мингйан!»
Оторопел сначала Мингйан,
Дал отстояться уму своему…
«Рыжего дать Аранзала ему —
В ярость придет Джангар-нойон,
Как же не дать Аранзала ему,
Если так жалобно просит он?»
Восемь суток проехал Мингйан
В нерешительности такой.
Хонгор скакал неотступно за ним;
Вдруг, опершись на седло ногой,
На позвонок скакуна — другой,
Очутился прыжком одним
У поводьев Солового он.

И Мингйана сурового он
Попросил: «Сойди с коня;
Поговорим, как братья, тогда».

И Мингйан сошел с коня,
И друг другу в объятья тогда
Устремились разом они,
И в слезах, дыша тяжело,
Повалились наземь они!

Время некоторое прошло,
Сел на Аранзала герой —
Хонгор, прозванный Алым Львом,
Попросил Мингйана герой
За высокой остаться горой
И помчался горным путем.
Белую перевалив Эрклю,
Хонгор подъехал к покатой горе
Цвета стекла — беловатой горе,
Алый стяг развевался там,
Алый стяг отражался там,
Словно радуга в небесах,
Под которым шли войска —
Тьмы тюменов, земля им узка!
В маленького ребенка тогда
Хонгор себя самого превратил,
А коня в жеребенка тогда
В двухгодовалого превратил
И подкрался к богатырям
Боковой незаметной тропой.
Барсы беседу вели меж собой.

Вот что подслушал исполин:
«У океана отважным Гюмбе
Я завладею», — сказал один.
«Заполучу я в плен Шикширги.
Все владенья Менген Шикширги,
Что над сахарно-белой рекой,
Станут моими», — сказал другой.
Третий, Шовто Хара, сказал:
«Хонгра я захвачу живьем,
В жены возьму его Герензал!»

Скрежетаньем зубов коренных,
Клокотаньем отваг молодых,
Запертых в необъятной груди,
Закипевших в булатной груди, —

Хонгор ответил на эти слова.
Принял он истинный облик свой,
Обнажил он меч боевой,
Бурей неистовой поднялся,
Выворачивающей леса,
На знаменосца напал, крича,
Сбил его с ног взмахом меча.
Выхватил Хонгор вражеский стяг
И поскакал к уступам седым.
Вот уже близко Эрклю-гора!
Но богатырь Шовто Хара
Поскакал в погоню за ним,
И на скате горы нагнал,
И в лопатку бердыш вогнал.

Семьдесят пуговиц грозной брони
(Плотно застегнуты были они)
Разлетелись, пылая, как жар.
Был воистину страшен удар,
Но беспримерный, верный скакун,
Ловок, увертлив был Аранзал.
С быстротою серны скакун
Алого Хонгра к Мингйану примчал.
И Мингйану Хонгор сказал:
«Эту жалкую тряпку возьми, —
И на вражеский стяг указал, —
Джангру в подарок ее передай.
Знай: пока не придет наш народ,
Ни один из врагов не уйдет!»
И вернулся на перевал.

Налетел на Шовто Хара,
Исполина с седла сорвал,
На вершину горы швырнул.
Аранзала назад повернул
И Нярин Улана догнал.
В великана пику вогнал.

Тот припал головою к земле,
Еле-еле держась на седле.
Ухватив его за улву
И к себе прижав до поры,
Алый Хонгор, подобный льву,
Поскакал на вершину горы.

В это время прекрасный Мингйан
Прибыл в свой богатырский стан,
Где сидели Джангровы львы.
Он сошел у ворот бумбулвы,
Распахнул двенадцать дверей, —
Зачастил колокольчиков звон…
Восседал на престоле нойон,
Слушал песню богатырей.
И Мингйан, отвесив поклон,
Джангру знамя врага преподнес.

Тут закричала Джангрова рать:
«Видимо, Хонгор в борьбу вступил!
Как же нам быть?
На врага пойдем —
Нас разгромит мангасская рать.
Если же мы на врага не пойдем —
Можем Хонгра мы потерять».

Колебались Бумбы сыны,
Обсуждали дело войны,
Спорили, гудели там,
Так прошло три недели там,
Но к соглашенью бойцы не пришли.

Биться за честь родной земли
Джангар повелел наконец!
Сев на рыжего жеребца —
Это был Аранзала отец —
Выехал Джангар Богдо из дворца

И шесть тысяч повел за собой
Истинных, смелых богатырей.
Ратники мчались мысли быстрей.
Пестро-желтый стяг боевой
С украшениями на древке
Реял у знаменосца в руке.

Хонгор, края бессмертного сын,
С целым войском сражался один.
Бил врагов неустанно он.
На Догшон Мангна-хана он,
Как на жертву алчущий лев,
Наконец, напал, осмелев.
Отпрянул от Хонгра Мангна-хан,
И глянул на Хонгра Мангна-хан,
И, назад отодвинув шлем,
Обнажил он могучий лоб.
Хонгор ударил мечом сплеча,
В лоб угодил, — глядит: от меча
Брызги пламени летят,
И в четыре пальца длиной
Отломился кусок стальной.

Но не сдвинулся Мангна-хан,
Не почувствовал великан
Прикосновенья меча ко лбу.
Хонгор тогда прекратил борьбу,
Аранзала назад повернул.

Но Догшон Мангна-хан натянул
Свой закаленный, зеленый лук,
Величиною с косяк дверной,
И стрела полетела вдруг
И вонзилась в хребет спинной.
Хонгор наземь свалиться мог,
С конского крупа уже сползал,
Но скакун исполину помог,

Быстро унес его Аранзал
И примчал на вершину вновь.
Хонгор выбрал глубокий лог,
С Аранзала сошел и лег
Извергая горячую кровь.

Прибыл с войском Джангар-нойон,
Остановился перед горой…
В левое стремя отвесил поклон
Савар, Тяжелорукий герой,
Сидя на Лыске своем, попросил:
«Я нахожусь в расцвете сил,
Лыско — в расцвете быстроты.
Вашей жажду я доброты:
Разрешите мне, Джангар, сейчас
Мангна-хана коснуться рукой!»
Вновь попросил и в третий раз, —
Джангар не вынес мольбы такой
И на хана позволил напасть.

Савар поднял свой пестрый бердыш,
Свой десятиострый бердыш,
Излучавший десять пламён,
Рассекавший ханов племён, —
И бросился наперерез врагу.
Но Мангна-хан на всем бегу
Остановиться решился вдруг.
Это — воистину смельчак!
Отодвинул назад шишак, —
Мощный лоб обнажился вдруг:
Был теперь под ударом он!
Савар молвил: «Время — мое!»
(Слыл героем недаром он.)
Встал, опершись на стремя свое, —
Прямо в лоб угодил бердышом!
Но Мангна-хану бердыш — нипочем,
У Мангна-хана сила своя!

Только пламени брызги летят,
И расплющены лезвия.

Савар Лыску погнал назад,
Чтобы спрятаться в лоне горы.
Но героя на склоне горы
Мангна-хан свирепый нагнал,
Меж лопаток секиру вогнал, —
Заскрипел спинной позвонок.
К счастью, Лыско был быстроног,
Савра, чуть живого, унес
И примчал его на утес,
Где могучий Хонгор лежал,
Где живучий Хонгор лежал.

И двенадцать богатырей
Тороками своих коней
Вытащили из Хонгра стрелу.
Разом ухватистый Хонгор встал,
Джангра приветствовать поспешил.

Сын Булингира, славный Санал,
Так повелителю доложил:
«Совершенства когда, наконец,
Зрелой жизни достиг мой отец, —
Булингира я сына лишил,
И нойоншу, несчастную мать,
Как бурханы, прекрасную мать,
Я достойных поминок лишил.
Дорогую жену свою
Я супруга нежданно лишил,
И родную страну свою
Я разумного хана лишил,
И за вами последовал я.
И ни разу не сетовал я.
Так позвольте же мне метнуть
Крепкий дрот Мангна-хану в грудь!»

«Хорошо!» — повелитель сказал.
Натянул катаур Санал,
На коне помчался вперед
И метнул золоченый дрот.
Извернулся чалый Манзан,
Ловкий сделал он поворот, —
Мимо хана пронесся дрот
И вонзился в тело земли…

Тут нойона досада берет:
«Это дело не нравится мне,
Надо с дьяволом справиться мне!»
И нойон золоченый дрот
Устремил на Манзана тогда.
Тот кружится то взад, то вперед,
Все увертки пускает в ход.
Но свирепого хана тогда
Джангар поднял на дроте своем,
Разлучил Мангна-хана с конем.

Поднимая отвагу в Богдо,
Крикнул Бумбы могучий народ:
«Не упускал еще наш Богдо
Воина, поднятого на дрот!»
Но и мангасская рать орет:
«Как бы ни был крепок ваш дрот,
Наш владыка справится с ним
И сломает рывком одним!»
Услыхал эти клики Мангна.
И свиреполикий Мангна
Разломал на двенадцать частей
Золоченый дрот боевой.

Голос вдруг загудел громовой,
Это Хонгор вскричал, сам не свой.
Так могуче вскричал богатырь,

Что земли задрожало лицо,
Лопнул старый желчный пузырь
У лисицы, лежавшей в норе.
Хонгор двинулся вниз по горе,
Желтых барсов позвал за собой.
С Мангна-ханом вступил он в бой.
Храбро бился лютый мангас,
Но, со всех окруженный сторон,
Был захвачен в путы мангас —
Наконец Мангна-хан побежден!

Выступил Алый Хонгор вперед:
«Тысячу лет и один год
Будьте подвластной Джангру страной
На Мангна-хана всей пятерней
Бумбы родной наложил он печать,
Прочь отпустил мангасскую рать».

А могучие Джангровы львы
Поскакали к вратам бумбулвы.
Вскоре, достигнув башни своей,
Спешились полчища богатырей
У чешуйчатых светлых дверей.
Распахнули их поскорей —
Зачастил колокольчиков звон.
Джангра ввели, под локоть держа,
На золотой усадили трон,
Где сиял он, подобно луне
Ночью пятнадцатого числа.
Черной рекой арза потекла,
Начался пир в нетленной стране,
В честь небывалой победы пир,
В честь несравненного Хонгра пир,
Возвратившего родине мир.
Джангар, исполненный счастья, сидел,
Точно мирских и духовных дел
В руки свои вернул он бразды.

И, победой своей горды
Над могучим и страшным врагом,
Силачи восседали кругом.
Чаши кипели, браги полны,
Радостно пели Бумбы сыны.

Песнь шестая
О подвигах богатыря Савра Тяжелорукого

Шумные полчища силачей,
Шесть тысяч двенадцать богатырей,
Семь во дворце занимали кругов.
Кроме того, седых стариков
Был, рассказывают, круг.
И красноликих важных старух
Был, рассказывают, круг.
Жены нежно-белые там
Тоже составили круг.

Словно плоды спелые, там
Девушки составили круг.
Диких степных кобылиц
Молока потоки лились.
Разливались озера арзы,
Радующей взоры арзы.

Стали красными наконец
Нежные глотки богатырей.
Загудел многоуглый дворец.
Желтые полчища силачей
Стали кичиться силой своей,
Озираться стали вокруг,
Вопрошая соседний круг:
«Ужели сражений для славы нет?
Сайгаков — и тех для облавы нет?
Ужели для боя державы нет?
Ужели врага для расправы нет?»

И когда пировали так
В ожидании бранной грозы,
В изобилии черной арзы
Эти семь богатырских кругов, —
К башне, к правому столбу,
На вороном, на заметном коне,
На длиннохребетном коне
С лысинкой на прекрасном лбу, —

Знатный, всадник прискакал.
Прискакал он, держа над собой
Пестро-желтый стяг боевой.

Это был Будин Улан.
Прибыл из южного ханства он,
Где ханствовал Догшон Килган…
Видит великое пьянство он,
Грозные пируют круги…

Сталью из лучших сталей согнув
Переднюю ногу коня,
А задние две его ноги
Железом из лучших желез застегнув,
Чумбур серебряный растянув,
Чудесную дверь распахнув,
Чужестранец вошел к Богдо.
Чураться его не стал никто,
Незаметно он сел посреди
Правого полукруга бойцов.

Семь пирует он с ними дней, —
Для бесчисленных богатырей
Незаметен его приход!
Наконец он с места встает
И шагает взад и вперед,
Чтобы заметил его народ, —
Нет, не смотрят богатыри!
И, к престолу тогда подойдя,
Он сказал пред лицом вождя:

«Джангар, прославленный нойон!
Вот Догшон Килгана приказ,
Полудённого хана приказ:
Должен Догшон Килган обладать
Шестнадцатилетней Ага Шавдал, —
Спешите ему супругу отдать.

Должен Догшон Килган обладать
Вашим львиноподобным конем, —
Спешите ему Аранзала отдать.
Должен Догшон Килган обладать
Самым красивым богатырем, —
Спешите ему Мингйана отдать.
Не будет исполнен ханский приказ —
Семисоттысячная рать
Ополчится, Богдо, на вас,
И возьмет она вас в полон,
Джангар, прославленный нойон!»

Только Будин Улан замолк,
Поднялась гора во дворце:
Это Хонгор встает — Алый Волк.
Волчьим гневом он обуян.
«Слушай, — сказал он, — Будин Улан,
Откровенного Хонгра ответ:
Пока густы и пока тверды
Наши воинственные ряды, —
Имя Джангра-богатыря,
Единственного в роде своем,
Прославленного в народе своем,
Не покроется никогда
Даже пятнышком стыда!
Не ждите Джангра позора вы —
Не то дождетесь разора вы!
Не затевайте спора вы!
А если хотите отпора вы —
К Ягир-Хару скачите скорей,
Соберите богатырей —
Воины будут ваши там —
Крови прольются чаши там!»

Крикнул Хонгру Будин Улан:
«Дерзость твою не прощу я тебе,
Эти слова возвращу я тебе,

Когда на поле сойдемся, поверь!»
Толкнув серебряную дверь, —
Распахнулась она, звеня, —
Сев на могучего коня,
В край полудённый пустился он.
Сразу же из виду скрылся он.

Молвил Джангар, лицом потемнев:
«Все вы в моей бумбулве равны,
Все на моем торжестве равны,
Все вы за черной арзой равны,
Мощью своею с грозой равны,
Но, кроме Хонгра, храброго Льва,
Никто из вас не нашел слова
Дерзкому чужестранцу в ответ,
Вражьей рати посланцу в ответ.
Такого, как Хонгор, нет среди вас!»

Справа сидящий богатырь,
Славой гремящий богатырь,
Савар Тяжелорукий встает.
Страшной обидой он потрясен.
Крепко прижал к ладоням он
Десять пальцев белых своих.
Закричал он: «Значит, нойон,
Поносите самых смелых своих!
Не потому ли ваши враги
Остерегались идти на вас,
Оставляли в покое вас,
Что Савар всегда им страшен был?
Разве не Савром, разве не мной
Круг богатырский украшен был?
Бесчестить будут доколе меня?
Кто сильнее на поле меня?
Хонгор сильнее, что ли, меня?
Не увидите боле меня!
Уйду, нойон, из вашей земли.

Уйду к владыкам Шаргули! —

Закричал он: — Мне в путь пора!
Эй, коневод Кюдер Хара!
Путь лежит не близко мой.
Здесь ли бурый Лыско мой?
Унизили вы сейчас меня.
Уеду, не будет у вас меня, —
Узнаете, кем пренебрегли!»

Вышел большими шагами он.
Проваливался в лоно земли
Сафьянными сапогами он.
Вот уже позади бумбулва.
Стремени касаясь едва
Носком пунцового сапога,
Савар быстро сел на коня,
Словно красный уголек,
Отскочивший от огня.

Лыско был, что стрепет, летуч,
Поскакал он пониже туч,
Поскакал он пониже туч,
Повыше коленчатых трав.
Закусил скакун удила.
То спереди, то сзади седла
Оказывался всадник лихой.
Поводья из-за скачки такой
Савар удерживал с трудом.
Проскакал он пустынным путем
Семью семь — сорок девять дней.

Выехав, наконец, на курган,
Тяжелорукий великан
Взглядом холодных черных очей
Окинул четыре конца земли.
И увидел он издали

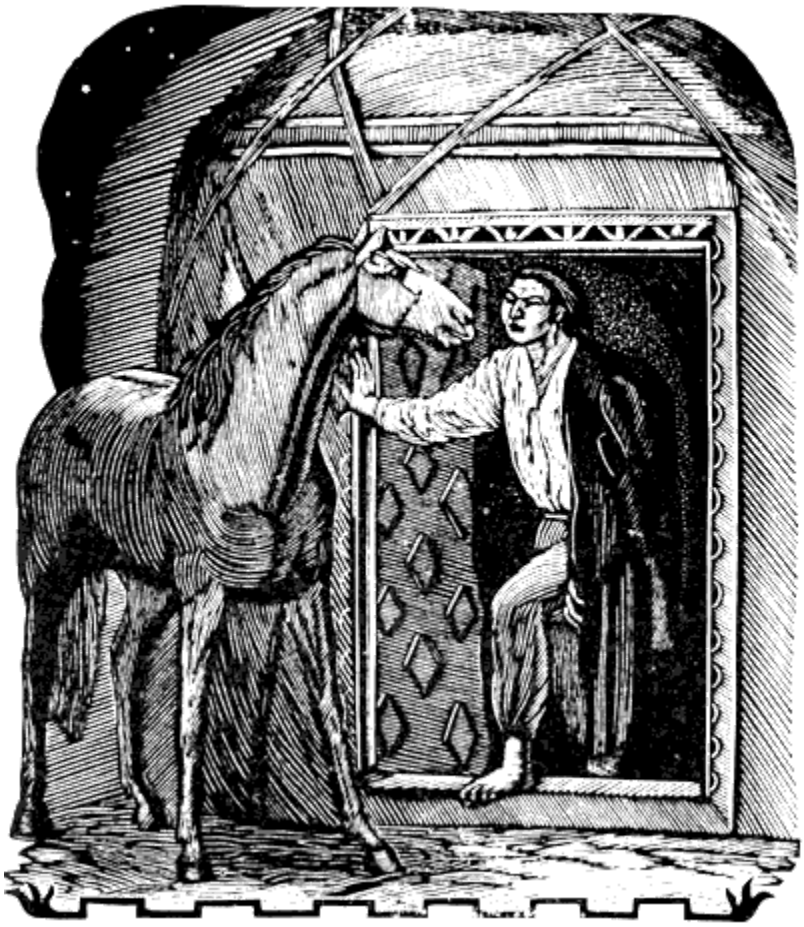
Башню трех владык Шаргули.
Савар поводья натянул,
Пустил коня во весь опор.
Белый тысячевратный хурул
Объехал слева направо он.
Спешился величаво он
Около бумбулвы золотой.
Светом солнечным залитой.

К луке седла привязав коня,
Четыре двери подряд прошел —
Распахнулись они, звеня.
Савар вступил в золотой чертог,
Справа место себе нашел,
Справился он о здоровье трех
Славных ханов Шаргули,
Властелинов могучей земли.
В честь героя устроили пир.
Полюбопытствовал наконец
Старший из ханов Шаргули,
С чем пожаловал гость во дворец.

Ответ получен был такой:
«Ханом Джангром унижен я был,
Ханом Джангром обижен я был,
Прибыл к вам разъяренный я,
Чтобы на Джангра пойти войной,
С этим прибыл, нойоны, я!»

Молвили ханы Шаргули:
«Ваше прибытие — прибыль нам.
Радостна Джангра гибель нам.
Раз у Джангра Савра нет,
Савра с бурым Лыской его, —
Значит, погибель близко его!
Землю Джангрову покорим,
Ханство Джангрово разорим,

Войско Джангрово разгромим,
Поработим его народ.
Выступим завтра в полдень в поход!»



Савар, лев бесстрашный, спит.
Савар в темной башне спит.
Тишина во всем дому.
Что же мерещится ему?
Шорох он слышит за стеной,
Кто ж это дышит за стеной?
Кто ж это о косяк дверной
Трется челкою двойной?
Это — Лыско, сомненья нет!

Савар, накинув на плечи бешмет,

Вышел во двор, в ночную тьму —
Драгоценного видит коня.
И скакун сказал ему:

Джангра клич дошел до меня.
После ухода твоего
В землю народа твоего
Вторгся хан Догшон Килган.
Семисоттысячная рать
Успела Джангра в плен забрать,
И тогда воскликнул он —
Джангар, прославленный нойон:

«О Савар Тяжелорукий мой!
Ты же был коршуном смелым моим,
С высоты нападающим вдруг!
Ты же был ястребом белым моим,
Все на лету хватающим вдруг!
И вот мой коршун свирепый ушел,
Из-за причины нелепой ушел!
И вот мой ястреб надежный ушел,
Из-за обиды ничтожной ушел!»

Дальше я слышал какой-то звон,
Постепенно стихающий стон.
«В плен меня бы взять не могли, —
Повторял, рыдая, нойон, —
Если бы Савар был у меня…
А Савар теперь у трех Шаргули!»

Сразу же Савар оседлал
Девственно-нежного коня.
Обо всем в записке он
Ханам Шаргули рассказал,
И помчался на Лыске он.

Бурый Лыско — статный скакун.

Буре уподобим его.
Силой дыханья своего
Раздваивает он траву.
Если сбоку взглянуть на него —
Сизо-белым зайцем летит,
Выскочившим из муравы.
То ли бежит, то ли летит,
То ли просто поверх травы
Мчится, как иноходец, он.
Ударами своих копыт
Величиною с колодец он
Вырывает ямы в земле.
Клыками сверлит он удила.
То спереди, то сзади седла
Оказывается великан.

На седьмые сутки ездок
Прискакал в родимый стан.
Оказались на страже страны:
Первый красавец мира
Мингйан, Алтан Цеджи, Гюзан Гюмбе.
Остальные Бумбы сыны
Были захвачены в полон…

Горьким взором окинул он
Разрушения следы,
Признаки недавней беды,
И покинул богатырей,
И помчался вихря быстрей —
Войско вражеское разгромить.

Эта битва была горяча
И продолжалась восемь лун.
Не поводьями — взмахом меча
Управлялся лысый скакун!
Необозрим вражеский стан,
Высится лес железных пик,

А позади — скачет Килган.

Савар в гущу врагов проник,
Хана Догшон Килгана достиг,
Битву начал с Килганом он.
Двенадцатигранным он
Так ударил его бердышом,
Что восемь позвонков раздробил,

Упругие ребра хана разбил,
Броню Догшон Килгана разбил!
Наземь хан в беспамятстве лег,
Надвое переломился бердыш,
А восьмилистный ремешок
В мизинец врезался до кости…

Лежит Килган посреди пути,
Пробил час тяжелый его.
Савар схватил за полы его,
На коня его посадил.
На широкой, как степь, спине
Ханские руки и ноги окрутил,
И в сторону горы Арсланг
Умчался от вражьего стана он.
Добрался до горы Арсланг
И спросил у Килгана он:
«Расскажи о нойоне моем —
Он томится в полоне твоем.
Где мой Джангар, прославленный хан?»

И ответил Догшон Килган:
«Джангар был наказан мной,
И лежит он, связан мной,
У подножья скалы крутой».

Вызвал Савар к себе скорей
Трех оставшихся богатырей,

Сели на четырех коней,
Поскакали к скале крутой.
Окропили влагой святой —
Животворною водой —
Джангра и всех его бойцов.

Зажили раны богатырей,
Ожили станы богатырей,
Сняли бойцы с Килгана шлем.
Трижды поклониться всем
Богатырям заставив его,
Наложили клеймо на него,
Лотосовидную печать,
Чтобы вынужден был Килган
Государство свое признать
Покоренным Джангром Богдо
Н**а** год и на тысячу лет.

Был отпущен Догшон Килган.
Повернул он с позором вспять
Семисоттысячную рать.
Поскакали вихря быстрей
Шесть тысяч двенадцать богатырей
С прославленным Джангром во главе
К шатроподобной своей бумбулве.

Расселись эти семь кругов
В счастье великом и в торжестве
В честь разгрома могучих врагов.
Расселись бойцы, отваги полны,
А чаши бурлили, влаги полны,
Разливались озера арзы,
Радующей взоры арзы.

Песнь седьмая
О трех мальчуганах: о Хошун Улане, о Хара Джилгане, об Аля Шонхоре

Шумные полчища силачей,
Шесть тысяч двенадцать богатырей,
Семь во дворце занимали кругов.
Кроме того, седых стариков
Был, рассказывают, круг.
И красноликих важных старух
Был, рассказывают, круг.
Жены нежно-белые там
Тоже составили круг.
Словно плоды спелые там
Девушки составили круг.

Диких степных кобылиц
Молока потоки лились.
Разливались озера арзы,
Радующей взоры арзы.
Стали красными наконец
Нежные глотки богатырей.
Загудел многоуглый дворец.
Желтые полчища силачей
Стали кичиться силой своей,
Озираться стали вокруг,
Вопрошая соседний круг:
«Ужели сражений для славы нет?
Сайгаков — и тех для облавы нет?
Ужели для боя державы нет?
Ужели врага для расправы нет?»

Молвил Джангар-нойон тогда:
«В прежние, давние года,
В те времена, когда скакал

Ветра быстрее мой Аранзал,
А сам я молод был и удал,
Трех еще месяцев не прошло
После женитьбы моей на Шавдал,
Когда я вас еще не видал,
Исполины державы моей,
Когда в поисках славы своей
Долго великой степью бродил,
Девственной, дикой степью бродил, —
Со стороны, что востока правей,
Появился вдруг человек —
Богатырь Бадмин Улан.
Покорить он желал навек
Все, живущее под луной.
В поединок вступил он со мной…
Силы могучей величием я
Был побежден, повергнут в прах.
Жизни мог лишить меня враг,
Но так он сказал: „По обычаям, я
Выслушаю сожаленья твои
О неисполненных трех мечтах.
Ну, каковы сожаленья твои?“»

«Не прошло девяноста дней,
Как я женился на ханше своей,
Вот о чем сожалею сейчас.
И не собрал я в державе своей
Полчища желтых богатырей,
Вот о чем сожалею сейчас.
И четырех я истинных дел
В руки свои не взял, как хотел,
Вот о чем сожалею сейчас».
Услыхав такие слова,
Молвил Улан: «Исполни сперва
Эти желанья, потом с тобой
Повторим богатырский бой!»
И вернул мне свободу мою.

А теперь, когда я стою
Властелином Востока всего
И дошла до неведомых стран
Слава могущества моего, —
Снаряжает Бадмин Улан
Двух великих послов ко мне.
Нет мужчины такого в стране,
Чтобы с ними сравниться мог,
Чтобы с ними сразиться мог.
Сгонит нас враг с родной земли,
Горе настанет в ханстве моем!..
Но когда бы мы смогли
Захватить Улана живьем
И доставить его сюда
Перед выездом двух послов,
Победили бы мы тогда!..

Правого полукруга глава,
Молвил Цеджи такие слова:
«Наши народы гуще песков,
Многочисленней муравьев,
Разве нет уже сына в стране,
Чтобы за честь отчизны встал?
Чтоб на защиту жизни встал?
Кликнем сейчас всенародный клич!»

Справедливым нашли совет —
Кликнуть сейчас всенародный клич.
И Кюкен Цаган, нойон,
Был немедленно снаряжен
Провозгласить всенародный клич.
Поскакал богатырь верхом
На коне Мингйана лихом,
Кликнул он всенародный клич:
«Движутся грозные тучи на нас.
Враг ополчился могучий на нас,
Власти, вере и миру грозит,

Вечному Джангра очиру грозит,
Верную гибель народу несет!
Если в отчизне Бумбы живет
Силою наделенный сын,
Смелостью одаренный сын, —
Пусть о себе заявит скорей!»
Так объявлял неделю Цаган.
Вторая прошла, и третья за ней.
И еще сорок девять дней
Провозглашал он клич Богдо, —
Не откликался на клич никто,
Не находил мужчины Цаган…
Так доскакал до лощины Цаган.
Тридцать было кибиток в ней,
Стояли мальчики на лугу,
Играли в альчики на лугу.
Снова к народу воззвал Цаган.
Рыжеволосый мальчуган,
Освободив от бабок подол,
Быстро к всаднику подошел,
И почтительно молвил он:
«В мире пребудьте, великий нойон!
Повторить нельзя ли сейчас
То, что вы сказали сейчас?»

Всадник, взглянув на малыша,
Дальше поехал не спеша…
Мнилось: иноходь скакуна
С колыханием стяга сходна.
Вслед за Цаганом бежал мальчуган.
Остановиться не думал Цаган,
Но и не торопил коня:
Горячей внимал он мольбе —
Не поверил нимало мольбе!..
Так он проехал четыре дня,
Задавая себе вопрос:
«Одолеет разве такой

Рыжеволосый молокосос
Воина с грозной мощью мужской,
Если полный отваги нойон
Этим воином был побежден?»

Воин Цаган, великий храбрец, —
Он стыдился находки своей,
Но стократы было трудней
Возвращаться ни с чем во дворец.
В нерешительности такой
Три недели водил за собой
Рыжего мальчугана Цаган.
И тогда сказал мальчуган:
«Ты сейчас пожалел для меня
Незначительной части крестца
Твоего дорогого коня.
Погоди же: встретимся мы
У чешуйчатой двери дворца!»

Был такими словами нойон
В замешательство приведен.
За руку мальчугана схватил,
На широкий крестец усадил
И коня что есть мочи пустил.
Доскакав до ворот бумбулвы,
Где сидели Джангровы львы,
Постеснялся сначала Цаган
Пред богатырством уд**а**лым предстать,
Не решался сначала Цаган
С мальчиком трехгодовалым предстать, —
Два томился тяжелых дня
У чешуйчатых пестрых ворот.
Мальчика тут досада берет:
«Думал: вы привезли меня,
Оказалось — наоборот.
Что же, придется пойти вперед,
Будто я вас доставил сюда!»

Так сказав, Цагана тогда
За пунцовый схватил кушак,
И на руках держа пред собой,
К башне высокой направил шаг
И предстал пред знатной толпой,
Перед взорами богатырей,
Среди золота и тополей.

Мальчугана завидев едва,
Хонгор поднялся, великан,
Левого полукруга глава:
«Милый сынок мой, Хошун Улан.
Что же задумал ты, мальчуган?»
Сына схватил, потянул его —
Не сдвинулся с места Хошун Улан,
Точно прикован был мальчуган!
Отвернулся на миг от него
Хонгор с глазами, полными слез,
И такие слова произнес:

«На трудный подвиг решился ты,
Смотри же, чтоб не лишился ты
Головы своей, мальчуган.
Сына Джангра с собой возьми,
Пусть поедет Хара Джилган,
Он удвоит умелость твою!
Аля Шонхора на бой возьми —
Сына провидца Алтана Цеджи,
Того, кто предвидел смелость твою!»

Джангар приблизиться приказал
Трехгодовалому смельчаку,
На руки мальчугана взял,
В левую поцеловал щеку,
В правую поцеловал щеку
И снарядить повелел поскорей
Трех мальчуганов-богатырей.

Стали коней выбирать для них,
Статных коней, боевых, лихих.
Первым выбран был Аранзал —
Джангра великого рыжий конь,
Что пониже неба скакал,
Будто брезговал прахом земным.
Выбран был следующим за ним
Конь неустанный Алтана Цеджи,
Резвый Буланый Алтана Цеджи,
Зелень топтавший многих степей,
Воду глотавший многих ключей.
Третьим для сверстников-силачей
Был отобран суровый конь,
Золотисто-соловый конь,
К бою всегда готовый конь,
Что Мингйану принадлежал.
Знал он законы богатырей:
Мысли на полсажени быстрей,
Ветра быстрей на сажень бежал.

Богатыри надежды все
Возложили на смельчаков.
В боевые одежды все
Облачили трех смельчаков.
Стала семья богатырей,
Глядя спереди, сзади, с боков,
Все их достоинства обсуждать.
И порешила: под силу им
Целые воинства побеждать.
И порешила: под силу им
Выполненье задачи большой.
Пожелав им удачи большой,
Проводил их Джангар Богдо,
Слезы текли у него из глаз:
Три мальчугана в первый раз
Покидали родное гнездо…

Сверстники сели на резвых коней.
Быстроногого солнца правей,
Семью семь — сорок девять дней
Мчалась тройка достойных коней.
Выехав на курган-перевал,
Спешились мальчики, стройных коней
Привязали к седельным лукам.
Вдруг Алтан Цеджи прискакал
На могучем коне к смельчакам.
«Дорогие дети мои! —
Молвил важный воин-пророк, —
Косточки ваших рук и ног —
Хрупкие хрящи пока.
Выслушайте, дети мои,
Слово бывалого старика:
Надо ехать с опаскою вам.
Вскоре болото вязкое вам
Встретится на просторном пути,
Такой длины, что не обойти
Его до старости седой.
Такой ширины, что в болоте вы
Погибнете, — не перейдете вы.
Чтобы вам не застрять в пути,
Должен первым в болото войти
Мой буланый Аксаг Улман:
Он сумеет выход найти.

Если благополучно потом
Переправите ваших коней,
Если вы неразлучно потом
Девяносто проскачете дней,
Ничего не видя вокруг, —
Огненных три сандала вдруг
Вам дорогу преградят,
Ветви к самому небу воздев!
И пятьсот невесток и дев,
Снадобья и напитки неся,

Выйдут внезапно навстречу вам,
Выйдут с приветливой речью к вам.
Надо пустить сначала тогда
Рыжего Аранзала: тогда
Благополучно проскачете вы
Поверх таинственных преград.

Вновь неразлучно проскачете вы
Девяносто суток подряд —
Девушку дивную встретите вы.
Сразу же, дети, заметите вы:
Непорочной она чистоты
И великой она красоты.
Прелестноликая госпожа,
Снадобья и напитки держа,
Исполненные сил роковых,
Скажет вам: „Три моих брата меньших!
Яств и напитков отведайте вы!..“
Но просьбе лукавой не следуйте вы,
Первым нужно тогда пустить
Солового, боевого коня,
Сурового, дорогого коня, —
Он уже знает, как поступить!»

Молвил так, распростился он,
В путь обратный пустился он.

Сели сверстники на коней,
Поскакали заката правей.
В знойные дни забывали зной,
Ночью о тьме забывали ночной.
Соколиному лету они
Уподобили быстрый бег.
Так прискакали к болоту они.

Памятуя слова старика,
Первым Аксага пустили в путь.

Двинулся конь по паучьим следам,
Проложенным десять лет назад,
Двинулся конь по гадючьим следам,
Проложенным двадцать лет назад.
В узких глубоких яминах он —
В черных провалинах — не застревал.
В узких проходах каменных он
Стенок — копытами не задевал!

Вслед за Буланым оба коня
Также болото перешли.
Поскакали, бронею звеня,
Три мальчугана-смельчака.
Веселы были и рады они:
Выполнили совет старика,
Преодолели преграды они.
Девяносто дней проскакав,
Три сандала заметили вдруг,
Жен и девушек встретили вдруг —
Много яств и зелий у них,
А в глазах — веселье у них…
Приглашают друзей молодых
Жажду и голод утолить,
Думу-заботу удалить.

Но, по совету старика,
Аранзала пустили вперед.
И увидели три смельчака:
Аранзал ушами прядет,
Буравами-зубами грызет
Бронзовые удила.
Буре подобный, понесся в пыли,
Будто ветру завидовал он,
Будто пугался комков земли,
Что по дороге раскидывал он,
Будто брезговал прахом земным.
В точности все, что выкидывал он,

Оба коня повторяли за ним.
Всадники вновь поскакали вперед,
Вновь миновали преграду они.
Девушек ввергли в досаду они;
Если ж девицу досада берет,
Весь ее гнев устремляется в рот:
«Десятитысячные войска
В плен забирали мы всегда!
Даже стотысячные войска
Мы захватывали без труда!
Но вот эти три смельчака
Ловкостью превзошли даже нас.
Мы помешать им не можем сейчас
Возвратиться в родимый предел
С исполненьем задуманных дел!»

А молодцы торопили коней,
И, проскакав девяносто дней,
Девушку встретили они.
Сразу заметили они:
Непорочной она чистоты,
И великой она красоты,
Ясного солнца прекрасней она,
Месяцу ярким сияньем равна.
Вышла девица навстречу им,
Вышла с приветливой речью к ним:
«Милые братцы, богатыри!
Что вам спешить? Отдохните сперва!»

Молча сидели богатыри.
Трижды выслушав эти слова,
Крикнул Хошун Улан: «Говори,
С миром пришла ты или с войной?»
Желтый меч обнажив стальной,
Первым помчался Хошун Улан
На дорогом, соловом коне,
На боевом, суровом коне.

Он ударил на всем скаку
По желто-пестрому тебеньку, —
Беззвучно ударил семь тысяч раз.
И звонко ударил семь тысяч раз.
До неба взвился соловый конь,
В землю вонзился соловый конь.
Резвый Буланый так же скакал,
То же проделывал и Аранзал.
Отступила девица здесь.
Не сумев поживиться здесь,
Восклицая: «Ни разу я
Быстрых коней не видала таких,
И красивых ни разу я
Богатырей не встречала таких!»

Поскакали три смельчака,
Веселы были и рады они,
Что по совету Цеджи-старика
Преодолели преграды они.
Много дней проскакали так, —
Вдруг свалился Улман Аксаг
Возле бесплодного холма,
Возле безводного холма,
Разом спешились богатыри.

Обнимая шею коня,
Крикнул Хошун Улан: «Говори,
Что с тобой стало, милый скакун!
Разве лишился ты силы, скакун,
Разве близка уже наша цель?
Резвый, — ужель утомился ты?
Йах! Почему же свалился ты
Здесь, на границе двух земель?»
Не желая расстаться с одним
Из своих богатырских коней,
Мальчуганы рыдали над ним
Семью семь — сорок девять дней

Умирали от жажды они…
И услыхали однажды они
Голос буланого скакуна:
«В те далекие времена,
В годы минувшие, когда
Стали съезжаться все господа,
Свадьбу празднуя Джангра Богдо
С ясноликой Ага Шавдал, —
Состязанья у нас пошли.
Самым первым я доскакал,
Скакунов оставляя вдали!
Раздосадован был нойон,
Размозжил мне ноги тогда.
Но посреди дороги тогда
Аранзалом был я спасен.
Джангру я хотел отомстить,
Задумал спервоначалу я
Бросить вас в этом диком краю, —
Из уваженья теперь встаю
К рыжему Аранзалу я!»

И поднялся Буланый тогда.
Сели мальчуганы тогда
На своих верховых коней,
Поскакали ветра быстрей
И в начале рассветной поры
Увидали вершину горы.
На вершине, подобной дворцу,
Дальнозоркий кречет сидел,
На восход упорно глядел,
А на каждом крыле — по птенцу.
Прискакали герои к нему,
Пожелали здоровья ему,
И сказал им кречет в ответ:
«В этом крае, где ханствует хан,
По прозванью Бадмин Улан,
Год за годом — одиннадцать лет

У меня погибали птенцы.
Я недавно узнал, храбрецы:
Есть на севере Бумба-страна,
Хану Джангру подвластна она,
Все живое — священно там!
Все — бессмертно, нетленно там!
Я теперь пробираюсь туда…»

Мальчуганы сказали тогда:
«Полети в богатырский край
И народу всему передай,
Что уже мы стоим на земле,
Где могучий ханствует хан,
Недруг Джангра — Бадмин Улан!»

Мчатся дальше богатыри.
В ослепительном свете зари
Вдруг дворец перед ними возник —
Словно пламени вспыхнул язык.
Молвил Хонгров Хошун: «Не могу
Я придумать гибель врагу!»
И совета спросил мальчуган:
«Что придумать, чтоб этот мангас
В плену оказался у нас?»

Молвил Джангров Хара Джилган:
«Я на башню накину аркан —
И свалю эту башню тотчас,
И мангаса свяжете вы
И помчитесь во весь опор.
Что на это скажете вы?»

Молвил сын ясновидца Шонхор:
«Спорить ли нам — мальчуганам таким —
Силой своей с великаном таким,
Если полный отваги нойон
Этим воином был побежден?

Силою нам не расправиться с ним, —
Хитростью надо нам справиться с ним.
Ловкостью надо нам справиться с ним!»

Заговорил Хошун Улан:
«Как это вы, Хара Джилган,
Слово молвили наобум.
Видно, вы потеряли свой ум!
Словом разума было сейчас —
Ваше слово, Аля Шонхор!»

Развели молодцы костер
И заварили крепкий настой —
Цвета сандала чай густой,
И, развернув навес над собой,
Улеглись в отрадной тени,
Растянулись, точно ремни.
И во сне раскраснелись они,
Как стволы деревьев сух**а**.
Спали три недели они,
Не забыли о деле они —
Разом проснулись в прохладной тени,
Чаем подкрепились они
И в захудалых жеребят
Превратили коней своих,
В двухгодовалых жеребят
Превратили коней лихих.
А себя — в шелудивых ребят,
В грязных, бездомных, вшивых ребят.

Двинулись кони мелким шажком,
Переставляя ноги с трудом,
И дошли до башни врага
Послеобеденной порой.
Отпустив коней на луга,
Молвил Хошун — хитроумный герой:
«Дай-ка на кухню я проберусь!»

Ханская кухня была широка.
Повар трудился багровый там.
Жеребячьи окорока
К ужину были готовы там.
Около повара мясо лежит…
Окорок мальчик схватил и — бежит!
Повар за ним — хотел схватить,
Но мальчуган бежал быстрей, —
Окорок он успел проглотить,
Выплюнув крупную кость изо рта,
Высморкав мелкую кость из ноздрей.
Мальчика повар к владыке привел,
Молвил: «Хан мой великий! Привел
Мерзкого плута я! Мой господин!
Этот ублюдок, шулмусов сын,
Окорок жеребячий схватил,
Окорок легко проглотил,
Выплюнув крупную кость изо рта,
Высморкав мелкую кость из ноздрей.
Накажите его поскорей!»

«Ловко придумано! — крикнул малыш.
Ложью такой дурака убедишь!
Разве я, маленький мальчик, могу
Окорок жеребячий схватить
И проглотить его на бегу?
Хан великий! Ваш повар — вор.
Да заклеймит ваш приговор
Этого багрового пса!
Окороком он угостил
Своего дворового пса,
А говорит, будто я проглотил!
Я ли повинен в этом, хан?»

И когда за советом хан
Обратился к бойцам своим,

К белым мудрецам своим, —
Те изрекли такой приговор:
«Ханский повар — презренный вор,
Клеветник — этот жирный пес!»

Мальчик был нежен и сладкоголос,
Песню запел — все затихло кругом,
Хану Бадмин Улану потом
Он араки ледяной преподнес.
Восседал на престоле хан,
Перед ним стоял мальчуган.
Тронутый песнопеньем его,
Вежливым обращеньем его,
Мальчику хан подарил кафтан
И назначил главным певцом.
Выпросив конскую ногу потом, —
Выпросив бурдюк араки, —
Мол, родители-старики
Жажду и голод утолят,
Думу-заботу удалят, —
Мальчик вернулся к друзьям назад.

Угостив друзей аракой,
Угостив жеребячьей ногой,
Обратился к ним с речью такой:
«Ночью проникнуть я в башню хочу.
Вам я, Хара Джилган, поручу
Стражу наружную разогнать —
Двадцать тысяч богатырей.
Вам, Аля Шонхор, поручу
Внутренний караул разогнать —
Десять тысяч богатырей.
Выполняйте волю мою,
Я же все улажу потом».

И превратился Хошун в змею,
Сквозь наружную стражу потом

Он прополз по черной земле.
Было нетрудно верткой змее
Мимо внутренней стражи пройти,
Незаметно для богатырей
Юркнуть в узкие щели дверей,
В золотой дворец проползти.

Хан Улан лежал на спине
И храпел в ночной тишине,
И светильника слабый огонь
Колебался на белой стене.
Спал блаженно могучий враг…
Эй, Бадмин Улан, погоди!
Десять неукротимых отваг
У Хошуна забилось в груди —
Жди, что вырвутся каждый миг.
Десять пальцев белых своих
Он прижал к ладоням сейчас.
В лунках зрачки орлиных глаз
Перевернулись двенадцать раз…

«Если прольется что-нибудь —
Чаша крови только всего.
А разобьется что-нибудь —
Наши кости, только всего!» —
Мальчик подумал и с мыслью такой
Вынул острый меч из ножон
И закричал: «Не моей рукой
Будешь, Бадмин Улан, поражен,
А рукою Джангра Богдо!»
И напал на богатыря,
Желтый меч вонзил он в гнездо
Мочевого его пузыря,
Меч повернув девяносто раз.
Рассвирепевший исполин
Бросил мальчика в правый ад,
Но, родителя хитрого сын,

На мизинце правой ноги
Удержаться сумел мальчуган!

Разъяренный Бадмин Улан
Бросил мальчика в левый ад, —
Удержаться сумел мальчуган
На мизинце левой ноги…
Тут пошел настоящий бой,
За кушаки схватились враги.
Длился неделю страшный бой,
И могущественный великан
Был побежден мальчуганом тогда.

Торопился Хошун Улан,
И связал он арканом тогда
Руки и ноги богатыря,
И, запрятав богатыря
В сумку с колодец величиной,
Выскочил из бумбулвы золотой.

С яростью урагана тогда
Бился Джилган со стражей густой.
Мальчик окликнул Джилгана тогда,
Бросил ему над несметной толпой
Сумку с колодец величиной,
Сумку, в которой сидел великан.
Но неистовый конь Аранзал
Вдруг отпрянул… Хара Джилган
Сумку не сумел удержать,
Уронил в толпе густой.
Пролетев над несметной толпой,
Сумку бросил Хошун опять.
Вновь отпрянул, вновь отбежал
Этот неистовый конь Аранзал,
Сумку Джилган уронил опять.
Поднял ее Хошун удалой,
Бросил ему над несметной толпой,

Рыжему Аранзалу сказал:
«Если так неуклюж твой ездок, —
Ты бы сумку схватил, Аранзал!»

Быстро сумку схватил Аранзал
И поскакал на восток, —
Ветра степного быстрей
Увильнув от богатырей,
Что хотели Улана отнять —
Хана у мальчугана отнять.
Разом сели Хошун и Шонхор
На своих быстроногих коней
И поскакали во весь опор,
Чтобы добраться за девять дней
К северной Бумбе, к родной земле.

Вдруг на коне, подобном скале,
Показался воин Самба.
Был он вражьего стана стрелком,
Был он Бадмин Улана стрелком.
И приблизился скоро Самба,
Кинулся на Шонхора Самба.
Но товарищ товарища спас:
Поднял отважный Хошун тотчас
Свой обоюдоострый бердыш,
И великана рассек малыш,
Ребра черные раздробил,
На кусочки Самбу разрубил,
Бросил останки в Ганг-океан.

Первым скакавший, в родимый стан
Прибыл тем временем юный Джилган.
Сумку свою развязал мальчуган.
Вылез оттуда Бадмин Улан!
Богатыря пытался народ
Усадить на одной из сторон,
Но богатырь пошел вперед,

К месту, где восседал нойон:
Около Джангра сел великан!

Вскоре, летя во весь опор,
Прибыли вместе Хошун и Шонхор.
Сразу раздались клики тогда
В честь победителей молодых,
Освободителей молодых!

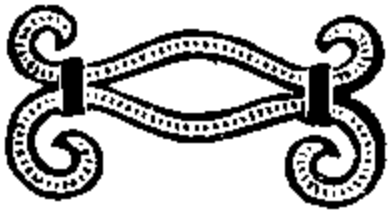
Начался пир великий тогда.
М**о**лвил Джангру-владыке тогда
Богатырь Бадмин Улан:
«В те времена, когда скакал
Ветра быстрее ваш Аранзал,
Пика не только пестрой была —
Пестрая пика острой была,
Были моложе вы и сильней,
Не прошло девяноста дней —
Вспомните, Джангар-нойон, — с тех пор,
Как женились вы на Шавдал,
С вами, нойон, вступили мы в спор.
Я, по-видимому, побеждал…
И меня попросили вы,
Чтоб не лишил я вас жизни, нойон.
Ныне — вижу я — в силе вы.
Царствуйте в вашей отчизне, нойон,
В радости бесконечной теперь,
В славе живите вечной теперь!»

С этим вышел Бадмин Улан,
Сев на коня, во весь опор
Поскакал назад великан.

И в нетленном сиянье с тех пор
Вера бурханов, как солнце, горит.
И вселенной деянья с тех пор
Высятся, как нерушимый гранит,

Тверже самых твердых пород.

И в золотом совершенстве с тех пор,
В мире, в довольстве, в блаженстве с тех пор
Зажил этот могучий народ.



Песнь восьмая
О том, как буйный Хонгор победил могучего богатыря Хана Джилгина

В пору, когда гремел богатырский смех,
Огненная вода разливалась рекой, —
Хонгор хмельной, опьяненный арзой-аракой,
Буйные речи повел. Спросил он у всех:
«Есть ли, богатыри, между вами такой,
Чьи не хрустели бы кости в пальцах моих?
Есть ли, богатыри, между вами такой,
Кто на коне моем не был сюда привезен?
То-то, молчите. Нет между вами таких!»

Хонгровы речи услыша, Джангар-нойон
Молвил в ответ, пиалу свою пригубя:
«Хонгор мой! Ты всемогущим считаешь себя,
Так захвати ты хана Джилгина в полон,
Силой великой его наделяет молва!» —
«Сделаю», — Хонгор ответил, арзой распален.
В шуме хмельном потонули эти слова.

Ночью, когда пирующие разошлись,
Весело разговаривая по пути, —
Хонгру промолвил Джангар: «Остановись.
Хана, которого ты обещал привезти,
Должен доставить сюда. Соберись поскорей».
Эти слова заставили богатырей
В башню вернуться — в прекрасную бумбулву.
«Полную чашу налейте Алому Льву!»
Хонгор стоял богатырских кругов посреди,
И наполняли черной арзой, говорят,
Хонгрову чашу семьдесят раз подряд.

Десять отваг закипело в его груди.
Десять, перстов прижал он к ладоням
стальным…
«Если пролью богатырскую кровь свою —
Обогатится земля глоточком одним;
Высохнут кости мои в далеком краю —
Обогатится горсточкой праха всего.

Эй, коневод, побеги к веселой реке,
Эй, коневод, приведи Оцола Кеке,
Эй, коневод, оседлай коня моего!» —
Грозный последовал клич… Молодой коневод
Быстро помчался к прохладе прозрачных вод,
Сивого Лыску привел к воротам дворца
И по законам страны оседлал жеребца…

Хонгор спешил покинуть родное гнездо.
Выслушал он пожелания Джангра Богдо
И пожелания всей богатырской семьи:
«Хонгор, да сбудутся все надежды твои,
Да повернешь ты повод коня золотой
По наставлениям предков и веры святой
И, победив противника в честном бою,
Да возвратишься ты в Бумбу, в землю свою.
Солнце твое да будет повсюду светло!»

С легкостью искры Хонгор уселся в седло,
И, натянув подпругу, помчался он.
По направлению к югу помчался он.
Был его лысый скакун, что стрепет, летуч.
Вот полетел он пониже трепетных туч,
Вот полетел повыше зеленой травы,
Ноги забрасывая на дневной пробег.
Если же сбоку смотрел на него человек —
Чудилось: выскочил заяц из муравы.
Травы раздваивал он дыханьем своим…
Так проскакал семью семь — сорок девять дней.

Вдруг замечает Хонгор тюмены коней…
Хонгру навстречу под знаменем боевым
В ратных доспехах богатых летит исполин.
«Что за нойон? Какого правителя сын?»
Телохранители скачут ему вослед.
Хонгор помчался наперерез. «Эй, постой! —
Крикнул он. — Кто ты такой?» Услыхал ответ:

«Хана Джилгина я табунщик простой».

Дальше помчался Хонгор дорогой своей.
Дважды промчался Хонгор четырнадцать дней, —
Только тогда миновал табуны коней.
Вдруг он увидел: под знаменем боевым
Едет ему навстречу другой исполин,
Сотня телохранителей скачет за ним.
«Что за нойон? Какого правителя сын?» —
Так он заставил Хонгра подумать тогда.

Пыли столбы вздымая до самых небес,
Двигались медленные воловьи стада…
Хонгор помчался всаднику наперерез.
«Кто ты?» — спросил он, —
Ответ услыхал тотчас:
«Славного хана Джилгина я волопас».

Дальше помчался Хонгор дорогой своей,
И проскакал он трижды четырнадцать дней,
Только тогда воловьи стада миновал.
Вот увидал он Арсланга-горы перевал,
Необозримые мчатся верблюжьи стада.
Хонгру навстречу снова летит исполин.
«Что за нойон? Какого правителя сын?» —
Так он заставил Хонгра подумать тогда.
Телохранители скачут ему вослед,
Хонгор сказал исполину: «Брат мой, привет!
Кто ты такой?» Последовал важный ответ:
«Хана Джилгина верблюдопас пред тобой».

Дальше помчался Хонгор степною тропой —
Долго верблюжьи стада не мог обогнать.
Снова навстречу ему летит исполин,
Алого Льва заставляя подумать опять:
«Что за нойон? Какого правителя сын?»
Всадник примчался под знаменем боевым,

Телохранители следовали за ним,
И раздавался топот овечьих отар.
Хонгор сказал исполину: «Брат мой, привет!
Кто ты такой?» Последовал важный ответ:
«Я — знаменитого хана Джилгина овчар».

Вскоре седая гора поднялась вдалеке.
Хонгор помчался кратчайшей из горных дорог,
Быстро взобрался на самый высокий отрог,
Сталью сдвуножил коня, Оцола Кеке.
Взглядом единым холодных и зорких глаз
Хонгор окинул четыре конца земли.
Башня под куполом южного неба зажглась,
Дюжиной красок переливаясь вдали,
Солнца касаясь круглой своей головой.

Хонгор сказал: «По сравнению с бумбулвой
Нашего Джангра — каков Джилгина дворец?»
Долго смотрел он и порешил наконец:
«Не превосходит он башню Богдо вышиной,
Но красотою красок, оградой лепной,
Великолепной резьбой превосходит ее.
Это поймет и слепой — превосходит ее!»
И не смыкая очей, не считая ночей,
И не сменяясь неделями, — грозной стеной
Стража стоит, охраняет ханский покой, —
Восемь тюменов доблестнейших силачей,
И на дороге высятся пики бойцов,
Гуще непроходимых столетних лесов.

Дал отстояться Хонгор уму своему.
«Мыслимо ли с этим ханом тягаться в бою? —
Хонгор спросил себя самого. — Не пойму.
Как бы проклятую бросить привычку мою:
Всё говорить, что лезет в башку во хмелю!
Битву начну я — смерть от Джилгина приму,
А возвращусь я — меня пристыдит нойон…»

Дал он опять отстояться уму своему.
«Буду с ним драться, — воскликнул, —
возьму в полон!»
Спрятал Оцола Кеке в расселинах скал,
К башне Джилгина кратчайший путь отыскал
И на вершину ближайшей горы поднялс**я**,
И, перепрыгнув через стальные леса,
Он очутился на крыше, у грани ее,
Лишь в середине лесов задев острие
Пики железной — правой своей ногой.
Воин, державший древко, воскликнул:
«Друзья,
Кто-то нарушил пики моей покой!»
Те рассмеялись: «Дремать в карауле нельзя!
С краю — и то не заметили мы ничего,
Ты же стоишь в середине… Вернее всего —
Так показалось тебе, померещилось так».

Только на землю спустился вечерний мрак,
Хонгор проник в безмолвный дворец золотой,
Десять раскрыв чешуйчатых, светлых дверей…
Перед иконой горит светильник святой,
Тридцать и пять невиданных богатырей
Спят, араки вкусив чудодейственный яд,
Спят, опьяненные, блаженно храпят.
А на серебряном ложе спит исполин —
Это и был могучий владыка Джилгин.
Хонгор подумал: «Тягаться ли
с мощью такой?»
Хана покинул, вошел в соседний покой.
«Может быть, хана с помощью ханши
возьмем?»
Ханша Джилгина спала на ложе своем,
А на стене светильника отсвет дрожал.
Хонгор поднес к обнаженной груди кинжал,
Ханшу схватил за нежную шею, сказав:
«Джангар великий, владыка многих держав,

Ханшу свою разлюбил — неземную Шавдал,
Он обезумел теперь от новой любви,
Только тобой он и бредит в своем дому.
И приказал он тебя доставить ему,
Хана Джилгина убив… Госпожа, назови
Место, где сабля хранится, что хана сразит!»

Молвила ханша: «Воистину срам и стыд!
Семь поколений, считая от первого дня,
Эти владыки не спорили никогда,
Не причинили ни разу друг другу вреда,
Так почему ж из-за женщины, из-за меня,
Столько теперь погибнет коней без следа,
Столько прольется безвинной крови людской!
Только подумаю: грех великий какой
На душу ляжет мою, — заране дрожу».
Крупные слезы текли из прекрасных очей.

Хонгор опять приказал: «Скажи!» — «Не скажу.
Множество самых прославленных силачей
С мужем боролось — не справился ни один:
Всех побеждал могучий владыка Джилгин!
Лучше домой возвращайся, вот мой совет», —
Молвила ханша. Хонгор воскликнул в ответ:
«Если уеду — убьет меня мой властелин.
Если останусь — убьет меня лютый Джилгин.
Думай не думай — конец повсюду один!»

Шеи прекрасной коснулся грозный кинжал.
«Скажешь теперь?» — И смертью кинжал
засверкал
Крикнула бедная ханша богатырю:
«Не потому, что охота, тебе говорю,
А потому говорю, чтоб себя спасти:
Сабля за ханским престолом лежит, в углу.
Саблю возьми, богатырь, и меня отпусти».

Хонгор вернулся назад в покой золотой,
Пальцем одним потушил светильник святой,
Ханскую башню поверг в кромешную мглу
И, перейдя через тридцать и пять человек,
Правую руку Джилгину саблей отсек.

Храбрый Джилгин, окруженный
зловещей тьмой,
Вскакивает, за кушак хватает его,
В сторону правого ада кидает его,
Но, всемогущих предков потомок прямой,
Хонгор стоит на мизинце правой ноги.
Снова в смертельную схватку вступают враги,
Снова могучий Джилгин хватает его,
В сторону левого ада кидает его, —
Отпрыск. Ширки и достойный сын Шикширги,
Хонгор стоит на мизинце левой ноги.

Оба теперь хватаются за пояса,
Каждый бросает другого через плечо.
В ханском покое неистовый шум поднялс**я**,
Стало от их дыханий бойцам горячо,
Богатыри просыпаются, смотрят во тьму,
С твердой уверенностью говорят меж собой:

«Наш властелин, если вступит с кем-нибудь
в бой,
За ночь себя победить не даст никому.
Ляжем подальше, к стенам, — и вся недолга».

Хонгор, едва рассвело, поборол врага.
Хана Джилгина сунул в большую тулму.
Через плечо перекинул тяжкую кладь,
Даже не глядя на спящих богатырей,
Вышел, раскрыв чешуйчатых десять дверей,
Стал пробираться сквозь бесконечную рать…

Даже китайской иголке тонкой — и той
Некуда было воткнуться: с такой густотой
В Хонгрово тело впились наконечники пик!
Но богатырь к жестоким ранам привык,
Быстро он к сивому Лыске успел подойти,
Переломав наконечники на пути.
Приторочил он к седлу большую тулму,
Сел на коня, пустился в обратный путь.
Множество пик полетело вдогонку ему, —
В сивку вонзились, в Хонгрову спину и грудь.
Но посмотрите, сивко хангайский каков:
Вверх он проделал одиннадцать тысяч прыжков,
Вниз он проделал одиннадцать тысяч прыжков, —
И наконечники выпали сами собой.

Хонгор поехал знакомой уже тропой
И проскакал девяносто дней и ночей.
Нет ни людской, ни звериной жизни вокруг…
Топот коней к нему доносится вдруг:
Тридцать и пять догоняют его силачей,
А впереди летит богатырь Мал-Улан.

«Если одним ударом секиры своей
Всадника я не сражу, — кричит великан, —
Смерть от руки Джилгина тогда я найду,
В будущей жизни буду наказан в аду
Ханом Эрликом, великим судьей мертвецов!»

И обнажил он секиру — грозу храбрецов,
Между лопатками страшный нанес удар,
И зазвенела сталь, запылали, как жар,
Верхние две застежки тяжелой брони,
В разные стороны разлетелись они,
В спину железо вонзилось, и кровь бежит, —
Вытащить эту секиру с трудом удалось.

Хонгор помчался быстрее, делая вид,

Что не заметил удара… Пронзали насквозь
Хонгрово тело тысячи копий и стрел,-.
Хонгор не чувствовал их и дальше летел.
Богатыри, броня Джилгиновых дел,
Следовали неотступно невдалеке.

Вскоре дошло до того, что совсем похудел
Сивый скакун — драгоценный Оцол Кеке:
Жира не стало на шее, мозга в кости…
Хонгор тогда, поразмыслив, свернул с пути,
Спешился, Лыску пустил пастись на луга.
Мягкие травы бархата были нежней.

Вот, муравейников гуще, пыли плотней,
Алого Хонгра нагнало войско врага
И окружило семью кругами его.
Но запугать нелегко врагами его,
Хонгор один пойдет на безмерную рать!
Принял он бой — один, от своих вдалеке.
К этому времени сивый Оцол Кеке
Жиру немного успел на шее набрать.
Хонгор на сивке врезался в гущу врагов.
Тут, налетая спереди, сзади, с боков,
Хонгра пронзили четыре тысячи стрел,
Сивку пронзили четыре тысячи стрел!

Но по краям разукрашенных тебеньков,
Ниже сцепленья восьмидесяти колец,
Хонгор ударил звонко семь тысяч раз,
Хонгор ударил беззвучно семь тысяч раз
И закричал. Услыхав ездока, жеребец
Сделал прыжок — до самого неба взлетел,
Разом стряхнул четыре тысячи стрел
В разные стороны, будто ветер — листву.
Стрелы, что в спину вонзились Алому Льву,
Тоже рассыпались… День не считая днем,
Ночь не считая ночью, на сивке своем

Хонгор помчался, минуя вражеский стан,
И проскакал семью семь — сорок девять дней.
И переправившись через Арта-Зандан,
Въехал в пределы великой Бумбы своей,
В ханство, в котором блаженствует
вольный народ.
У золотых, красоты несказанной ворот
Спешился Хонгор и развязал торока.
Хана Джилгина к высоким столбам привязал,
Богатырям караулить его приказал.

Начато пиршество. Буйно бежит арака.
Черной рекой, арза проступает росой
На семипядевых лбах… Говор, пение, звон…
И, опьяненные радостью и арзой,
Воины расположились на отдых, на сон,
Богатыри, как убитые, падали с ног.
Вскоре заснули все, до единой души.
Также заснули и те, кто Джилгина стерег.

Грозный Джилгин, в глубокой ночной тиши,
Спрыгнул на землю, четыре столба поломав;
Входит он в башню Джангра, владыки держав,
И размышляет, оглядывая бумбулву:
«Если свирепого Хонгра домой унесу,
Люди подумают: мщу я Алому Льву.
Если великого Джангра домой унесу,
Скажут, что к этому жадность склонила меня.
Если Шавдал унесу, эту ханшу-красу,
Скажут, что женщина соблазнила меня, —
Слава дурная пойдет обо мне по всему
Белому свету… Лучше, — решил он, — возьму
Красноречивого Ке Джилгана в полон!»

Сладко храпел златоуст — красноречья нойон.
Грозный владыка Джилгин склонился над ним,
Крепко связал, положил на плечо плашмя.

Вот он идет и торопится. Шагом одним
Он переходит узкую реку, двумя —
Реку широкую, — движется птицы быстрей…
Утром, едва проникло сиянье небес
В Джангрову башню, — полчище богатырей
Разом проснулось. Где пленник? Пленник исчез!
Джангар сказал: «Проверьте коней-бегунцов,
Наших проверьте богатырей-храбрецов!»
Быстрых коней проверяют — правилен счет.

Богатырей проверяют — недостает.
Славного Ке Джилгана. Пропал златоуст!
Алому Хонгру дворец показался пуст,
Он закричал, посреди кругов становясь:

«Сивка домчит еще раз, хотя долговяз,
Сивка пойдет еще раз, хотя и ленив!
Эй, коневод, оседлай Оцола Кеке!»
И коневод побежал к прозрачной реке,
Сивку привел, в дорогу его снарядив.

Сивка помчался, ветер опередив.
Там, где копыта ступали, — такой глубины
Ямы остались, что каждый потом гадал:
«Что там, колодцы заброшенные видны?»
Глина, которую жеребец раскидал,
Встала большими курганами вдалеке.
Красная пыль, которую поднял Кеке,
Радугою в небосвод уперлась потом.
Резвость хангайского Лыски была такова,
Что богатырь на седле держался с трудом.
Восемь недель проскакал он знакомым путем.
Вот засверкала Джилгинова бумбулва,
Под полуденным небом, под правым углом.

Спешился Хонгор, стянул железным узлом
Ноги коня, вступил, ненасытный, в покой,
Десять дверей открывая с силой такой,
Что полетели щепки… Зашел он едва, —
Пленник взглянул на него в глубокой тоске…
Мучила воина, альчик вертя на виске,[8]
Ханская знать, стараясь узнать, какова
Сила и хитрость Джангровых богатырей.
Но Ке Джилган не изменит присяге своей,
Страха не знает Бумбы суровый боец.
Не говорит ни единого слова боец.

«Дело какое тебя сюда завело?» —
Хонгор спросил златоуста и тяжело
Всей пятерней ударил его по щеке,
Чтобы запомнил навек, не давался в плен!
Сел он за стол от владыки невдалеке.

Молвил советник Джилгина Бадма-Зюркен —
Старец, предсказывающий событий черед
Ровно на сорок и девять весен вперед
И повествующий с правдою на устах
О сорока девяти минувших годах:
«Хонгрова сила — и спорить с этим нельзя —
Всемеро больше силы Джилгина, друзья.

Хонгрово счастье — и с этим спорить нельзя —
Всемеро меньше счастья Джилгина, друзья.
Сопоставляя достоинства эти, скажу:
Хонгор и наш господин помириться должны,
Поводов для неприязни не нахожу».
Хонгор ответил: «Я саблю вложу в ножны,
Если нелицемерны ваши слова, —
С ним помирюсь я. Не знаю лишь, какова
Воля Джилгина, что
скажет ваш господин?» —
«Хонгор! Искать вражды не стану я.
Мир, Мир между нами!» — сказал
владыка Джилгин.
В честь богатырского мира устроили пир.

В пору, когда рекой растекалась арза,
Джангар Богдо летит, как степная гроза,
Веет над ним пестро-желтый стяг боевой,
А за нойоном, как тучи в день грозовой,
Мчатся шесть тысяч двенадцать богатырей.
Всадники спешились у дворцовых дверей.
Ровно четыре тюмена знатных детей
Вышло коней принимать и встречать гостей.

Джангар вошел, о здоровье владыку спросив,
Сел на серебряный трон, величав и красив,
Как полнолунье пятнадцатого числа.
Вновь благодатной рекой арза потекла

От восходящих до заходящих лучей.
Не замечали дней, не считали ночей…

Молвил Джилгин всемогущий слугам своим:
«Джангру, которого чту я другом своим,
Всем, до единого, богатырям Богдо
Выдайте шубы, каких не видал никто».

С полдня до вечера выносили бойцы,
С полдня до вечера подносили бойцы
Шубы, каких никто не видал до сих пор…
Ханы потом повели такой разговор:
«Если на ханство могучий враг нападет,
Помощь окажем друг другу, начнем поход.
Если же будет война со слабым врагом,
То в одиночку такого врага разобьем».

И восхваления Лотосу произнеся,
Джангар простился, повел за спиной своей
Славных шесть тысяч двенадцать богатырей.
Их провожала свита Джилгинова вся.
Ветра быстрее помчались желтые львы.
Вскоре достигли дверей своей бумбулвы.
Снова семью расселись кругами они.
Радуясь, что примирились с врагами они,
Семьдесят языков собралось на пиру.
Ночью расходятся, чтобы сойтись поутру, —
И продолжается праздник из рода в род.
И в золотом совершенстве с этой поры,
В мире, в довольстве, в блаженстве с этой поры
Зажил могущественный богатырский народ.

Песнь девятая
О том, как Мингйан, первый красавец Вселенной, угнал десятитысячный табун пестро-желтых холощенных коней Турецкого хана

Сказывают: на рассвете вечных времен,
В шумные дни благодатной черной арзы,
В самом разгаре великого торжества,
Вдруг пролились из очей владыки племен —
Славного Джангра — две драгоценных слезы,
Начали двигаться шелковые рукава
Справа — налево, слева — направо, поток
Горестных слез утирая. Мангасов гроза,
В недоуменье глядели друг другу в глаза
Воины Джангра. Тогда богатырь и пророк,
Правого круга глава, промолвил Цеджи:
«Милый мой Хонгор Алый! Не ты ли, скажи,
В трудных походах служил нойону конем,
В битвах не ты ли казался бронею на нем?
Так вопроси владыку счастливых племен,
Так разузнай, почему растаял нойон?»

Хонгор сказал: «Если, в правом сидящий кругу,
Не задавали вы Джангру вопросов пока,
Как же я с левой своей половины могу
Спрашивать?» Но в ответ на слова старика
Молвил Джилган — златоуст, украшавший пиры,
Красноречивейший воин, с которым никто
Не состязался в искусстве словесной игры:
«Дайте мне ваше соизволенье на то —
Я вопрошу, почему растаял Богдо!»
И перед всеми блеснули зубы его.

Сердцеобразные, красные губы его
Неописуемо вытянулись в тесьму.
Воины дали на то согласье ему.

Опорожнив троекратно свою пиалу, —
Сорок бойцов ее приподнять не могло б, —
И преклонив троекратно божественный лоб,
И на колени встав на пух**о**вом полу,
Руки свои распластав, златоуст сказал:

«Не потому ли заплакали вы сейчас,
Что жеребенок ваш — рыжий скакун Аранзал —
Стал недостаточно быстроногим для вас?
Не оттого ли растаяли вы сейчас,
Что пестро-желтое ваше златое копье
Сделалось недостаточно метким для вас?
Может быть, вы скрываете горе свое,
Ибо шестнадцатилетняя госпожа
Стала для вас недостаточно хороша?
Не потому ли растаяли вы, нойон,
Что государство семидесяти племен —
Семьдесят стран, разбежавшихся далеко, —
Ныне для вас недостаточно велико?
Иль оттого, господин, растаяли вы,
Что провинились пред вами желтые львы —
Эти шесть тысяч двенадцать богатырей?
Не потому ли рыдаете, наконец,
Что показался вам ниже, темней и серей
Девятиярусный ваш многоцветный дворец?
С нами, нойон, поделитесь печалью своей,
И посвятите в причину безудержных слез,
И не взыщите с меня за такой допрос».

Месяцеликий нойон оглянулся кругом,
Слезы смахнул он чистым желтым платком,
Молвил героям своим, вздохнув глубоко:
«Так прославляли вы громко прозванье мое,

Что за пределами нашей земли далеко
Распространило оно сиянье свое.
И на меня человек замыслил напасть.
Он утвердил свою безграничную власть
Где-то на западе… Вот уже третий год
Гордый турецкий султан готовит в поход
Буйный табун своих холощеных коней,
Для настоящих сражений взращенных коней!»

«Сказывают, за конями такой уход:
Губы коней и копыта не знают воды,
Ибо живые тела расслабляет вода!
Через четыре года, сильны и тверды,
В сталь превратятся копыта. Хвосты скакунов,
Мягкие гривы — крыльями станут тогда!
Горе настанет для нас, для Бумбы сынов.
Десять раз тысяча белых богатырей
Сядут на быстрых коней, примчатся сюда
И нападут, покорят нас державе своей…
Если сумеем угнать холощеных коней, —
Минет нас это бедствие навсегда!»

Кончил владыка. Правого круга глава,
Молвил Цеджи-ясновидец такие слова:
«Замыслы предугадавший врага своего,
Может быть, вы нам укажете и того,
Кто совершит холощеных коней угон?»

«Есть у меня, — сказал повелитель племен, —
Эти шесть тысяч двенадцать богатырей.
Вы между ними славны грозою своей,
Вы, дорогие, как сердце, двенадцать львов,
Пестрые от многочисленных ран и швов.
Бились вы всюду, во всех закоулках земли,
Даже по краю кромешного ада прошли.
Славен ты в этой семье нетленной, Мингйан,
Первый красавец нашей вселенной — Мингйан,

Воин, привыкший к искусству сражений,
Мингйан! На золотистом коне, что сходен с горой,
Опережаешь ты на две сажени, Мингйан,
Ветер степной, а мысль — на сажень! Мой герой,
В путь отправляйся, готовься к делу войны.
Ты соверши холощеных коней угон,
Хана турецкого мне доставь табуны».

Плача, воскликнул Мингйан: «Великий нойон!
Вы поступаете несправедливо со мной.
Ханом когда-то я был, уголок земной
Принадлежал мне — многотюменный удел.
Гордой горою, названной Минг, я владел,
Имя которой с честью ношу до сих пор.
Разве не вы со мною вступили в спор,
Междоусобную брань затеяв со мной,
Длившуюся четыре недели подряд,
А не смогли подступиться к стене крепостной?
Разве не вы повернули тогда назад
Полчища ваши, которые гуще травы?
И несмотря на то, мой владыка, что вы
Прочь удалились, не причинив мне вреда, —
Глядя вам издали в спину, решил я тогда,
Что надо всеми, живущими под луной,
Станете вы господином. Свой угол земной,
Ханство покинул я — многотюменный удел,
Гору покинул, которой измлада владел!

Дочери нежной родителем раньше я был,
Мужем счастливым прекрасной ханши я был, —
Джангар, пришел я к вам, отказавшись от них,
Выбрав себе в семью только барсов одних,
И своего дорогого привел я коня.
Вами, владыка, принят с почетом я был,
В сан запевалы пожаловали меня!
В трудных сраженьях вашим оплотом я был,
Прежде была вам душа моя дорога.

Так почему же теперь на такого врага
Вы посылаете, Джангар, меня одного?
Нет у меня под этой луной никого,
Сгонит могучий противник со свету меня.
Йах! Ни сестер, ни братьев нет у меня!
Боги лишили сестренки младшей меня, —
Кто же накормит пищей горячей меня?
Младшего брата матушка не родила, —
Кто же вспомянет меня и мои дела?»

Так объяснял Мингйан в безутешных слезах…
«Мы в этой жизни — братья, когда же с тобой
В ханство прекрасного вступим на небесах, —
Вместе войдут наши души… На трудный бой,
Милый Мингйан, со спокойным сердцем лети.

У золотого моста, на степном пути,
Встречу тебя на сивом Лыске своем», —
Так обещал неистовый Хонгор ему.

Савар воскликнул: «Я смерть за тебя приму.
Братья мы в этой жизни, когда же пойдем
В ханство всего прекрасного, соединим
Души свои! Клянусь, и клятва чиста:
Милый Мингйан! У серебряного моста
Встречу тебя с темно-бурым Лыской своим».

И запевала, вняв голосам храбрецов,
Чашу наполнил, которую, говорят,
Семьдесят не поднимут сильных бойцов,
И осушил ее семьдесят раз подряд.
К белым ладоням прижал он десять своих
Пальцев могучих. Десять отваг боевых
Хлынули к горлу, готовые вырваться вдруг.
Сердце забилось. Он оглянулся вокруг,
Крикнул, неистовый, друзьям боевым:
«Если пролью богатырскую кровь свою —

Обогатится земля глоточком одним.
Высохнут кости мои в далеком краю —
Станет на горсточку праха богаче она…
Эй, коневод, оседлай моего скакуна!»

Между конями Джангровых богатырей,
В травах душистых, у холода чистых вод
Бегал Соловый. Привел его коневод
И оседлал у прекрасных дворцовых дверей.
Вышел Мингйан. Красота величава его!
Хонгор поддерживал под руку справа его,
Слева поддерживал п**о**д руку Савар его.
Вышел нойон с богатырской семьей своей.
Выслушав пожелания богатырей,
Благоухающие, как лотос в цвету,
Славный Мингйан вскочил на коня на лету.

Сразу на северо-запад погнал он коня.
На расстояние бега целого дня
Ставил свои передние ноги скакун,
Задние ноги ставил в дороге скакун
На расстояние в целый ночной пробег,
Если же сбоку смотрел на него человек, —
Чудилось: выскочил заяц из муравы,
Выскочил заяц и скрылся в листьях травы.
Так проскакал он месяц, ни дней, ни ночей
Не замечая… Взглядом холодных очей
Всадник окинул четыре конца земли.
Все еще башня Богдо виднелась вдали,
И показалась она ему по плечо.

«Вот уже ты проделал месячный путь,
А не ушел от родного дома еще!
Этак навряд мы достигнем чего-нибудь.
Разве, Соловый, бежать побыстрей нельзя?» —
Крикнул сердито Мингйан коню своему.
С гневом ответствовал конь, удила грызя:

«Мой богатырь! Я тебя никак не пойму.
Разве забыл ты, что башня — одно из чудес,
Ниже всего на три пальца синих небес?!
Можно ль за месяц уйти от нее далеко?
Слишком такое желание велико!
Крепче сиди, скакать — это дело мое!
Если перелетишь через тело мое, —
Брошу тебя, хозяина переменю.
Душу свою доверяй другому коню!
Если сумеешь, Мингйан, удержаться на мне,
Значит, имеешь ты право сидеть на коне,
Только тогда я скажу: мой хозяин хорош!» —
Молвил скакун, и в ржании слышалась дрожь.

И, прекратив курение табака,
Стиснул Мингйан бегунцу крутые бока.
Вихрем помчался, всадника радуя, конь.
Землю взрыхлял, по курганам прядая, конь.
Хвост приподняв, он скакал в летучей пыли,
Будто пугаясь комков зыбучей земли,
Что разбросал он копытами четырьмя.

Жаркие, долгие дни горели гормя,
И раскалило солнце пески добела, —
Мчался без устали конь в горячих песках.
Всадник с трудом удерживал повод в руках.
И натянул он, садясь позади седла,
Повод, да так, что согнулись вконец удила, —
Не помогало: выгибом шеи стальной,
Резким напором могучей клетки грудной
Снова ременный вытягивал повод скакун,
В день покрывал расстояние в несколько лун.

Справиться с этим конем не сумев, ездок
Так обратился к нему: «Потише беги,
Мой золотистый, долог наш путь и далек!
Силы свои береги, замедли шаги».

Слушать не стал своего хозяина конь,
Ветра быстрей поскакал отчаянный конь, —
Бега такого не видывал белый свет!
Так он скакал. И тогда показаться могло,
Будто в один ослепительный белый цвет
С лохматогрудой землей слились небеса.

Всадник примчался, когда еще было светло.
Видит он копий густые стальные леса.
Всажены копья в землю с такой густотой,
Что даже тонкой китайской иголке — и той
Места нельзя было бы между ними найти.
Славный Мингйан, рассекая древки на пути,
В самую глубь копейного строя проник.
В чащу стальную на два закроя проник.
Но золотисто-соловый на всем скаку
Молвил отважному своему ездоку:
«Воин! Копыта мои дошли до того,
Что наизнанку вывернутся они.
Дальше скакать не могу. Назад поверни».
И повернул богатырь коня своего.

Сказывают: когда, тоской обуян,
Свесив копье, назад возвращался Мингйан, —
Ясная, как луны золотое стекло,
Легкая, точно ласточкино крыло,
Нежная, как виденье при лунном луче,
Обликом напоминающая зарю,
С длинным кувшином на смуглом, прекрасном
плече, —
Девушка вышла навстречу богатырю
И поклонилась ему. «Сестрица, привет!» —
Всадник воскликнул. Зашевелились в ответ
Алые, сложенные сердечком уста. — Тщетно!
С горт**а**нью связала язык немота,
Вымолвить слова красавица не могла!

Спешился всадник и в землю всадил копье.
Снял он подушку с узорчатого седла,
Девушку вежливо усадил на нее.
Губы разнял ей нагайки своей черенком,
И заглянул он в горло. Из горла извлек
Восемь иголок, поставленных поперек
Нежной гортани… Трубку набив табаком,
Девушке предложил затянуться дымком
И вопросил: «Чья вы дочь? Кто над вами глава?
Ясны, правдивы да будут ваши слова».

Очаровав улыбкою богатыря, Молвила:
«Правду, милый мой брат, говоря, —
Трудно мне с вами правдивой быть до конца.
Если же мы сговоримся — наши сердца
Счастье найдут и на грешной земле молодой!
Так приказал мне турецкий хан золотой:
„Если заметишь хотя бы единую тень
На стороне, где всегда занимается день, —
Мне сообщи, пред очами моими предстань“.
Восемь иголок воткнул он в мою гортань,
Чтоб не болтала… Пошла на разведку — и вот
Я увидала в средине жаркого дня
Красную пыль, упиравшуюся в небосвод,
Красную пыль, надвигавшуюся на меня.
„Сколько же сотен и тысяч скачет сюда
Ратей враждебных?“ — подумала я тогда,
И увидала я только вас одного.
Все позабыла, хочу сейчас одного, —
Знать я хочу: какой кобылицей рожден,
Конь-бегунец может быть красавцем таким?
Женщиною какой белолицей рожден,
Конный боец может быть красавцем таким?
Искре единой не стать пожаром вовек,
И в одиночестве не живет человек.
Воин! Душа моя — вашей душе сродни,
Соединим же наши грядущие дни,

Пусть наши судьбы станут единой судьбой!» —
«Мы у различных владык на посылках с тобой,
Сможем ли мы единое счастье найти,
Если мы вечно в разъездах, всегда в пути?
Где же мы встретимся, в разные стороны мчась?
Все же супругой назвать хочу я тебя.
Вот мой ответ: открой мне дорогу сейчас,
И на обратном пути захвачу я тебя, —
Молвил Мингйан. — Как поступишь? Решай сама!»
«Если мужчина просит — плохо весьма.
Но отказать ему — хуже в тысячу раз.
Вот мой ответ: открою дорогу сейчас.
Если сумеете вы проехать по ней,
То поезжайте, желаю вам долгих дней,
А не сумеете — оставайтесь со мной».

И расстегнула бешмет из шелков дорогих.
Девять под ним оказалось бешметов других,
В самом последнем имелся карман потайной.
Вынула девушка черный ключик стальной,
В сторону копий густых взмахнула ключом.
И появилась тропа, шириною в ушко
Тонкой иголки. Мингйан, вздохнув глубоко,
Больше не спрашивал девушку ни о чем…
Бумбе-стране помолившись, вскочил на коня.

Молвил Соловому:
«Ты выручай меня,
Я по такой тропиночке ввек не пройду!»
И золотую Мингйан отпустил узду.
И, золотой не чувствуя крепкой узды,
Славный скакун пошел по следам паука —
Десятилетней давности были следы,
Полз он дорогою маленького жука —
Двадцатилетней давности были следы,
Сквозь наконечники полз он узкой тропой,
Еле ступал на цыпочках черных копыт

И, наконец, оставил тропу за собой.

Девушка смотрит — душа у нее кипит!
Наземь кувшин высокий швырнула в сердцах,
Ножками топоча, закричала в слезах:
«Ах, поступила сейчас бестолково я!
Ах, упустила красавца какого я,
Ах, упустила, счастье свое погубя.
Этой тропинкой, думала я про себя
Ты не сумеешь пробраться, красавец мой!
Ну, так и быть! С исполненьем задуманных дел
Благополучно к себе возвращайся домой,
В милую Бумбу — людского счастья предел!»

Дальше помчался. Возникла гора перед ним,
И на вершине покоились небеса.
И, на вершину взобравшись, взглядом одним
Воин окинул четыре конца земли.
Красная башня, как пламя, пылала вдали.

Всадник, покинув копий стальные леса,
«Это и есть турецкого хана дворец!» —
Молвил себе самому луноликий боец
И скакуна пустил на зеленый простор,
К водам прохладных потоков, и сам развел,
Жимолости наломав, высокий костер,
Чаю сварил, чачир над собой развернул
И, раскрасневшись, точно сандаловый ствол,
И растянувшись, как цельный ремень, — заснул.
И молодой богатырский сон, говорят,
Длился тогда сорок девять суток подряд.
Утром, в начале пятидесятого дня,
Он пробудился от сна. Посмотрел на коня:

Конь посвежел на зеленом лоне земли.
Будто сейчас только с пастбища привели!
И превратил коня в жеребенка Мингйан,
Сразу себя превратил в ребенка Мингйан,
В мальчика вшивого: только висок почеши —
Станут десятками падать черные вши,
А почеши затылок — из-за ушей
Не сосчитаешь, сколько выпадет вшей!
И в государство турецкого хана вступил.

Ехал шажком, жеребенка не торопил.
Там, где давали побольше, там ночевал,
Там, где давали поменьше, там он дневал…
Так постепенно вперед продвигался юнец,
Ханская башня зажглась перед ним наконец.
И своего жеребенка пустил на луга,
Бурку надел и пробрался в башню врага.

Прежде всего, в конюшню вошел мальчуган.
Он увидал: прекрасны кони бойцов!
Равен горе — самый маленький из бегунцов.
Ездил на Куцем отважный Уту Цаган.
Было обычаем: до середины дня
Пышным, ворсистым ковром покрывать коня,
После полудня до вечера — гладким ковром…

Мальчик хотел пробраться к нему, но кругом
Люди стояли — начальники воинства все,
Определяли коня достоинства все.
Так оценила коня турецкая знать:
Сможет он з**а** день пройти многомесячный путь.
Если погонится Куцый за чем-нибудь, —
Все, что живет на земле, сумеет догнать.
И порешили: нет на земле ничего,
Нет никого, кто сумел бы догнать его!
Мальчик под брюхом коня проползти поспешил,
И не заметил никто уловку его.

В зубы коню заглянул — и сразу решил:
Этот скакун догонит Соловку его…
Он увидал: на другой стороне двора
Высится конь, по прозванью Ерем Хара,
Конь Тёгя Бюса, рожденного в облаках.
Он увидал: содержится в холе скакун,
Коврик на нем, стоит на приколе скакун,
Ватным арканом привязан, чтоб на ногах
Не было ссадин… Около скакуна,
Вдумчиво глядя, стояла турецкая знать
И порешила, что сокола-скакуна
Беркут могучекрылый не сможет догнать,
А балабан, обгонявший степные ветра,
Вздумает с этим конем в состязанье пойти, —
Ночью начнет — отстанет в начале утра,
Из виду конскую пыль потеряв на пути…

Спрятался мальчик под брюхом Ерем Хара,
И не заметил никто уловку его.
Только турецкая знать ушла со двора, —
В зубы коню заглянул. Соловку его —
Сразу решил он — догонит Ерем Хара!
В зубы заглядывал каждому скакуну —
Не были прочие кони Соловки сильней.
«Дай-ка теперь на тюмен скакунов я взгляну,
На пестро-желтых, на холощеных коней,
На бегунцов, которых я должен угнать,
Чтобы на Бумбу не двинулась вражья рать».

Мальчик с горы побежал. Оказалось, внизу,
За девятью заборами, в крытом базу,
Сделанном из самородных белых камней,
За девятью вратами держали коней.
Через ущелье в семьдесят пик высотой,
Вырубленное в гранитной горе крутой,
И под охраной тюмена грозных бойцов
В полдень сгоняли на водопой бегунцов.

В сутки поили коней один только раз…

После осмотра подробного порешив,
Что невозможно разрушить каменный баз,
Случая выждать удобного порешив
У водопоя, Мингйан к жеребенку пошел
И на задворках в бурьяне Соловку нашел.

И, словно знамя, серебряный хвост приподняв,
Молвил Соловко — мечта владык и держав:
«С вестью какой бесприютной пришел мальчуган?»
Обнял Соловку Мингйан, воскликнул Мингйан:
«Вижу теперь, как поможет мне Бумба-страна!
Быть родовитым не то, что быть сиротой…
Непобедим турецкий хан золотой.
Два превосходных есть у него скакуна, —
Каждый из них тебя догонит всегда!»

Крикнул скакун: «Разве прибыли мы сюда,
Чтобы кормиться объедками с ханских столов?
Думаю, что не так мы должны поступать.
Ты мне скажи, мой хозяин, без лишних слов:
Как ты решил: отступать или наступать?
Верю: найдется скакун, догонит меня.
Но, мой хозяин, где же ты видел коня,
Что совладал бы с бездной уверток моих?
Тысячу знаю мелких уловок одних!»

И сговорились Мингйан и славный скакун:
У водопоя, выбрав удобный миг,
Дело решить и в полдень угнать табун.
И в паука превратился мальчик тогда
И превратил жеребенка в альчик тогда…

Через ущелье тайной гранитной тропой
Буйные кони примчались на водопой,
К девственно-белой влаге нагорных ключей.

За табуном следили войска силачей…
Были потоки воды, как небо, чисты, —
Губ и копыт не мочили кони в ключах.
Воин взглянул — у него потемнело в очах:
Недалеки уже гривы коней и хвосты
От превращения в крылья, копыта — в сталь.

И человеческий облик принял Мингйан.
Он заорал, сотрясая горную даль,
Он заорал, сотрясая небесную синь,
Он заорал, обтрясая седой океан,
Грозным, великим голосом диких пустынь.
И заорал он еще раз над крутизной
Грозным, великим голосом чащи лесной.
Сказывают: когда заорал богатырь,
Лопнул у тигра оглохшего желчный пузырь…

Кони, запрядав от окрика смельчака,
Перепугавшись, восставив хвосты в облака
И растоптав многотысячные войска —
Мощную стражу свою — понеслись на восток.
Сел на Соловку Мингйан, и когда ездок
За табуном пустился, — казалось не раз:
Многотюменное войско скачет сейчас,
А приглядеться — мелькает один лишь Мингйан,
И перед всадником, ужасом обуян,
Мчался табун, будто брезгуя прахом земным,
Облако пыльное следовало за ним.
От развевавшихся тонких конских волос
Пение скрипок и гуслей над миром неслось.
Сказывали: турецкий хан золотой
Кушать изволил тогда свой полуденный чай.
Чашку откушал, вторую, перед собой
Третью поставил — но чай пролился невзначай.
«Видел я сон в одну из недавних ночей.
Будто бы со стороны восходящих лучей
Ада исчадье, шулмус явился ко мне.

Из-за величия наших пышных пиров
Я позабыл об этом ужасном сне.
Люди, каков над нами небесный покров?
Ну-ка, взгляните!» Пришел с ответом слуга:
«Мой повелитель! Багряной пыли дуга
Обволокла нашу землю и небеса».

Важный с престола турецкий хан поднялся,
Мимо дрожащих прошествовал богатырей,
Через тринадцать распахиваемых дверей
Вышел наружу, взглянул на восток и сказал:
«В сторону Джангра кто-то угнал боевых
Добрых коней, коней пестро-желтых моих!»

И расспросить охрану султан приказал.
«Чудилось нам, — отвечала охрана тогда, —
Будто напали стотысячные войска, —
Но одного заметили мы ездока».

И, по приказу турецкого хана, тогда
Богатыри государства явились к нему.
«Э, значит, есть еще в этом мире кому
С нами тягаться!» — послышались голоса.
Молвил султан: «Державы турецкой краса,
Угнаны все пестро-желтые скакуны
В сторону Джангра, в сторону Бумбы-страны.
Должен быть пойман угонщик, доставлен живым».

И приказали тогда коневодам своим
Храбрый Цаган и тенгрия сын — Тёгя Бюс,
Чтоб оседлали коней… Совершенной на вкус
Выпив арзы, бойцы понеслись на восток.
А в это время Мингйан, удалой ездок,
Минул железных копий густые леса:
Всё растоптал табун, когда ворвал**я**!
Чудилось: чащу древков повалил ураган!

Вскоре нагнал исполина Уту Цаган,
Меч обнажил он, хотел Мингйана рассечь,
Но великану помог Соловко тогда:
Он увернулся быстро и ловко тогда,
Воздух рассек Цагана кованый меч…
И поскакал быстрее соловый скакун,
И замелькали пред ним копыта коней —
Мчался десятитысячный буйный табун!
Так проскакали сорок и девять дней.
Мост промелькнул золотой, серебряный мост,
Вот уже башня великого Джангра видна,
Вот уже листья травы в человеческий рост…
Слышит Мингйан слова своего скакуна:
«Сбей одного из врагов и возьми на копье».

Тут показал Соловый уменье свое:
Только преследователи напали вдвоем —
Он извернулся и сжался в теле своем.
Поднял Уту Цагана Мингйан на копье
Вместе с его желто-пестрым куцым конем.
Тенгрия сын, Тёгя Бюс, в молодом пылу,
Прямо в Мингйана пустил из лука стрелу.
В шею Соловки могла бы вонзиться стрела,
Но роковую стрелу зубами поймал
Опытный всадник и надвое разломал.
Крикнул скакун Тёгя Бюса, грызя удила:
«Этому всаднику ты не уступишь ни в чем.
Недруг не лучше тебя владеет мечом.
Богатыря спасает Соловко его,
Эта увертка, эта уловка его, —
Так порази же четыре копыта коня!»

Прянула с лука и полетела стрела,
Взвизгнула тонко и засвистела стрела
И поразила четыре копыта коня. Молвил скакун:
«Горек жребий суровый твой.
Ранен в четыре копыта Соловый твой!

Только до вечера следующего дня
Я продержусь, а там — не сердись на меня.
Вижу теперь, богатырь, что вправе ты был
Горько печаловаться на сиротство свое,
Плакать и жаловаться на безродство свое,
Эх, чуженином в Бумбе-державе ты был.
Джангровы люди пируют в отчизне своей.
Что за нужда им скорбеть о жизни твоей?
Где твои львы, где братья твои по борьбе?
Видимо, лгали, когда поклялись тебе
Ждать у мостов. Куда там! И выехать лень!»

И на другой, к закату клонившийся, день
Бедный Соловко лишился последних сил.
На седока Тёгя Бюс наскочил опять.
Пику стальную в тело Мингйана вонзил,
Шею коня он заставил Мингйана обнять.

Освободился Цаган. И тогда вдвоем
На запевалу Бумбы напали, живьем
Взяли, свалив посреди дороги его.
Крепко связали руки и ноги его,
И на коня посадили к движенью спиной,
И поскакали назад — к державе родной,
Десятитысячный буйный табун погнав.

В башне великого Джангра, владыки держав,
В самом разгаре пира, — героям своим
Голосом звонким крикнул старый Цеджи:
«Посланный в чуждую землю, ваш побратим
Бумбы родной вчера перешел рубежи.
Но у мостов не нашел подмоги Мингйан,
Едет спиною к обратной дороге Мингйан.
Что же предпримет теперь богатырский стан?»

Савар Тяжелорукий, что справа сидел,
Бурого Лыску велел оседлать своего.
Хонгор кречетоокий, что слева сидел,
Сивого Лыску велел оседлать своего
И говорил, посреди бумбулвы становясь:
«Все-таки Лыско дойдет, хотя долговяз,
Все-таки Лыско домчит, хотя и ленив!»
Кони помчались, ветер опередив,
Воины выполнят обещанье свое!

Выехал Хонгор, держа золотое копье,
Савар стальной — у него тяжела рука —
Выехал, взяв одну лишь секиру с собой.
С песней, плечо о плечо, помчались на бой,
И быстрота скакунов была велика.

Бурого Лыску Савар за гриву схватил,
Так он сказал ему: «Лыско мой дорогой,
Я за тебя, жеребеночка, заплатил
Тысячу, тысяч кибиток — в надежде такой:
„Может быть, выйдет конь из него неплохой…“
Завтра, к началу сиянья утренних звезд,
Должен быть, Лыско, настигнут тобой Тёгя Бюс
Прежде, чем он переправится через мост.
Если же ты, скакун, опоздаешь — клянусь:
На барабан натяну я шкуру твою.
Ребра твои превращу в докуры, скакун.
Чаши из черных твоих копыт сотворю.
Слово мое запомни, бурый скакун.
Видишь, целую секиру свою на том».

Бурый скакун отвечал ездоку своему:
«Савар, теперь полечу я, как брошенный ком.
Если не сможешь в своем усидеть седле,
Я не вернусь к тебе! В ездоки не возьму,
Если растянешься на бугристой земле!»

И поскакал, как вихорь степной, бегунец,
И на рассвете следующего дня
Савров скакун Тёгя Бюса настиг наконец.

Только раздался могучий топот коня,
Тенгрия сын, Тёгя Бюс, оглянулся назад,
Встретил он Савра Тяжелорукого взгляд,
Грозной секиры двенадцать лезвий горят!
И поскакал Тёгя Бюс к воротам моста.
Крикнуть хотел — не могли раскрыться уста:
Савар примчался горячей мысли быстрей,
Спину рассек ему Савар секирой своей,
И отскочило железо секиры, звеня,
И, потеряв сознание, к гриве коня
Всадник припал, как будто зарылся в траву,

И превратилась вселенная в синеву
И закружилась в круглых очах его.
Савар, схватив за подол врага своего,
Наземь свалил посреди дороги его,
Крепко скрутил он руки и ноги его.
А скакуна Тёгя Бюса повел в поводу.
Видит: вдали, на мосту, у всех на виду,
Хонгор Багряный, выполнив слово свое,
Поднял Уту Цагана с конем на копье,
Руки Цагана железным узлом стянул!
Освободился Мингйан и назад повернул
Угнанных у турецкого хана коней.

Спешились разом два великана с коней
И заключили Мингйана в объятья свои.
Хонгор воскликнул: «Мингйан! Мы — братья твои,
Не потому забыли мы про тебя,
Что сиротою ты стал, Богдо возлюбя,
И про тебя забыли мы не потому,
Что родовиты мы сами в своем дому!

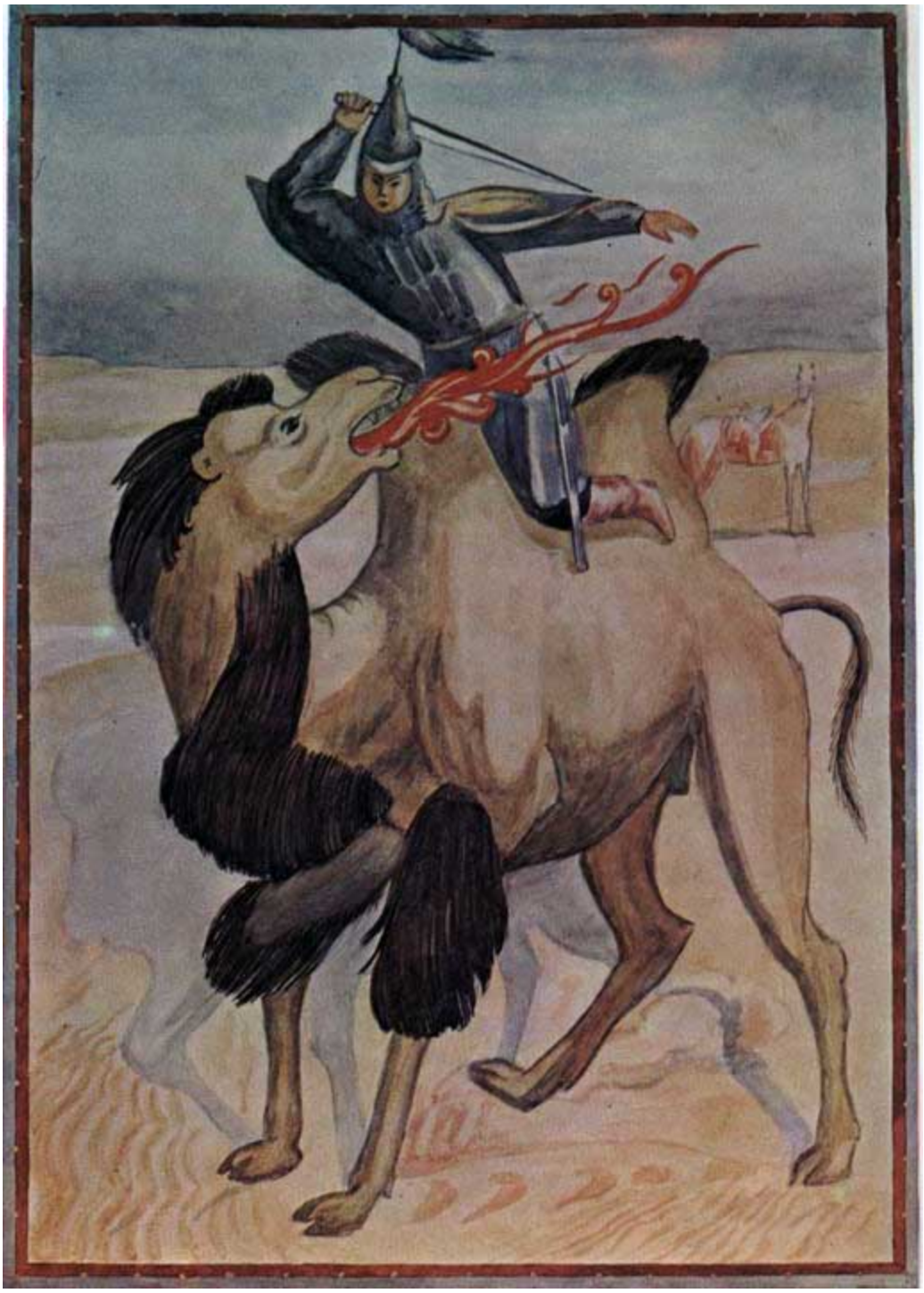
Из-за величия пиршеств, из-за реки
Буйной арзы, благодатной, хмельной араки,
Клятву забыли, но дружба наша верна!»
И впереди пестро-желтого табуна
Пленникам к башне Богдо бежать повелев,
Савар, Мингйан и Хонгор, неистовый Лев,
К ставке своей поскакали мысли быстрей.
Спешились у чешуйчатых, светлых дверей.
К белым седельным лукам прикрепили коней,
Освободили пленных своих от ремней
И распахнули двери. Со всех сторон
Дробный посыпался колокольчиков звон.
В башню вступили где восседает нойон.
Разом склонили головы долу они,
И поклонились трижды престолу они,
И по своим расселись они местам.

Перешагнув через двести отборных бойцов,
И растолкав четыреста черных бойцов,
И надавав пощечин почти семистам,
Пленники сели в башне владыки Богдо.
Джангру они поклялись: «Великий Богдо!
На рубеже, где вспыхнут пожары войны,
Мы разольемся большим океаном твоим.
Будем конями служить великанам твоим.
Станем заплаткой твоей великой страны,
Только прими нас в цветущее ханство свое,
Только прими нас, нойон, в подданство свое».
«Пусть я владыка бессмертных племен земных, —
Джангар сказал, — но сперва попросите моих
Грозных богатырей, закаленных в боях
И воевавших во всех подлунных краях».
Тяжелорукий Савар поднялся тотчас.
«Вот наш подарок бойцам, просящим у нас! —
Руку к щекам силачей приложил, и само
Бумбы родной на них появилось клеймо, —
Хану турецкому передайте привет
И доложите: на год и тысячу лет
Стала подвластной Джангру ваша страна,
И ежегодную дань высылайте сполна». —

Так он сказал. И подданных новых своих
Джангар отправил домой, обещая мир
И возвратив турецких коней боевых.
Прерванный было наново начался пир…

До бесконечности продолжались пиры,
Бумба-страна воссияла из рода в род.
И в золотом совершенстве с этой поры,
В мире, в довольстве, в блаженстве с этой поры
Зажил могущественный богатырский народ.

Песнь десятая
О битве Мингйана с ханом Кюрменом



В пору, когда во славу обильной арзы
Клики гремели всей богатырской семьи,
Джангар сказал, не стыдясь внезапной слезы:
«Счастливы мы сегодня, друзья мои, —
Завтра, быть может, народы Бумбы святой
Будут раздавлены чужеземной пятой.
Знайте: под правым углом заходящих лучей
Мощного хана Кюрмена лежит страна.
Войско его состоит из одних силачей.
Некогда он покорил себе племена
Хана Узюнга — родного отца моего.
Ныне, когда в государствах мира всего
Имя мое прославляют, державу мою, —
Возненавидел он громкую славу мою.
Он говорит: „На бугристой тверди земной
Слишком прославлен Джангар,
единственный сын
Воина, некогда покоренного мной“.
Бумбу задумал завоевать властелин, —
Надо нам хана Кюрмена забрать в полон».

Справа сидящий, воскликнул Алтан Цеджи:
«Кто же поедет за ним? Нойон, укажи!» —
«Славный Мингйан поедет, — сказал нойон. —
Главный певец богатырского пира, Мингйан,
Первый красавец подлунного мира, Мингйан,
Ты полетишь на крепком соловом коне,
Ты приведешь Кюрмена живого ко мне!»

Молвил Мингйан, снимая шишак золотой:
«Помните, Джангар, пришел я к вам сиротой,

Вотчину бросив свою, людей и стада.
Вы, осчастливив меня, сказали тогда:
„Будешь ты нежной усладой бойцов моих,
Будешь ты первым из первых певцов моих…“

Вот оно, Джангар, сказалось безродство мое!
Как вы решились послать меня одного
В край чужеземный, забыв про сиротство мое!
Нет у меня под этой луной никого,
Сгонит могучий противник со свету меня.
Йах! Ни сестер, ни братьев нет у меня, —
Что выходили бы вместе, встречая меня,
Что напоили бы чашкою чая меня!»
И зарыдал он, горем своим обуян.

«О запевала Бумбы, красавец Мингйан! —
В ставке раздался голос Алтана Цеджи. —
Ты поезжай, за судьбу свою не дрожи.
Если сумеешь — захватишь Кюрмена живым,
А не сумеешь — с прекрасным даром своим
Даже в плену будешь первым из первых певцов!»

Поднял Мингйан, услыхав слова старика,
Желтую чашу: семьдесят сильных бойцов
Вряд ли поднимут ее! Шумит арака
В теле могучем, сжата в кулак рука, —
Крикнул, неистовый, друзьям боевым:

«Если пролью богатырскую кровь свою —
Обогатится земля глоточком одним,
Высохнут кости мои в далеком краю —
Обогатится горсточкой праха всего…
Эй, коневод, побеги скорей на луга,
Эй, коневод, оседлай Алтана Шарга
И приведи сюда скакуна моего!»

В травах душистых, у холода чистых вод,

Бегал Соловый. Привел его коневод
И оседлал у чешуйчатых светлых дверей.
Добрый скакун снаряжен по законам страны.

Вот попрощался Мингйан с нойоном страны.
Выслушав пожелания богатырей,
Благоухающие, как лотос в цвету,
Славный Мингйан вскочил на коня на лету.
Перевалил Мингйан курган-перевал, —
Холмик заметил. Остановился на нем,
Спешился, перед соловым уселся конем,
Повод к седлу привязал он и зарыдал.
Видит он: что-то чернеет в тумане степном.
Это несется Цеджи на Улмане своем.
Знают во всех государствах света его!
Вот развеваются полы бешмета его
Над скакуном, развевается борода…

«Бедный Мингйан мой, — сказал он, — иди сюда»
И, на колено правое посадив,
В правую щеку Мингйана поцеловал,
И, на колено левое посадив,
В левую щеку Мингйана поцеловал.
«Я помогу тебе, милый Мингйан, — он сказал. —
Огорожу тебя, славный певец, от беды.
На девяностые сутки своей езды
Первого ты повстречаешь врага, — он сказал. —
Это — небесный верблюд, по прозванью Хавсал.
Если скрипит он зубами, пищу жуя, —
Пышет во рту десятиязыкий пожар.
Здесь, богатырь, и нужна умелость твоя:
Должен ему нанести ты смертельный удар!

Дальше проскачешь три месяца п**о** полю ты,
Три величавых заметишь тополя ты.
Выйдет к тебе пятьсот невесток и дев.
Яства на тысячу разных вкусов у них,

Лица — святых, но сердца — шулмусов у них!
Выход один: на красавиц не посмотрев,
Повод коня отпусти — Алтана Шарга:
Он уже знает, как унести от врага.

Минет еще три месяца, — встретишь в степи
Двух желтокрылых ужасных ос… Поступи
Так же, как прежде: дай волю Алтану Шарга,
Помни: Соловому жизнь твоя дорога.
Если живым доедешь до ставки врага —
Помни: живет у Кюрмена девица одна,
Ханши служанка. Ей можешь открыться: она
Джангрова родственница и ханская дочь.
Должен ты свидеться с ней: сумеет помочь!»

Так ясновидец сказал. Приложив сперва
К белому лбу священный мирде-талисман,
Мудрый Цеджи произнес такие слова:
«Да повернешь, по обычаям предков, Мингйан,
Повод коня золотой. Победив в бою,
Да возвратишься ты в Бумбу, страну свою!»

Сели богатыри на могучих коней.
Мудрый провидец пустился в обратный путь.
Резвый Соловый помчался, выпятив грудь,
Не замечая ночей, не считая дней,
Надвое силой дыханья деля траву.
Красная пыль поднялась, уперлась в синеву.
Так богатырь девяносто дней проскакал.
Близилось время к полудню. Увидел Мингйан:
Мчится к нему небесный верблюд Хавсал,
Десять огней полыхает в огромном рту.
Резвый Соловый, ужасом обуян,
Остановился, весь в холодном поту.

Голову поднял Мингйан скакуна Шарга,
Повод его золотой к седлу привязал,

С черной нагайкой своей побежал на врага.
Справа пытался Мингйана схватить Хавсал, —
Кинулся влево Мингйан и одним прыжком
Между горбами двумя оказался верхом.
Морду направо сворачивает Хавсал, —
Влево тогда наклоняется богатырь.
Морду налево сворачивает Хавсал, —
Вправо тогда наклоняется богатырь.
Вынул Мингйан смертоносный меч из ножон,
Сталью взмахнул — у верблюда
лоб размозжен,
Падает он с окровавленной головой.
Вот он покрыл половину степи вековой,
Перегораживая девяносто рек.
Чтобы скорее пройти, богатырь отсек
Голову; срезав горбы, зажарил потом
И, подкрепившись, поехал прежним путем.

Ровно три месяца мчался п**о** полю он.
Три величавых заметил тополя он.
Девушки, жены выходят из тени к нему.
Яства несут, и доносится пенье к нему:
«Голод, старший наш брат, утолите вы,
Жажды великий пожар погасите вы!»
Вспомнил Мингйан разумного старца слова,
Волю Соловому дал. Запрядал сперва,
Будто бы перепугавшись, Алтан Шарга,
В ужасе мнимом отпрянул на два шага,
На небо прыгнул одиннадцать тысяч раз,
Наземь он спрыгнул одиннадцать тысяч раз,
Не дал опомниться женам, скрылся из глаз!

И повторяли бесовки в досаде тогда:
«Мы на дорогах стояли в засаде всегда,
Целый тюмен приходил — мы хватали тюмен,
Десять тюменов — и тех забирали в плен.
Если сумел он ловкостью нас превзойти,

Если сумел он уйти — пускай на пути
Больше не встретит преград, не встретит засад,
Благополучно да возвратится назад!»

И, прославляя создателя Бумбы своей,
Дальше помчался Мингйан. Когда же ездок
К цели приблизился на девяносто дней,
Дождик закапал. Затрепетал ветерок,
Блестки рассыпались радужной полосы,
И, беспрерывно меняясь местами, вдали
Тучи, две черные тучи по небу шли
И превращались в две желтокрылых осы.

«Предупреждал об этом провидец меня», —
Вспомнил Мингйан. Отпустил он поводья коня,
И поскакал золотоволосый его.
Снизу пытались ужалить осы его —
Делал он вверх одиннадцать тысяч прыжков.
Сверху пытались ужалить осы его —
Делал он вниз одиннадцать тысяч прыжков.
Изнемогая, свалились тогда с высоты
Желтые осы, ушибли свои животы.
К ним возвратиться Мингйан повелел коню.
И желтокрылых тварей он предал огню.

И, помолившись творцу родимой страны,
Воин подумал: «Победа! Теперь не страшны
Недруги, названные святым стариком…»
И натянул он ремни золотой узды,
И полетел жеребец, как брошенный ком.
После двенадцатидневной быстрой езды
Гору плешивую всадник увидел вдруг
С белой вершиной, лицом обращенной на юг.

Всадник взобрался наверх, чумбур растянул,
Ноги Соловки согнул, на землю взглянул
Взором пронзительным кречетовых очей.

Он увидал: под углом заходящих лучей
Высится башня, похожая на орла,
Перед полетом расправившего крыла,
Светятся окна из огненного стекла,
И в небосвод упираются купола…
«Кто же владелец башни, — подумал Мингйан, —
Видимо, тоже один из властителей стран,
Видимо, тоже один из могучих владык,
Видимо, тоже отважен, богат и велик.
Разве такого смогу победить врага?»
Так вопрошая, плакал прекрасный Мингйан.
Крупные слезы текли — за серьгою серьга.

С белой вершины сошел, наконец, великан.
Он отпустил своего Алтана. Шарга
К водам прохладных ключей,
на зеленый простор.
Вырвал сандаловый ствол и развел костер,
Чаю сварил, навес над собой развернул,
И, раскрасневшись, как жимолость,
воин заснул
И на земле растянулся, как цельный ремень.
И молодой богатырский сон, говорят,
Длился тогда сорок девять суток подряд.

Только лишь пятидесятый начался день,
Воин проснулся. Взглянул он прежде всего
На скакуна своего — и не верит глазам:
Кажется, с пастбищ сейчас привели его!
И подошел он к ручью, погляделся: и сам
Стал он таким же, каким перед выездом был.
И засмеялся, печали свои позабыл,
И превратил коня в жеребенка потом,
И превратил он себя в ребенка потом,
И в государство хана Кюрмена вступил.
Ехал впритруску, двухлетку не торопил.
Там, где давали побольше, там ночевал,

Там, где давали поменьше, там он дневал.
Прибыл в цахар, когда еще было светло.

Ясная, как луны золотое стекло,
Вышла девица: видимо, в башне жила.
Остановил он коня, чтобы мимо прошла,
Но побежала девица навстречу ему.
Он поскакал, чтоб осталась она позади, —
Рядом бежит, обращается с речью к нему:

«Старший мой брат, не спеши, мой нойон, погоди,
С благополучным приездом поздравлю тебя
И безошибочно к цели направлю тебя», —
«Девушка, с виду кажетесь кроткою вы,
А посмеяться непрочь над сироткою вы,
Над мальчуганом без матери, без отца.
Если, девица, для шуточек вздорных вам
Недостает покорного молодца,
Трудно ль такого найти средь
придворных вам?» —
С гневом притворным ответствовал мальчуган.

«Сразу тебя признала я, славный Мингйан,
Первый красавец вселенной! Ты — исполин
Бумбы нетленной, и Джангар — твой властелин
Послан сюда нойоном на гибель врагу.
Можешь открыться мне, воин, я помогу».

«Верно, — Мингйан отвечал, не слезая с коня. —
Послан я Джангром сюда, нойоном своим.
Верно и то, что Мингйаном зовут меня.
Должен я Джангру доставить Кюрмена живым.
Что предпринять? Помогите, красавица, мне.
С хитрым врагом помогите справиться мне».

«Та, про которую, мой прекрасный Мингйан,
Мудрый Цеджи тебе говорил, это — я.

Все расскажу тебе, ничего не тая.
Этот Кюрмен — воистину сильный хан,
Этот Кюрмен — один из могучих владык,
Принадлежит ему света четвертая часть.
Ханский очир, железную ханскую власть,
Белый Мудрец охраняет — древний старик.
Как-то в один из тихих степных вечеров
Вышел из башни старик. На звездный покров
Он посмотрел и, вернувшись, хану сказал:
„Видишь, оттуда, — и на восток указал, —
Воин великого Джангра прибыл уже.
Ханство в опасности. Будем настороже“.

„Кто же из этой забытой на тверди земной,
Слабой страны Узюнг-хана,
разгр**о**мленной мной,
Кто же со мною вступить осмелится в спор?
Правду всегда говорили вы до сих пор,
Даром провидца мой просветляя народ,
Все, что случится, ведали вы наперед.
Ваши слова — не пустые слова ли теперь?
Мудрости вашей года миновали теперь,
Старости вашей теперь наступили года!“

Так и не принял хвастливый Кюрмен тогда
В бедный свой ум старика разумного речь.
Старец не смог властелина предостеречь.
Вот почему я встречаю тебя, Мингйан!
Если ты снимешь с Кюрмена мирде-талисман —
Станет слабее дитяти грозный Кюрмен,
И ничего не стоит взять его в плен;
Если не снимешь — никто не осилит его
Между двуногими нашего мира всего.
Ночью приди на пиршество богатырей
И, превратив дорогого коня своего
В косточку, альчик,
оставь у наружных дверей.

Если ты снимешь обличье Будды с груди —
Хана вяжи; не снимешь — к ногам припади
И попроси, чтоб испытывать начал тебя,
Лучшим из лучших певцов назначил тебя.
Духом не падай, надейся на помощь мою».

И возвратилась девица к себе домой.
Славный Мингйан в безмолвной тиши ночной
Чудо содеял: себя превратил в змею
И ко дворцу Кюрмена тотчас же подполз.
Мимо наружной и внутренней стражи прополз,
Щелку нашел он и юркнул в ханский покой.
Перед иконой горел светильник святой,
Отсвет его на стене над престолом дрожал,
А на священном ложе Кюрмен возлежал,
И не поймешь его — спит он или не спит.
Острый булат на груди, как солнце, слепит,
Слева от хана левый находится ад,
Справа от хана правый находится ад,
Барс и гиена с обеих сторон стоят,
Прыгнут — ничто не сумеет тебя спасти.

Смотрит на них Мингйан, и дрожит Мингйан,
Что-то заныло в груди, заныло в кости,
Горько заплакал он, ужасом обуян.
Долго поднять испуганных взоров не мог.
Поднял — и что же? Видит: паук-осьминог
С ханской груди снимает святой талисман.
Понял Мингйан: перед ним не простой паук!
Спрыгнул паук — превратился в девушку вдруг.
Разом знакомку свою признает Мингйан!
Девушка направляется к богатырю
И на него надевает святой талисман.
«Воин, запомни то, что сейчас говорю:
Барс и гиена заснули, не встанут, поверь;
Их усыпила я на сорок суток теперь;
Я до рассвета должна расстаться с тобой:

Выйду, вступлю со стражей внутренней в бой,
Ты же, по правилам веры, в ночной тиши,
Дело благое свое, Мингйан, заверши
И постарайся покинуть башню к утру».

Вышла. Мингйан испил благодатной арзы.
Огненная вода разлилась по нутру,
Вспыхнули в зорких глазах зарницы грозы.
Соединил для молитвы ладони Мингйан,
И поклонился грозной иконе Мингйан,
И потушил светильник пальцем одним,
И, подойдя к владыке, склонился над ним,
И закричал он, вынув булат из ножон:
«Будешь, Кюрмен, не моей рукой поражен —
Это великий Джангар тебя покарал!»

С этим вонзил он в живот блестящий булат
И повернул его семьдесят раз подряд.
От неожиданной боли Кюрмен заорал,
Бросил с размаху противника в правый ад —
Тот устоял на мизинце правой ноги.

Бросил с размаху противника в левый ад —
Тот устоял на мизинце левой ноги.
Стали тогда врукопашную биться враги
В ханском покое, погруженном во тьму.
Бросил Мингйан Кюрмена к противной стене:
Без талисмана не страшен Кюрмен никому!
Руки и ноги скрутив на ханской спине,
Хана Кюрмена сунул в большую тулму.

Он увидал, распахнув двенадцать дверей:
Травы росою покрылись утренней там,
Девушка билась со стражей внутренней там, —
С доблестной ратью Кюрменовых богатырей,
С грозным тюменом она сражалась одна.
Славный Мингйан перепрыгнув через поток
Пеших и конных, попал в седло скакуна,
И превратилась девушка в желтый платок,
Над изумленным войском взметнулась она,
За пояс богатыря заткнулась она.
Наш богатырь нагайкой ударил коня.
На расстоянье пробега целого дня
Ставил свои передние ноги скакун.
Задние ноги ставил в дороге скакун
На расстояние в целый ночной пробег.
Если же сбоку смотрел на него человек —
Чудилось: выскочил заяц из муравы.
Травы степные тонули в красной пыли.
Пламя ноздрей обжигало стебли травы.
Мчался Шарга, подбородком касаясь земли,
А подбородок стальной опирался на грудь…

«До расстоянья в двенадцать дней и ночей
Мы сократим двенадцатимесячный путь», —
Молвила девушка и подняла суховей,
Страшному ветру степному велела подуть.
Ветер подул за хвостом Алтана Шарга —
Вот уже мысли быстрей Соловый летит!

Всадники вдруг услыхали топот копыт.
Это Мерген догонял их — Кюрмена слуга.
Молвила девушка, сразу признав врага:
«Дайте мне ваш Кивир — знаменитый лук.
Если на горле застежки Мерген отстегнул —
Мы победим главаря Кюрменовых слуг.
Если ж на горле застежки Мерген застегнул
Плохо, Мингйан, окончатся наши года».

Девушка синий лук натянула тогда,
Через плечо поглядела в степную ширь.
Видит она: из-за сильной жары богатырь
Обе застежки на горле своем отстегнул!
В желтое горло вонзилась тогда стрела
И богатырскую голову сорвала.
Враг обезглавленный повод коня повернул,
Спешился, в черную землю саблю воткнул
И обмотал поводья вокруг колен…
Саблю сжимая, дух испустил Мерген.

Славный Мингйан велел возвратиться коню,
Спрыгнул на землю, с убитого снял броню,
Воина зла, чародея, он предал огню,
Вражеского жеребца повел за собой.
На девяностые сутки слез у дверей
Джангровой башни, покрытых
искусной резьбой.
Вышло навстречу множество богатырей,
И развязали они большую тулму.

Освободили Кюрмена, сказали ему:
«Справа садитесь, на восьминогий престол».
Слушать не стал их Кюрмен и дальше пошел,
Сел он повыше Джангра Богдо самого!

Семеро суток длилось уже торжество,
Молвил в разгаре пиров могучий Кюрмен:
«Много я вижу в этой стране перемен!
Сын Узюнг-хана, Джангар великий, владей
Этой прекрасной землей бессмертных людей».
И, провожаемый всей богатырской семьей,
Этот могучий Кюрмен уехал домой.

Возобновилось в ханском дворце торжество.
Молвил Алтан Цеджи, богатырь и пророк:
«Милый Мингйан, покажи-ка мне желтый платок,
Что из кармана выглядывает твоего».
Вынул Мингйан платок, и у всех на глазах
Девушка появилась такой чистоты,
Девушка появилась такой красоты,
Что потускнело солнце на небесах!
Справа, пониже ханши Ага Шавдал,
Девушка села, и каждый тогда увидал:
Ханшу затмила она сияньем своим…
«В жены красавцу — красавицу отдадим,
Пусть она будет Мингйану доброй женой! —
Крики послышались. — Доблестный воин
Мингйан!» —
«Слишком заслуги ее велики предо мной, —
Молвил Мингйан, — ее недостоин Мингйан:
Неоднократно спасала мне душу и честь.
Равным красавице я не могу себя счесть,
Девушку эту назвать не посмею своей».

Эти шесть тысяч двенадцать богатырей,

Долго советуясь, изрекли приговор:
«Сын ясновидца, отважный Аля Шонхор
Пусть эту девушку спутницей изберет».
И богатырские снова пошли пиры,
Бумбы страна воссияла из рода в род…

И в золотом совершенстве с этой поры,
В мире, в довольстве, в блаженстве с этой поры
Зажил могущественный богатырский народ.

Песнь одиннадцатая
О поражении свирепого хана шулмусов Шара Гюргю

Так он устроен: имел он пред собой
Бумбой зовущийся океан голубой,
Тот океан государство пересекал,
Море к тому океану стремило прибой;
Высился он меж двенадцати гор-клыков
И в межеустье реки Стеклянный Сандал;
Расположился на скате хребтов седых;
Был он — великого Джангра дворец — таков:
Стоил он семьдесят саев семейств людских.
Было в нем восемьдесят решеток складных,
Нежною красною краской покрасили их,
Бивнями крупных слонов разукрасили их,
Смазали жиром девственного зверья.

Было по десять сотен на каждой из них
Острых стропил, тисненных клыками львов,
Были же сделаны этих стропил острия
Из одинаково растущих сандалов цветных.
Двери дворца — из могучих сандалов цветных,
Дымники — из пахучих сандалов цветных,
Прутья под войлоком выложены серебром,
Чистым таким, как сиянье Джангра Богдо!

Тысячестворчатый вырос забор кругом,
Восемьдесят изваяний Джангра Богдо
Было на каждой створке его золотой.
И восхищали створки искусной резьбой,
Изображавшей двенадцать богатырей,
Избранных, Бумбы прославленных сыновей
С Хонгром львиноподобным своим во главе.
Шлем золотой у каждого на голове,
А на бедре нарисован меч, говорят,
Десять огненных лезвий в ножнах горят,
В твердой руке зажат золотой черенок.
Грозные лезвия обнажены на вершок, —
Кажется, что приготовились к бою бойцы!
Так благодарным народом славной страны

Увековечены были резьбою бойцы,
Избранные из тюменов народа сыны,
Оберегавшие родину крепкой стеной
От ненасытных, что рады край их родной
Опустошить, подобно заразе чумной.

К югу от башни, где берег зелен лежит,
Где голубой океан беспределен лежит,
Десять раз десять тысяч молелен стоит.
В самой средине белый покатый хурул,
Благочестивого Джангра богатый хурул,
С благостной верой неразделен, стоит,
Жили бесчисленные шебенеры там,
Под покровительством Джангровой веры там,
И ничего не деля на мое и твое,
Славили в песнях радостное бытие.

К северу разбежались пространства Богдо,
Их населяло несметное ханство Богдо,
Не умещающееся в пределах земли.
Семьдесят две реки по стране текли.

Бумбой звалась благодатная эта страна,
Ясная, вечно цветущего лета страна,
Где не ведают зим, где блаженно все,
Где живое бессмертно, нетленно все.
Где счастливого племени радостный мир,
Вечно юного времени сладостный пир,
Благоуханная, сильных людей страна,
Обетованная богатырей страна.
В неувядающей блещет она красе.
Там и дожди подобны сладчайшей росе,
Освежающей мир, предрассветной порой
Освещаемый неугасимой зарей.
Волны зеленой травы бесконечны там.
Вольные, легкие дни быстротечны там.

Время проводят в пирах, не бедствуют там.
Если же спрошено будет: «Кто из людей
Этой страны владетель?» — ответствуют там:
«Будучи трехгодовалым — трех крепостей
До основанья разрушивший ворота;
И на четвертом году — четырех крепостей
До основанья разрушивший ворота,
Переломавший древки сорока знамен;
И пятилетним — пятидесяти знамен
Переломавший древки, пяти крепостей
До основанья разрушивший ворота;
Лета шестого достигнув, — шести крепостей
До основанья разрушивший ворота,
Хана Зулу подчинивший державе своей,
Одинокий на этой земле сирота;
В лето седьмое жизни — семи крепостей
До основанья разрушивший ворота
И победивший хана восточных степей —
Злого мангаса, пред кем трепетали враги;
Взявший власть в свои руки из рук Шикширги;
И в одиночестве свой разводивший очаг;
И не лелеемый днем, не хранимый в ночах;
Не обладавший даже остатком хвоста,
Чтобы сумел удержаться внизу — сирота, —
Редкою гривой, чтоб удержаться вверху.[9]
Неоперившийся, в комлях еще, в пуху,
Слабый орленыш, паривший под солнцем один…

Но и не мужа простого воинственный сын, —
Славного Зула-хана потомок прямой,
Славного Узюнг-хана единственный сын
В битву вступивший даже со смертью самой;
Родине счастье давший, врагов разогнав;
Названный Джангром; круглым слывя сиротой,
Ставший двенадцати западных стран мечтой
И сновиденьем семи восточных держав,
И упованьем владык четырех сторон, —

Имя чье — Джангар державный, великий нойон —
Всюду прославлено, и вблизи и вдали,
Эхом лесным отдается в ушах земли».

И еще вопрошающим скажут потом:
«Восседающий в белом покое своем
Под балдахином шелковым, цвета зари,
И вдавивший свой локоть в подушку лаври,
И глядящий на землю свирепым орлом, —
Джангар владеет этой нетленной страной,
Этой бессмертной, благословенной страной!»

На берегу океана, что снега белей,
На бесподобном скате горы ледяной,
В самом стыке семи священных морей,
Желтая башня высится над крутизной.
На золотом она основанье стоит,
На сорока подпорах в сиянье стоит,
Сорок ее поддерживают столбов,
И украшают чистейшие чиндаман**и**.
Стройно ступени бегут, опираясь на львов,
Красные стекла окон горят, как огни,
В рамах из красных сандалов пылают они.
Купол увенчан скипетром из серебра,
И разукрашена бумбулва бахромой,
Чьи золотые махры развевают ветра.

Если же спрошено будет: «Кто из людей
Башней владеет?» — ответ найдется прямой:
«Скакуна приучивший к борьбе силачей,
Лютых врагов поражать приучивший копье,
Приучивший, подобное тетиве,
К всевозможным лишениям тело свое;
Восьмивековый, со снегом на голове, —
Башней владеет старик Шикширги издавна,
Перед которым трепещут враги издавна!»

К югу от башни, в зеленой долине, — там
Множество златостенных молелен стоит.
Белый покатый хурул посредине там,
С благостной верою неразделен, стоит.
Это — хурул седокудрого Шикширги.
Под покровительством мудрого Шикширги
Неисчислимые шебенеры живут,
В благоуханье истинной веры живут,
И ничего не деля на мое и твое,
Славят в напевах радостное бытие.

Синей водой омываемая морской
И голубой орошаемая рекой,
Не умещающаяся в пределах земли, —
Расположилась, теряющаяся вдали,
Вотчина многотюменная Шикширги,
Вотчина благословенная Шикширги.
Люди его сопричастны счастью его,
И благоденствует всё под властью его.

В самом предгорье, словно воздух, легка,
Дивная башня белеет издалека,
О красоте которой сложили рассказ,
Ставший излюбленным чтеньем
двенадцати стран,
К югу от башни, в кругу зеленых полян,
Сорок молелен стоит, окружая хурул.
Это — владетеля горного края хурул,
И пребывает пятьсот шебенеров там,
Истинной веры собранье примеров там,
И, ничего не деля на мое и твое,
Славят святое, радостное бытие.

К северу от бумбулвы долина видна,
Вотчина мудрого властелина видна,
Люди его сопричастны счастью его,
И благоденствует всё под властью его,

Время проводят в пирах, не бедствуют там.
Если же спрошено будет: «Кто властелин
Этой чудесной земли?» — ответствуют там:
«Богача Алтан-хана единственный сын,
Богатырь светлоликий Алтан Цеджи,
Ясновидец великий Алтан Цеджи, —
В битвах еще не терпел поражения он,
Не проиграл ни разу сражения он!»

Там, где черный, глубокий шумит океан,
Есть гора, что зовется Гюши-Зандан.
У подножья горы берега хороши.
Там блестит, как жемчужина, башня Гюши.
Описание башни, стоящей в тиши,
Стало чтеньем излюбленным тысячи стран,
К югу от башни, в кругу зеленых полян,
Множество великолепных молелен стоит,
А посредине — белый покатый хурул,
С благостной верою неразделен, стоит.
Сразу видать: это — самый богатый хурул.
И пребывает пятьсот шебенеров там,
Истинной веры собранье примеров там,
И, ничего не деля на мое и твое,
Славят святое, радостное бытие.

А на север от башни пространство легло —
Это Бумбы несметное ханство легло,
Не умещающееся в пределах земли.
И опирается ханство, теряясь вдали,
На бесконечно темнеющий океан.
В башне Гюши, говорят, пребывает хан,
Люди его сопричастны счастью его.
И благоденствует всё под властью его.
Время проводят в пирах, не бедствуют там.
Если же спрошено будет: «Кто из людей
Башен и вотчин владетель?» — ответствуют там:

«Знамя державы держащий в руке своей,
Во всеуслышанье провозгласивший: „Мои
Все племена, все богатства, все страны земли!
Славного хана Узюнга единственный сын —
Джангар-сиротка — этой страны властелин!“»
Буйно шумел у державы могучей в ногах
Бумбой зовущийся океан-исполин.
В сутки бывало на гладких его берегах
П**о** три прилива и п**о** три отлива всегда.
Утром навстречу ветру стремилась вода
И наносила россыпи чиндамани:
Сразу желанья людей исполняли они;
Только вечерняя наступала пора,
Как начинался в другом направленье прилив,
И прибывала вода, берега покрыв
Множеством зерен золота и серебра.

В пору полудня, когда тяжелеет зной,
С пеной у рта боролась волна с крутизной.
Вился, тоской обуян, седой океан
В сто девяносто тысяч бэря глубиной.
Был он таким широким, что балабан
Среброголовый, с багряно-белым крылом,
С барсовым сердцем,
в битвах сходный с орлом,
Птица, что может покрыть, в небесах паря,
Взмахом единым крыл девяносто бэря,
Птица, которой не страшно бремя пути, —
Трижды снесла бы яйца во время пути, —
А не сумела бы перелететь океан,
На полдороге бы затонул балабан, —
Так, именуемый Бумбой, широк океан…
Был властелинам знаком чужестранным он,
Слыл у них Джангра Богдо океаном он,
И только снился завистливым ханам он.

А в головах державы стояла гора.
С запада глянешь — напоминала гора
Крылья расправившего седого орла,
Со стороны же востока похожа была
На престарелого льва, раскрывшего пасть.
И выделялась горы серединная часть,
И называлась белейшей горой Манхан,
И оставалась мечтой двенадцати стран…

Эта держава богоизбранной была,
Мощной, семидесятиханной была,
Сколько могущественных было ханов там,
Столько же было больших океанов там,
Все это были Джангра владения там…

Месяцы начинались весенние там.
И повелел Гюмбе, знаменитый герой,
Карего, точно котел, оседлать коня,
Чтобы поздравить Джангра с

Цаган Сарой.

Ехали вместе с Гюмбе, бронею звеня,
Славных его три тысячи богатырей,
Шумной толпой понеслись, спеша поскорей
Джангра-владыку поздравить с Цаган Сарой,
С выходом из холодов, с весенней порой.
Вдоль океана неслись, и за ними вдали
Пыль поднималась, и в красной высокой пыли
Скрылись просторы желтой прибрежной земли.

Только узнал ясновидец Алтан Цеджи,
Что собираются люди у хана сейчас,
Отдал приказ ясновидец Алтан Цеджи,
Чтоб оседлали его Улмана сейчас,
И поскакал богатырь долиной своей,
Сопровождаемый храброй дружиной своей,
Стражей трехтысячной, что спешила скорей
Джангра-владыку поздравить с Цаган Сарой,
С выходом из холодов, с весенней порой.
Перевалили хребты сандаловых гор,
В красную пыль погрузили степной простор.

Следом за ними выехали до зари
Все остальные желтые богатыри, —
Были дружинам тесны пределы земли.
Через вершину, зовущуюся Толи,
Воины мчались шумной, веселой толпой,
Семьдесят две реки заполняя собой.
И заполняли тюмены Джангровых слуг
Белую гору Йонхор, кривую, как лук.

Спрашивали тогда друг у друга бойцы,
Избранные из каждого круга бойцы:
«Кто же отсутствует в золотой бумбулве?»
И прозвучал вопрос громогласный тотчас:
«Где же ухватистый Хонгор Красный сейчас,

Где же владелец прекрасной башни Бамбар,
Что на прибрежье Сладкого моря видна?»

А в это время владелец башни Бамбар,
Что на прибрежье Сладкого моря видна,
Хонгор, Лев быстроглазый, приказ отдает:
«Тридцать пять барсов —
семья великанов Богдо,
Ханы семидесяти океанов Богдо,
Видимо, съехались у дворцовых ворот,
Сивого Лыску мне оседлай, коневод!»

Выбежал коневод за ограду дворца,
Вмиг оседлал он игренего жеребца,
Не нарушая истинных правил притом,
И скакуна своего направил потом,
Как приказал ему Хонгор, к тучным лугам,
Шелковый приторочив аркан к торокам.
Триста бойцов с коневодом помчалось вперед.

Десять тюменов — самых отборных пород —
Сивых лысок хангайских собрал коневод
У голубых верховьев реки Харгаты, —
Сильных коней удивительной быстроты.

Гору проехал он девичьей белизны,
Мимо обрывов невиданной крутизны,
И показаться могло, что подул ураган, —
Это пригнал он к разливам Кюнкян-Цаган
Десять тюменов хозяйских быстрых коней,
Десять тюменов хангайских быстрых коней.

В мелкий песок превращая глыбы камней,
Мчались ущельями гор табуны коней.
Остановились у холода светлых вод,
И, выделяясь из прочих лихих скакунов,
Лыско прекрасный, уши вонзив в небосвод,

Взор устремляя к верхам далеких хребтов,
Гордо стоял, предвидя событий черед,
К разным уверткам готовясь уже наперед.

Белый, как девушка, молодой коневод
Ехал по склонам, кличем бодрым звеня.
Тысячу раз он ударил по бедрам коня.
Статный подпрыгнул на месте игрений конь,
Сразу помчался в серебряной пене конь
Так, что казалось, расплющил копыта совсем,
Сбруи железо, казалось, разбито совсем!

И коневод, подбоченясь одной рукой,
Длинный аркан отцепив рукою другой,
Разом скрутил его в десять тысяч витков,
И к табунам подъехал близко тогда,
И наскочил на гущу лихих косяков,
Где находился прекрасный Лыско тогда.
Лыско пригожую голову мигом прижал
К тонким, высоким ногам и легко пробежал
Между ногами высокорослых коней,
Перескочил через низкорослых коней
И поскакал поверх невысоких трав.
Так поскакал он, голову так задрав,
Что не задел его белой, как вата, спины
Шелковый толстый аркан огромной длины,
Всадником ловким удерживаемый с трудом
Меж указательным и наладонным перстом.

Лыско под небом скакал, как стрепет, летуч.
Лыско носился пониже трепетных туч,
Камни могучие низвергая с горы,
Но коневоду, на скате Хангая-горы,
Все ж удалось арканом огромной длины
Белой, как вата, коснуться конской спины,
Перехватив ремни прекрасных стремян.
Так молодой коневод натянул аркан,

Что искривилось правое стремя там,
В землю вонзилось левое стремя там!..

Конь коневода стоял в это время там
Грудью вперед, подбородком касаясь тропы
И упираясь копытами в прах земной,
Будто копыта его — стальные столпы!
Длинный аркан, в человечий стан толщиной,
Был коневодом натянут, как тетива,
Сделался тонким, как жила, держался едва,
Так и казалось: он оборвется вот-вот!

Спрыгнул с коня своего молодой коневод.
Длинный аркан наматывая без конца,
Он осторожно добрался до бегунца,
Спину погладил, как вата, белую, он.
Крепко схватил пятернею смелою он
Вздрагивающую, ровную челку коня.
Шелковый повод накинул на холку коня —
Тонкой работы, прекрасного образец.
Бросил уздечки из лхасского серебра
И золотые метнул удила, наконец.
Сивому Лыске по сердцу эта игра!
Он удила золотые поймал на лету
И золотыми клыками сверлил их во рту.
И коневод, закрепив узду ремешком,
Повод на гриву прекрасную положа,
Сивого Лыску повел спокойным шажком,
За цельнослитный чумбур скакуна держа,
К берегу моря, где башня Хонгра стоит.

Лыско подумал: «Иду к великану я,
Дай-ка приму поскорее достойный вид.
Как надлежит, перед Хонгром предстану я!»
Поднял он хвост, как будто красуясь хвостом,
И облегчился от лишнего груза потом,
Красный живот подтянул он гладкий потом,

И жировые разгладил он складки потом.
Самым красивым из множества сивок стал.
С выгнутым жёлобом сходен загривок стал,
Челка, достигшая зорких, прекрасных глаз,
Стала траве-неувяде подобна сейчас.

Всю перенес он к крестцу красоту свою.
Всю перенес он к глазам остроту свою.
К твердым копытам своим — быстроту свою,
К белой груди — все, что было игривого в нем,
К стройным ногам — все, что было ретивого в нем.
С гладкими ребрами бегунец боевой,
С гордо посаженной, маленькой головой,
С парой прекрасных, подобных сверлам, очей,
С парой ножницевидных, высоких ушей,
С мягкой, изнеженной, как у зайца, спиной,
С грудью широкой такой, как простор степной.
С парою, как у тушкана, передних ног,
Напоминающих на скаку два крыла,
С парой чудесных, стремительных задних ног,
Вытянутых, как ученые сокола
Вытянутся, лишь наступит охоты час, —
Лыско подумал, до башни дойдя: «Вот и час
Пробил, когда седлать настала пора!»

Только на Лыску набросили подпотник
Из настоящего лхасского серебра —
Лыско семь тысяч прыжков проделал здесь.

Только набросили желтый, как знамя, потник —
В землю скакун уперся, затрясся весь,
Стал он глазами вращать, дыша тяжело.
И, наковальне подобное, быстро легло
Н**а** спину сивого Лыски большое седло.

Только ремень от седла протянулся под хвост —
Бешеный Лыско подпрыгнул до самых звезд!

Но коневод собрал свою силу в руках
И катаур натянул о восьми язычках, —
И, точно плетка, скрутился весь катаур,
Складками жира покрылся весь катаур.
И заскакал на месте красивый скакун,
Блещущий сбруей хангайский сивый скакун, —
Крепко держал его за чумбур коневод!
И, наконец, настал облаченья черед
И для хозяина алого, как заря.
Было таким облаченье богатыря:
Цвета травы-неувяды рубаха была;
Дивный бешмет из кожи кулана был;
Цвета железа, каленого добела,
Плотный терлек на плечах великана был.

Все это стягивал тонкий пояс резной,
В семьдесят лошадей пятилетних ценой…
Хонгор обулся в пару прекрасных сапог,
В пару сафьянных, кровяно-красных сапог
На стадвухслойчатых дорогих каблуках.
И, поворачиваясь на таких каблуках,
На голову надел он серебряный шлем —
Крепость его наковальне подобна была.

Богатыря обряжала, следя за всем,
Дочь Айилгата, ханша Зандан Зула, —
Около Хонгра кружилась, множество раз
Все примеряя на свой взыскательный глаз.
Ханша ему на бедро нацепила платок,
Благотворящей исполненный силы платок,
Каждый узор на шелковом этом платке
Стоил по меньшей мере двенадцать шатров.

Хонгор нагайку зажал в железной руке.
Внешний вид богатырской нагайки таков:
Было не стыдно держать исполину ее!
Мощные шкуры пятидесяти быков

Вложены были в сердцевину ее.
Мощные шкуры семидесяти быков
Теплою шубою покрывали ее.
Тысяча угловатых на ней ремешков.
Поочередно в тисках сжимали ее.
Избранные силачи нетленной страны,
Долго держали нагайку в слюне змеи.
Были искусно тесемки переплетены,
Словно узоры на скользкой спине змеи.
Снизу была снабжена ладонью стальной
В два толщиной и в четыре пальца длиной.
Всех ее пуговок сразу не сосчитать.
И сиротой выраставший — не в частом бору,
Семьдесят лун высыхавший на жарком ветру
Крепкий сандал пошел на ее рукоять.

Да, украшеньем нагайки была рукоять,
Но и нагайке дано рукоять украшать!
Хонгор помчался в красе багряной своей,
Сопровождаемый храброй охраной своей —
Было три тысячи в ней лихих силачей.
Над головами верных своих силачей
Хонгор на целое возвышался плечо,
А быстроногий скакун, дыша горячо,
Зная, что вырвется из рядовых коней,
Мчался, в пыли за собой оставляя путь
И выдаваясь на целую львиную грудь.

Так, дождевую напоминая грозу,
Ехали всадники вниз по теченью Зу.
И когда по раскрашенному тебеньку
Хонгор Багряный ударил на всем скаку
И отпустил поводья коня, наконец, —
Легкою тучкой от грузной грозы дождевой —
От рядовых коней отлетел бегунец
И поскакал между небом и мягкой травой.

Тьмою темневший у башни владыки Богдо
Необозримый народ великий Богдо,
Толпы самых прославленных барсов земли
Тихо беседу между собою вели:
«Там, где белеет Сладкое море вдали,
Тонет дорога в прозрачно-красной пыли.
Поднята пыль, очевидно, сивым конем.
Хонгор, сын Шикширги, несется на нем».

Все исполины Джангра на этом сошлись.
Вниз не успели взглянуть, не взглянули ввысь, —
Лев, оторвавшись от храброй дружины своей,
С громом пронесся придворных селений южней,
Северней Джангровой бумбулвы золотой,
Солнечным светом со всех сторон залитой.
Освободив от сафьянных сапог стремена,
С неутомимого сивого скакуна
Хонгор под знаменем желто-пестрым сошел…
Если на знамя Богдо надевали чехол,
То затмевало целое солнце оно.
Если же знамя реяло, обнажено, —
Семь ослепительных солнц затмевало оно!

Споря, толкаясь, к белым поводьям вдруг
Бросились дети бесчисленных Джангровых слуг
И обернули эти поводья вокруг
Белой седельной луки девяносто раз.
Из-под подушки треногу достали они.
Только стреноживать Лыску стали они,
Лыско брыкнулся четырнадцать тысяч раз
И, не по правилу, справа чумбур растянул.
Сталью тогда коневод ему ноги согнул.
Гривою с солнцем играя, взметая песок,
Сивый скакун потрясти, казалось, готов
Силой булатных копыт — владенья врагов!

Еле заметно, слегка, на правый висок
Хонгор серебряный шлем надвинул потом,
И рукава назад он откинул потом,
И по рядам удивленья гул пробежал:
Он, словно с вызовом, к белым ладоням прижал
Пальцы, исполненные десяти даров.
Смотрит народ, изумление поборов, —
Гордой горой стоит он у всех на виду!
И развевались, пленяя девичьи сердца,
Ханшей подстриженные в минувшем году,
Ханшей подправленные в текущем году,
Иссиня-черные волосы храбреца.

Темная шея с круглой башней сходна
И возвышается над необъятным хребтом,
Сильным и твердым, что крепостная стена, —
Мог бы верблюд холощеный резвиться на нем.
Серьги жемчужные несказанной красы
Переливались, прельщали игрою своей

И трепетали, подобно каплям росы,
У богатырских ушей, позади челюстей.
Грозен был черный прищур холодных очей.
Щеки горели, крови быка горячей.
Как ледяная скала, белело чело.
На самородное похожий стекло,
Беркутовый сидел между скулами нос.
Воин, которому в первый раз довелось
Хонгра увидеть, был бы весьма поражен!
А богатырские бедра одарены
Силою ста двадцати шулмусовых жен,
И двадцатисаженной они ширины.
Плечи могучие мощью орлиной сильны,

И сорокасаженной они ширины.
Тонкой была середина стана его!
Сказывают, всегда колыхалась слегка
Верхняя половина стана его…

«Верно, мы видим сейчас великана того,
Что именуется красным солнцем землиц» —
Так рассуждали бойцы, смотря издали.
Многие воины были там хороши,
А наглядеться на Хонгра они не могли!

Хонгор направился в сторону араши,
В ней обитал отшельник — лама Галдан.
Молча семь тысяч раз обошел великан
Келью святого, счастливого миром своим,
Несколько тысяч раз поклонился он.
Благословил его лама очиром своим.
Хонгор, покачиваясь, как сандаловый ствол,
Что в одиночестве рос, песком окружен, —
По направлению к Джангровой ставке пошел,
И загудели, завидев его издали,
Самые славные барсы вечной земли.

Хонгор вошел, сбросив занавес у дверей
И придавив отборнейших богатырей,
Перед владыкой-нойоном Хонгор предстал
И со счастливой поздравил Цаган Сарой.
Также поздравил он ханшу Ага Шавдал
С выходом из холодов, с весенней порой.
Сел он среди великанов нойона Богдо,
Слева, у самого выступа трона Богдо,
И положил на подушку великий смельчак
Свой, наковальне подобный, тяжкий шишак.

И подозвал молодого Хонгра к себе
Снами своими прославленный хан Гюмбе —
Необозримых владений могучий хан,
Роя людских сновидений могучий хан!
Хонгра себе на колени могучий хан
Тут посадил и поцеловал в щеку,
Молвил Гюмбе такие слова смельчаку:

«Силой своей остановишь, внушая страх,
Ста государств нападение, Хонгор мой!
Силой своей ты способен повергнуть в прах
Четверти мира владения, Хонгор мой!
Сила великой Бумбы родной — Хонгор мой!
Солнце, горящее над страной, — Хонгор мой!
Славишься всюду приветом и лаской ты!
Сделался стран многочисленных сказкой ты!
К вам обращаюсь, Джангар, великий нойон!
Истинной мудростью Хонгор ваш наделен.
Родине предан он, — сила в этом его,
Надо прислушиваться к советам его».
Хонгор опять уселся у трона Богдо,
Слева, среди силачей нойона Богдо.
Кто ж они, с левой сидящие стороны,
Избранные, нетленной Бумбы сыны?
Это — несметных владений могучий хан,
Роя людских сновидений могучий хан,

С нами своими прославленный хан Гюмбе.
Силой прославленный, непобедимый в борьбе,
Высится Хонгор следующим за Гюмбе.

Далее восседает Хавтин Энге Бий,
Ловкостью знаменит исполин Энге Бий,
Так вот, один за другим, до самых дверей
Высятся слева семнадцать богатырей.

Кто же из самых отборных справа сидит?
Мудрый Алтан Цеджи величаво сидит.
Он — ясновидец, прославленный в мире земном,
Тайну грядущего ясным провидит умом.
Следующим хан Мунхаль сидит за Цеджи.
Слух о Мунхале страны перешел рубежи.
Славен находчивостью сын Кюлика — Мунхаль.
В трудных делах — советчик великий Мунхаль.

Рядом с Мунхалем сидит криволобый Мангна,
Целое войско сразить не могло бы Мангна.
Сыном приходится хану Босуду Мангна,
Силой чудесной прославлен повсюду Мангна.

Далее Савар среди полукруга сидит —
Тяжелорукий сын Маджиг Туга сидит.
Савар уже не в одном прославил бою
Всесокрушающую секиру свою,
Славен могуществом он в нетленном краю.
Так вот, один за другим, до самых дверей
Высятся справа семнадцать богатырей.
Так восседали герои в ставке вождя,
До двадцати тюменов числом доходя.

В самой средине сидел повелитель их,
Джангар-нойон, государства правитель их.
Благоуханье от шеи Джангра неслось.
Шло благовонье от Джангровых черных волос.

Был он воистину, Джангар Богдо, велик!
Ярко на лбу загорался Майдера лик,
Темя распространяло сиянье Зунквы,
А несравненная маковка головы
Распространяла сиянье Очир-Вани…
Так восседал исполненный счастья нойон,
Счастья, каким полны только дети одни!

Слева нойона, пленительного, как сон,
Выше левого полукруга Богдо,
Этой страны восседала чиндамани —
Месяцеликая супруга Богдо.
Дочь именитого Зандан-хана[10] она,
И, точно лотос, благоуханна она,
В шелковые одетые шивырлыки,
Так ее две тяжелых косы велики,
Что, если взяли бы даже под мышки их,
То все равно оставались бы лишки их!

Стан ее гибкий затянут был, говорят,
В шелковый, пышный терлек; богатый халат
Был у нее на плечах и звался Нармой,
Белый убор головной сверкал бахромой,
Блеском своим озарявший лопатки ее.
В круглое зеркало шеи гладкой ее
Как бы гляделись чудесные серьги ее,
Четверти мира известные серьги ее,
В целую тысячу кибиток ценой!

Солнечный блеск излучался ханской женой.
Светом таким сиял владычицы взор,
Что вышивали при нем тончайший узор,
Так он сиял, что мог бы табунщик при нем
За табуном следить и во мраке ночном.
Море народа взглянуть на ханшу текло,
Нежную, как луны золотое стекло.

Сорок зубов, как сорок блестят жемчугов.
Белые пальцы белей хангайских снегов.
Ласточкиным крылом изогнулась бровь.
Губы такие красные, что сперва
Чудилось: вот-вот капнет горячая кровь.
Паве прекрасной такая к лицу голова!
Данные свыше, были заметны для всех
Восемьдесят способностей ханской жены.
Сладок был голос ее, и нежен был смех.

И восседавшие у широких дверей
Так рассуждали, нойоншей восхищены,
Шумные полчища желтых богатырей:
«Наш господин с прекрасной нойоншей своей
Ныне владыки многих земель и морей.
Ныне власти не знают пределов они,
Но повелителями державы святой,
Благословенной народом славной четой
Сделались вследствие наших йорелов они!»
Между собою герои шептались так:
Эта чета любому была дорога…

Вот показался главный дворцовый дарга.
Тридцать и пять жеребцов он в арбу запряг,
Толстыми бочками он уставил арбу.
Выехал к берегу быстрой, бурной реки,
Чтобы набрать арзы и начать гульбу.

Там, где текли потоки одной араки,
Перегонять их в арзу давал он приказ,
И перегонкой этой заведовал он,
Бочки легко наполнялись арзой, и не раз
Браги хмельной из каждой отведывал он.
Вот, золотые затычки заткнув наугад,
Он к бумбулве нойона поехал назад,
Ехал дарга — всю дорогу был под хмельком,
Поймы, луга — в глазах проносились мелько**о**м.

Так он подъехал к башне владыки страны,
Разом к тележке бросились беков сыны,
И подхватили бочонки и понесли
К башне, где ждали барсы нетленной земли.
Было немало носильщиков-богатырей,
Дальше порога все ж донести не смогли
Бочки с питьем: тяжела хмельная арза!
Остановились богатыри у дверей,
Глядя в недоуменье друг другу в глаза:
У силачей, оказалось, силы и нет!

Но в это время к беднягам направил шаг
Воин, достигший пятнадцати шумных лет.
Это — Санал, прославленный в ханстве смельчак.
И наковальне подобный крепкий шишак
Быстро надвинул Санал на правый висок,
Поднял бочонок, что был широк и высок,
И, рассмеявшись, в башню понес его.
Даже коленом не поддержав его,
Сразу понес к властелину держав его.
Началось грозных богатырей торжество.

Тут виночерпий, Менген Герел — исполин,
В бочку с арзой опустил огромный кувшин.
Чаши певцов наполнил он в первый черед.
Звались певцы, услаждавшие свой народ:
Звонкий, семигодовалый Дуун Герел,
Блеск серебра в песнопеньях его горел.
Нежный, пятигодовалый Тангсан Герел,
Каждый напев его жаром любви горел.
Круглые исполинские чаши певцов
Восемьдесят не могло бы поднять бойцов,
Но сладкопевцы чаши свои без труда
Только двумя перстами держали всегда!

Первое слово песни хвалебной воздав

Джангру, владыке семидесяти держав,
Дети проделали песенных пять кругов.
И, когда, как плоды, покрылись росой
Жаркие, желтые лбы хмельных смельчаков,
Жажду свою утолявших черной арзой,
Снова проделали песенных пять кругов.

Слева сидящих богатырей полукруг
Славу нойону и храбрым сынам воздал.
Справа сидящих богатырей полукруг
Честь Аранзалу и всем скакунам воздал.
Превознесли и ханшу-супругу бойцы,
Крепкую клятву дали друг другу бойцы:

«Жизни свои острию копья предадим,
Страсти свои державе родной посвятим;

Да отрешимся от зависти, от похвальбы,
От затаенной вражды, от измен, от алчбы;

Груди свои обнажим, и вынем сердца,
И за народ отдадим свою кровь до конца;

Верными Джангру, едиными будем вовек
И на земле будем жить, как один человек;

Да никогда богатырь не кинется вспять,
Вражью завидев неисчислимую рать!

И да не будет коня у него, чтоб не мог
Вихрем взлететь на самый высокий отрог;

Да никогда никому бы страшна не была
Сила железа, каленного добела;

И да не будет страшна никому никогда
Рассвирепевшего океана вода;

И да не сыщется никогда силача,
Что убоялся бы ледяного меча;

И да пребудем бойцами правдивыми мы,
И да пребудем всегда справедливыми мы;

Да не содеем поступка другому во вред,
Трех избежим чудовищ, трех страшных бед;[11]

Выполним клятву, чтоб совершенства достичь,
Высшего, светлого круга блаженства достичь!»

Так повторяли, полны отваги святой,
Заповеди великой присяги святой.
Так пировали семьдесят ханов Богдо
И тридцать пять стальных великанов Богдо.
От изобилья арзы и дыханья весны
Сваливались исполины в темные сны,
Спали тогда, не на ложах покоясь, они:
Друг Другу н**а** ноги головы положив,
Образовали железный пояс они.

День засыпал, могучие веки смежив,
Благостный вечер уже по земле шагал.
Прекрасноликая ханша Ага Шавдал
Тысячеструнные в нежные руки свои
Гусли взяла о восьмидесяти ладах.
Желтые гусли собрали звуки свои,
И зазвенели на нижних семи ладах
Звонкие шастры — сказанья древней поры.

Славный владелец тысячезубой горы,
Самый прекрасный воин вселенной Мингйан,
Свет и краса державы нетленной — Мингйан
Следовал гуслям серебряным юных певцов,
На золотой дуде повторяя лады,

Словно ручьи, что сливаются с разных концов,
Пение гуслей с пеньем сливалось дуды.
Голосом, смешанным с пламенем и грозой,
Хонгор им подпевал, насытясь арзой.
Звонкий, семигодовалый Дуун Герел,
Нежный, пятигодовалый Тангсан Герел
Дюжины дивноголосых певцов во главе
Славили мир в своей золотой бумбулве.

Желтое солнце верхи деревьев зажгло,
Желтое солнце мира над миром взошло.
Джангар проснулся под пенье и говор тогда.
И быстроногий дебелый повар тогда
Сочные, жаркие блюда поднес ему.
Но равнодушен был властелин ко всему,
Ни к одному не притронулся блюду Богдо!
Этот нойон, прославленный всюду Богдо,
Видно, давал отстояться думам своим.
Всех поразил он видом угрюмым своим!

Так обратился к владыке Алтан Цеджи,
Мудрый провидец великий — Алтан Цеджи,
Правых бойцов возглавляющий полукруг:
«Джангар Богдо! Что с вами случилось вдруг?
Враг ополчился могучий на ваш народ?
Или большой предстоит и трудный поход?
Или предатель таит измену в тиши?
Так осчастливьте, Богдо, наградою нас,
С нами скорей поделитесь, радуя нас,
Мудрыми думами вашей белой души!»

Но властелина остался сомкнутый рот.
Храбрый Джилган тогда выступает вперед:
«О мой нойон, мой Джангар, мой брат, мой герой,
Выситесь вы над миром Сум**е**ру-горой,
Сумеречны почему вы ныне, Богдо?
И почему в таком вы унынье, Богдо?

Может быть, месяцеликая ваша жена,
Дочь Зандан-хана, недугом поражена?
Будда свидетель: верные воины мы,
Будем ли, наконец, удостоены мы
Знать о причине вашей тревоги, нойон?»

Вновь ничего не ответил строгий нойон.
«Так и быть, повиновенье нарушу я,—
Молвил Джилган, — а продолжу, не струшу я!
Что доложу я вам, слушайте, не дыша,
И да пристыжена будет ваша душа. Джангар!
Хитрыми ханами Желтой реки
Некогда — помните — вызван был я на спор.
Суд оправдал меня клевете вопреки.
Был мне, Богдо, наградою ваш приговор:
„Выполню я тридцать три пожеланья твои,
И тридцать три я прощу злодеянья твои!“
Был бедняком — не просил я, как будто, у вас.
Был сиротой — не искал я приюта у вас.
С просьбой теперь обращаюсь к вам в первый раз:
Всех осчастливьте, Богдо, наградою нас,
С нами скорей поделитесь, радуя нас,
Мудрыми думами вашей белой души!»

Джангар Богдо ничего не ответил опять.
Крикнул тогда Джилган в напряженной тиши:
«Что же, ты славою вздумал всех запугать?
Так мы за Хонгром славным, великим пойдем!
Что же, ты вздумал всех красотой запугать?
Так за Мингйаном прекрасноликим пойдем!
Если ты силою вздумал всех запугать,—
Кто же сильнее Савра стального, скажи?
Если ты мудростью вздумал всех запугать,—
Кто же умнее провидца Алтана Цеджи?
Барсов таких немало на свете, как ты.
Все мы такие же ханские дети, как ты!» —
С этим горячий Джилган покинул вождя,

Вышел из башни, вслед за собой уводя
Семьдесят ханов и тридцать пять силачей.

Молвил великий нойон, не подняв очей:
«Рыжего моего приготовь, коневод!»
По луговой мураве скакун Аранзал
Бегал, играя, у холода чистых вод.
Там коневод недоуздком его привязал
К дереву, что сиротой росло вдалеке.
Так Аранзала на нежном красном песке
Три недели подряд коневод продержал…
Был, наконец, к походу готов Аранзал.

Если же спрошено будет теперь, из чего
Так заключаем? — Ответствуем: «Прежде всего
Жир, отложившийся на животе скакуна,
Был к пузырю мочевому подтянут сполна;
Стала, как заячья, мягкой и нежной спина;
Конь подтянулся от головы до хвоста;
Стала величественной головы красота;
Стала траве-неувяде подобна сейчас
Челка, достигшая зорких, прекрасных глаз;
В гладком крестце собрал красоту свою;
В круглых глазах собрал остроту свою;
В стройных ногах собрал быстроту свою;
Опередить быстролетных птиц он бы мог!
Ожеребить семьсот кобылиц он бы мог!»
Вот он оседлан уже по законам страны.
В блеске предстал Аранзал пред нойоном
страны,—
Вышел из башни своей в это время нойон.
Ногу вдевает в левое стремя нойон —
К небу подпрыгнул скакун с подъятым хвостом
И опустился на прежнее место потом,
Голову спрятал под грудь, понесся вперед.
Ловкого всадника — Джангра — страх не берет,
Джангар понесся, грозный, как целая рать.

Острая пика могла бы до неба достать.

Берегом Сладкого моря помчался нойон.
К башне могучего Хонгра подъехал он.
«Здесь ли ты, Хонгор?» Хонгор услышал тогда.
«Здесь!» — он ответил и к Джангру
вышел тогда.
Молвил Богдо: «Неведомо мне до поры,
Где же пролиться крови моей суждено!
Хонгор, не знаю на скате какой горы
Высохнуть горстке моих костей суждено!
Хонгор, не знаю, ада какого на дно
Быстрой душе моей опуститься дано!
Хонгор мой, управляй же нашей страной.
Хонгор мой, укрепляй же наш край родной!»

И распростился нойон, как будто навек
Бумбу покинул. Помчался во весь опор
И переправился через семьдесят рек,
Бывших ему неизвестными до сих пор;
Видит нойон: с Алтаном Цеджи во главе,
Справа сидевшие в золотой бумбулве,
Скачут семнадцать бойцов навстречу ему.
Старый Цеджи обратился с речью к нему:

«Остановитесь на миг, великий нойон!
Выслушайте меня, луноликий нойон!
Вздоха надменных уст вы пожалели мне,
Вот почему, во-первых, обижен я.
И подчиниться вы повелели мне
Хонгру, мне равному, — вами унижен я, —
Вот почему, во-вторых, обижен я.
В-третьих, — когда не нужна вам, в расцвете
дней,
Бумбы страна, то и я не нуждаюсь в ней!»

«Что ж, пребывайте в счастье», — владыка

сказал.
И поскакал восхода правей Аранзал.
Мчался куда — неизвестно, во весь опор,
Ветра быстрее был Аранзала бег.
И, переправившись через семьдесят рек,
Бывших ему неизвестными до сих пор,
Джангар увидел: с Гюзаном Гюмбе во главе,
Слева сидевшие в золотой бумбулве,
Скачут семнадцать бойцов навстречу ему.
Смелый Гюмбе обратился с речью к нему:

«Остановитесь на миг, великий нойон!
Выслушайте меня, луноликий нойон!
Вздоха надменных уст вы пожалели мне,—
Вот почему, во-первых, обижен я.
И подчиниться вы повелели мне
Хонгру, мне равному, — вами унижен я, —
Вот почему, во-вторых, обижен я,
В-третьих, — когда не нужна вам, в расцвете
дней,
Бумбы страна, то и я не нуждаюсь в ней!»
«В счастье пребудьте», — нойон отвечал тогда.
Перевалив через гору Гандиг-Алтай,
Он поскакал на восток, неизвестно куда —
Травки повыше, пониже пернатых стай.

*** * ***

Вскоре дошли до ближних и дальних стран
Слухи о том, что лишь один великан —
Хонгор — остался на страже родной земли.
Слухи об этом и до шулмусов дошли.
Был у нечистых владыкой Шара Гюргю.
Вестью взволнован великой, Шара Гюргю
На две недели себя жаркого лишил,—

Пищи любимой себя сурово лишил!
Ни на кого свирепый шулмус не глядел…

Хана спросил вельможа Хурдун Шара —
Чарами преображения он владел:
«Что ж не едите жаркого, хан мой, с утра?»

«Слушай, мой знатный вельможа Хурдун Шара!
Есть у подножья Гандиг-Алтая страна,
Под восходящим солнцем лежит она.
Вечной земли бесконечны пространства там,
Джангра-сиротки раскинулось ханство там,
Джангра, который выставить может в борьбе
Тридцать и пять великанов, равных себе,
И одного, что сильней его самого,—
Хонгром Багряным зовут исполина того!»

«Ныне, слыхал я, держава Бумбы в беде:
Джангар-нойон со своей расстался страной,
Тридцать и пять храбрецов неведомо где
Ныне скитаются, край покинув родной,—
Хонгор теперь нетленной страны господин.
Хонгор — герой, исполин, но Хонгор — один.
Что, если нам на державу Бумбы напасть,
Что, если нам утвердить над Бумбою власть,
Что, если гордую башню разрушим у них,
Что, если мы океаны иссушим у них,
Что, если светлое солнце потушим у них»,

«Что, если белую гору обрушим на них,
Что, если красную пыль мы поднимем у них,
Что, если Алого Хонгра отнимем у них,
Свяжем прославленного великана мы,
Бросим героя на дно океана мы —
В пропасти бросим седьмой преисподней земли?»

«Истина — то, что сейчас вы произнесли! —

Молвил вельможа в ответ на ханскую речь.—
Все же хочу вас, владыка, предостеречь:
Что, если Джангар где-нибудь жив до сих пор?
Что, если полчища наши встретят отпор?»

Страшный Гюргю взглянул на вельможу в упор.
«Смелость нойона и мощь не опасны мне! —
Было ответом на слово Хурдуна Шары,—
Так же, как Джангру-нойону, подвластны мне
Необычайных перевоплощений дары!»

Ханом Гюргю был объявлен великий призыв,
И на призыв собралась великая рать.
Вскоре был средний объявлен владыкой призыв,
И собралась шулмусская средняя рать.
Вскоре был малый объявлен владыкой призыв,
И собралась шулмусская малая рать.
Гуще песков покрыли пространства они.

Гул поднялся: шли на Джангрово ханство они.
Как бы ни была мягкая степь велика,
А не хватило травы для рати такой.
Как бы ни была полной и долгой река,
А не хватило воды для рати такой.
Вражьи полки по степи ураганом прошли —
И до владений Енге Цагана дошли:
Это был подданный Джангра, первый богач.
Рати, которой мало целой реки,
Вдоволь хватило черной его араки,—
В летописях не нашлось бы подобных удач!
Вдоволь хватило также пищи мясной
Рати, которой был узок простор степной.
Рать подкреплялась одиннадцать лун сполна,
Но пребывала спокойной Бумбы страна…
Вскоре неслыханные пошли грабежи.
Опустошили владенья Алтана Цеджи,
Двинулись вниз по океану войска,

Страшный вред причинили Мингйану войска,
Башня Гюмбе на пути была снесена…
Но пребывала спокойно Бумбы страна —
Так бесконечны просторы вечной земли!

Слухи о войске в полдень до Хонгра дошли.
Заклокотало сердце Багряного Льва.
Он коренными зубами заскрежетал.
Ум задрожал, ошалела его голова —
Белая и тяжелая, как сандал.
Быстро в хурул побежал и сказал дунгчи:
«В белую раковину свою прокричи,
Чтобы со всех сторон собрались ковачи!»
И протрубил шестикратно звонкий дунгчи —
Прибыли разом из разных сторон ковачи,
Около башни работать стали они.
За день вокруг бумбулвы нойона Богдо
Крепость воздвигли из черной стали они,

Скорой такой работы не помнил никто!

Хонгор вбежал во дворец, нашел в кладовой
Белый упругий лук с тугой тетивой.
С давних времен, по словам стоустой молвы,
Лук не разинул ни разу своей тетивы!
Пробовал — не сумел силачей полукруг,
С Джангром Богдо во главе, согнуть этот лук,
И не согнул его Алый Хонгор сейчас!
А в это время шулмусов буйная рать
Начала Джангра дворец уже окружать
И опоясала семьдесят тысяч раз
Башню, в которой жил когда-то нойон…
Что камыши, колыхались древки знамен!
Чудилось: чакан густой внезапно возник —
Это щетинились кончики частых пик!
Десять отваг появилось у Хонгра вдруг,
Силы напряг — и согнул дальнобойный лук,
И не одну тетиву натянул, а две.
Сколько могло уместиться на тетиве,
Столько набрал он тогда быстролетных стрел,
А выпускал он их разом, в один прицел,
Разом снимая восемь тысяч голов.
В битвах таких прошло две недели тогда.
Целыми стаями стрелы летели тогда,
Разом снимая головы сотне полков.
Хонгор стоял, как барс, на страже дворца…
Преображений таинственных властелин,
Важный. Шара нацелился в храбреца
Из-за семидесяти четырех дружин,
И тетива так натянута крепко была,
Что, наконец, раскалилась она добела,
Искры посыпались, пропадая в земле;
Из бугорка, что служил опорой стреле,
Красная стала просачиваться вода;
Прянула с лука и полетела стрела.
Взвизгнула тонко и засвистела стрела,

Правую руку Хонгра пробила тогда.

Вскрикнул ухватистый Хонгор, Алый герой,
Вспомнил о Джангре, несущемся вдалеке,
Где-нибудь за морем, где-нибудь за горой.
Голос хозяина слышит Оцол Кеке —
И побежал тропой потаенной скакун,
И побежал за супругой нойона скакун.
Прибыла к Хонгру ханша Ага Шавдал,
Битву прервать она приказала ему,
Правую руку перевязала ему.
Хонгор опять на защиту родины встал.

В Хонгрово ханство скакун полетел как стрела,
Прибыл и вдруг застыл, опечаленный, там.
Видит он: вместо дворца — развалины там!
Мечется Хонгрова ханша Зандан Зула,
Ищет норы, куда бы зарыться могла,
Ищет куста, под которым укрыться б могла.
Сивого Лыску внезапно видит она:
Он быстроног и спасет он Зандан Зулу!
Но, по всем правилам оседлав скакуна,
Ханша булат прикрепила к его седлу
И, четырем поклонившись копытам коня,
Молвила: «Хонгра спасая, спасешь меня,
Как бы теперь не лишился жизни герой,
Этот единственный в бедной отчизне герой,
В бедной отчизне, которую бросил нойон!
В мире найдется такой, как у Бумбы, закон,
В мире найдется такой, как у Бумбы, хан,
В мире найдется, как Бумба, такой океан,
Есть еще ханство, подобное Бумбе-стране,
Есть еще ханша на свете, подобная мне!
Сивый скакун, я не ст**о**ю заботы твоей —
Ты поспеши к предводителю богатырей,
Ты поспеши на спасенье белой души,
Вывезти Алого Хонгра, скакун, поспеши!»

Сивый скакун летит к ездоку своему,
Видит он мерзких шулмусов тьмущую тьму,
Детища мрака быстро за ним понеслись,
Двинулись кони во всю прекрасную рысь,
Вот ухватиться хотят враги за чумбур,
Сделанный из драгоценных оленьих шкур.
Кажется: вот они, рядом, близко теперь!
Но разве может сдаться Лыско теперь?
Всю быстроту собрал отчаянный конь,
И прибежал к своему хозяину конь!
Десять отваг у Хонгра в груди бурлят.
Силы напряг и, выхватив длинный булат,
С кличем геройским напал на среднюю рать.
С выбором головы вражьи начал снимать:
Он, обезглавливая спесивую знать,
Также и лучников, грозных стрелков, не щадил.
Лишь подневольных одних бедняков он щадил!
Алый герой на миг обернулся назад.
Видит он: полчища к башне Джангра спешат,
На скакунах несется толпа за толпой…

Хонгор подумал: «Что же мне делать с тобой,
Джангрова башня, которая — позади?
Что же мне делать, свирепый Гюргю, с тобой —
Ханом шулмусов, несущимся впереди?
Эх, перед тем, как в пропасть я попаду,
В то раскаленное море, что льется в аду,
В бездну седьмой преисподней черной земли,—
Я на тебя, свирепый Гюргю нападу,
Пестрое знамя твое растопчу в пыли,
И твоему золотому темени я
Сорок ударов, Гюргю, нанесу сплеча,
Выбью твои сапоги из стремени я
И посмеюсь, по земле тебя волоча!»

Врезался Хонгор в дружину хана Гюргю,

Знамя сорвал он у великана Гюргю,
И растоптал, и златому темени здесь
Истинных сорок ударов нанес сплеча.
Выбил ханскую ногу из стремени здесь,
Пикой коснулся шулмусского силача,—
Поздно! Исчадья адского племени здесь
Хонгра настигли; десятком тысяч мечей
Ребра его с одной стороны пронзены,
Ребра его с другой стороны пронзены
Целым тюменом отточенных бердышей.

Сотни посыпались на голову мечей,
Семьдесят копий вонзились в стальной живот,
Падает Хонгор и Джангра тихо зовет…

«Я ли, на страже поставленный, сдамся в бою?
Я ли покрою позором душу свою?!»

Хонгор хлестнул Оцола Кеке по стегну.
Вытянулся хангайский сивко в струну
И поскакал вперед, и рассыпались вмиг
Тысячи копий, мечей, бердышей и пик.
Хонгра терзали четырнадцать тысяч ран —
Время ли думать о ранах? Он встал, великан,
Ринулся вихрем на неуемную рать
И отогнал от башни огромную рать —
К броду речному, к подножью горы прижал
И засмеялся, да так, что мир задрожал:

«Ох, и дурак же ты, бедный шулмусский хан!
И велика же глупость твоя, великан!
Начал ты рано считать мои раны, Гюргю!
Есть еще в нашей стране великаны, Гюргю!
Что запоешь ты, завидев Бумбы моей
Тридцать пять барсов, тридцать пять силачей?»

Белую Хонгрову мудрость покрыл туман,

И растянулся на вечной земле великан.
К бедному Хонгру подъехал лютый Гюргю,
И заковал исполина в путы Гюргю;
К мощной арбе приковав его цепью стальной,
Что с человечье туловище толщиной,
Кликнул одиннадцать тысяч шулмусов тотчас,
Дал он свирепым шулмусам такой приказ:
«Каждые сутки одиннадцать тысяч раз
Кожей плетеной лупите его, молодцы!
Каждые сутки одиннадцать тысяч раз
Сталью каленой сверлите его, молодцы!»

Хонгор терпел — приходилось плохо бойцу!
Муки принять за время вздоха бойцу
Столько пришлось, как будто из ада в ад
Хонгор скитался двенадцать веков подряд.
«В нижнюю бездну, седьмую, бросьте его,
В жаркое море, где сварятся кости его!
И стерегите семьдесят лет! — повелел, —
Да никогда не вернется на свет!» — повелел.

К темной норе великана поволокли,
Соединенной с безднами нижней земли,
И на державу Бумбы напали потом,
И завладели неисчислимым скотом.
Образовалась дорога среди травы
После угона Джангровых табунов.
Разом семью путями, среди муравы,
Джангра народ погнали, Бумбы сынов.
И ни сирот, ни грудных детей не щадя,
В цепь заковали, в кучу согнали они
Семьдесят ханских жен и супругу вождя.
И, словно мулов, женщин погнали они!
Предали Бумбы народ позору они,
Предали Бумбы добро разору они,
И развенчали белую гору они.
Светоч нойоновой славы потушен был,

Джангра дворец многоглавый разрушен был,
И океан величавый иссушен был.

Гордости полон, ехал по ханству Гюргю,
И не нашлось бы пределов чванству Гюргю.
Ехали, торжествуя, шулмусы теперь.
«Эй, расселите Джангра улусы теперь
Между соленых и ядовитых морей
На корневищах редких сухих ковылей!» —
Так приговаривал злобный Шара Гюргю,
Тьме преисподней подобный Шара Гюргю.

* * *

Бумбу покинув в расцвете светлых времен,
Цели скитанья еще не достиг нойон.
Так он долго блуждал с утра дотемна,
Что у его шустроглазого скакуна
Жира не стало и с лезвие меча.
Так он долго блуждал, в пустынях влача
Трудные дни, что совсем о Хонгре забыл.
Так он долго вдали от родины был,
Что позабыл о Бумбе родной давно.
В дальнюю даль забредя, — во сне ль, наяву, —
Вдруг замечает он желтую бумбулву.
В огненно-красное заглянул окно —
Девушка там восседала, как месяц, мила.
И до того прекрасна она была,
Что, если ночью влево глядела она,
В свете щеки лучезарной была видна
Лесом покрытая левая сторона,—
Можно было бы все дерева сосчитать!
Если же ночью вправо глядела она,
В свете щеки лучезарной была видна
Лесом покрытая правая сторона,—

Можно было бы все дерева сосчитать!
Джангар проник в окно и за руки взял
Дивную девушку; спрятав ее в карман,
Сел на коня; вперед поскакал Аранзал
Мимо пустынь, путями неведомых стран…

Прибыли к морю, что бронзой горело в кругу
Темных лугов, и, выстроив на берегу
Башню из белого камня в древесной тени,
Джангар женился на лучезарной рагни,
Стали товарищами и друзьями они.

Счастьем одним осиянны, минули дни,
И забеременела нойона жена.
И, увидав, что девятая светит луна,
Мальчик решил: пора появиться на свет!
И перерезали пуповину мечом,
Имя которому было: Давший Обет.
И наслаждались родители малышом.

Только блеснуло солнце третьего дня,
Новорожденный сел уже на коня
И поскакал на охоту — пищи достать,
Чтоб накормить и отца и милую мать.
Множество дичи всякой добыл он и шкур…
Стали родители жить охотой его,
Баловать стали нежной заботой его,
Имя же новорожденному дали: Шовшур.
Сказывают: однажды, охотясь в лесу,
Пыльную мальчик заметил вдали полосу,
Поднятую на востоке могучим конем.
Пыли навстречу, на быстром Рыжке своем,
Он поскакал и выехал вскоре на луг.
Мальчик увидел семнадцать седельных лук,
Крепко привязанных к ним семнадцать коней,
Между которыми грозной мощью своей
Карий, точно котел, выделялся скакун,
Каменною горою казался скакун.
Были копыта подобны лапам слона.

«Видимо, конь предводителя самого!» —
Мальчик решил и видит: в тени скакуна
Воины дремлют, семнадцать их было всего.
Славный Гюзан Гюмбе возглавлял храбрецов.
«Видимо, это и есть начальник бойцов»,—
Умный Шовшур сказал самому себе.

На ездока взглянул великан Гюмбе —
Разом узнал Аранзала Гюзан Гюмбе!
«Что за шулмусское семя сидит на нем?
Где завладел он Джангра могучим конем?
И на какой крутизне, по каким местам
Он повелел развеяться Джангра костям?
Как бы его на землю низринуть сейчас,
Как бы его с Аранзала скинуть сейчас!»

Так поразмыслив, Шовшура спросил исполин:

«Житель какой ты державы? И чей ты сын?»
Мальчик ответил: «Не знаю, мой господин,
И ни того, каких я родителей сын,
И ни того, как зовется мой край родной.
В дикой пустыне живу, а вместе со мной —
Мать и отец. Живем, как ты понял, втроем…
А теперь об отряде скажи мне своем:
Что вы за люди? Кто вам приятель, кто враг?
И почему ваши кони заезжены так?»

«Воины мы Зандан-хана, — молвил Гюмбе,
Истину скрыв, — и едем обратно к себе
С доброю данью, взятой у трех Шаргули —
Сильных владык далекой восточной земли,
На вот, к отцу отведи, охотник ты мой!»
И подарил он Шовшуру коня одного.

Вечером поздно вернулся Шовшур домой,
И на пороге отец встречает его
И говорит: «Поглядите, как сын дурной
Честное имя позорит отца своего!
Ты почему мне чужого двухлетку привел?
Разве тебе для того я жизнь даровал,
Чтобы в кочевьях ты жеребят воровал?» —
Джангар схватил малыша за стальной подол
И, в исполинской руке Шовшура вертя,
Тридцать раз оземь ударил свое дитя.
Слова не молвил нойону юный смельчак,
Только надел свалившийся медный шишак
И, напоив Аранзала, отправился спать.

Утром он выехал на охоту опять.
Долго скакал, ничего не видя вокруг, —
Красная пыль издали показалась вдруг,
Поднятая, очевидно, могучим конем.
Пыли навстречу, на резвом Рыжке своем,
Он поскакал и выехал вскоре на луг,

Мальчик увидел семнадцать седельных лук,
Крепко привязанных к ним семнадцать коней.
Превосходил остальных красотой своей
Мощный буланый, резвый на вид скакун.
Мягкая, как у зайца, блестела спина.

«Видимо, старшему принадлежит скакун», —
Мальчик решил — и видит: в тени скакуна
Воины дремлют, а всех — семнадцать бойцов.
Мудрый Алтан Цеджи возглавлял храбрецов.
На ездока взглянул седокудрый Цеджи,
Разом узнал Аранзала мудрый Цеджи.
«Что за шулмусское семя сидит на нем?
Где завладел он Джангра могучим конем?
Где же он кости Джангра Богдо разбросал,
Где же мальчишкой захвачен скакун Аранзал?»

Так поразмыслив, спросил величавый Цеджи:
«Чей же ты сын? Из какой ты державы, скажи?»
Мальчик ответил: «Не знаю, мой господин,
И ни того, каких я родителей сын,
И ни того, как зовется мой край родной.
В дикой пустыне живу, а вместе со мной
Мать и отец, — в забытом живем углу!» —
«На вот, отцу отвези, охотник ты мой», —
Молвил Цеджи и синюю дал стрелу.

Вечером поздно вернулся Шовшур домой.
Джангар навстречу вышел в степную тьму.
Мальчик безмолвно стрелу подает ему.
Вздрогнул нойон, поник нойон головой,
Будто пронзен каленой этой стрелой:
Бумбы клеймо горело на синей стреле!
Вспомнил нойон о милой, щедрой земле,
Вспомнил он Хонгра — силу и славу свою,
Вспомнил он Бумбу, вспомнил державу свою!

«Милый Шовшур, кто вчера тебе дал коня?»
Мальчик сказал: «Как обычно, в начале дня
Я на зверей охотился в дальнем лесу.
Вдруг замечаю пыли густой полосу,
Поднятую, очевидно, могучим конем.
Пыли навстречу скачу на Рыжке своем
И нахожу на лугу семнадцать коней,
А среди них выделяется мощью своей
Карий скакун, чьи копыта, как лапы слона!
Видимо, старший хозяином был скакуна.
Воин, сидящий повыше других силачей,
Видимо, старшим у них исполином был,
Я не сказал бы, чтоб он властелином был,
Видимо, был подчинен владыке боец,
Но показалось мне: это — великий боец!
Ежели в спор с владыкою вступит он,
Даже владыке ни в чем не уступит он!»
«Кто же тебя наградил сегодня стрелой?» —
«Я на зверей охотился в дальнем лесу.
Вдруг замечаю пыли густой полосу,
Пыли навстречу помчался вихря быстрей,
Вижу на привязи я семнадцать коней,
А между ними красный, как солнце само,
Высится конь, чья грива, как пара крыл.
Стыдное место хвост величавый прикрыл,
И на стегне — золотое Бумбы клеймо.
Видимо, старшему принадлежал скакун,
Видимо, беркута опережал скакун!
Этим конем владел величавый старик,
Видимо, славный герой, белоглавый старик.
Ежели в спор с владыкою вступит он,
Даже владыке ни в чем не уступит он!»

И мальчугану Джангар-нойон отвечал:
«Милый Шовшур! Ты моих бойцов повстречал!
Богатырями владел и ханами я,
Белой горой владел и полянами я,

Был я владыкой всяких богатств и чудес,
Семьюдесятью владел океанами я,
Счастьем своим превзошел я счастье небес.
Хонгром владел я — силой и славой своей,
Бумбой владел я — милой державой своей,
Был я стремленьем семи надземных держав,
Был сновиденьем семи подземных держав,
Облагодетельствовал народы свои!..
Осиротел я в ранние годы свои,
Был Узюнг-хана великого сыном я,
Был одиноким у своего очага.
Джангром зовущийся, был властелином я,
Самого сильного я подавлял врага!

Все же постылой судьба моя стала мне:
Видно, тогда не полным я счастьем владел,
Всем я владел, но тебя не хватало мне!
Ты — моего нетленного счастья предел!
Войско покинув, на поиски сына пошел.
Бумбы взамен я тебя, мой мальчик, нашел,
Мой драгоценный Шовшур, отрада моя! —
Джангар воскликнул и на руки взял дитя. —
Я потерял немало, тебя обретя:
Хонгор, великий Хонгор — утрата моя!»

«Были совсем одиноким на свете вы,—
Молвил отцу мальчуган, — так ответьте вы,
Кто же этот Хонгор? Найдете ли снова его?
Вы призываете, что, ни слово, его!» —
«О мой Шовшур, отрада моя из отрад!
Стану считать я семеро суток подряд —
Не перечислю Хонгра достоинства все!
Что перед ним хваленые воинства все!
Был бедняком я — был он моим скотом.
Был я сироткой — был он моим хребтом.
Края родного живой он крепостью был,
Лаской моей и моей свирепостью был.

Был он гонителем всех осужденных мной,
Был победителем всех побежденных мной!»

И половины похвал он не досказал, —
Семьдесят раз громкозвучно
проржал Аранзал:
«Ежели, человек, не измучился ты
И по стране родной не соскучился ты, —
Я, рыжий конь, по Бумбе затосковал!»

И задрожал властелин, услышав коня.
Сразу же был оседлан скакун Аранзал,
Сразу была стальная надета броня,
Сел на коня богатырь, Шовшура позвал:
«Видишь, вдали дугой искривлен перевал,
Выступил кряж и другой за ним, потемней?
Это — владенья матери доброй твоей.
Алый Шовшур, на вершину мать отвези,
К родичу, хану Шиджину, мать отвези!

Знай, мальчуган: от отца рождается сын,
Чтобы надежной опорой родине стать.
Помни, что Бумба в тебе нуждается, сын!
Только доставишь на место милую мать,
К Северной Бумбе скачи», — приказал нойон.

И поскакал, своей быстротой упоен,
Рыжий скакун, будто зайцем встревоженным был:
Долгие годы скакун стреноженным был…
Перевалил через горы вечные он,
И переплыл моря быстротечные он.
Вскоре возрадовалась нойона душа:
Видит он земли свои, разлив Иртыша!
Берегом Сладкого моря нойон полетел,
Ищет он башню, которой Хонгор владел,
Ищет… ужель застилает глаза пелена?
Там, где когда-то Хонгра дворец блестел,

Выросла жесткая, редкая белена!
Джангар спешит к воротам своей бумбулвы.

Думал он башню свою золотую найти,—
Видит коленчатые стебли травы!
Ни сиротинки нет, ни щенка на пути,
Нет ни звериной, ни человечьей молвы…

«Был же я некогда ханом страны родной,
Бумбы страна была же немалой страной.
Были же люди когда-то в этой глуши,
И ни единой теперь не осталось души?
Что-то не верится мне! На розыск пойду…»

Джангар пошел по стране. Все тихо вокруг,
Видит одну белену, одну лебеду.
Долго бродил он — и возникает вдруг
Черная хижина, войлоком крыта худым,
Из обгорелого дымника вихрится дым…
«Есть ли живая душа?» — спросил властелин.
Вышел из хижины древний старик и сказал:
«Видимо, Джангар приехал, Узюнга сын?
Видимо, прибыл рыжий скакун Аранзал?»

«Что за беда постигла державу, старик?» —
«Не перескажешь всего: заболит язык!
С многотюменною ратью в страну проник
Лютый шулмусский владыка Шара Гюргю.
Люди дрожали от крика Шара Гюргю.
Предали Бумбы народ позору враги,
Предали Бумбы добро разору враги,
Брошен был Хонгор, твой отважный герой,
В бездну седьмую, бурного моря на дно.
Ныне стоишь ты рядом с той самой дырой,
Адской норой, по которой не так давно
Двигалась нечисть, пленного Хонгра гоня…»

«Старец почтенный, постерегите коня:
Видеть хочу седьмой преисподней места!»
Два золотых шеста раздобыл властелин.
Там, где поуже, на шест опираясь один,
Там, где пошире, на два опираясь шеста,
Джангар спустился к седьмой
преисподней земли.

* * *

Сутки прошли, вторые, третьи прошли —
Прибыл Шовшур в державу отца своего.
Пусто кругом, пойдешь — не найдешь никого,
Ни сироты, ни щенка… Покой, забытье,
Нет ни звериной, ни человечьей молвы…
Долго бродил он по листьям жесткой травы…
Пики сандаловой видит он острие,
Около хижины рыжий стоит Аранзал.
Сел на коня мальчуган и громко сказал:
«Если здесь люди живут, отпустите чумбур!»
Юный смельчак услышал ответ старика:
«Не отпущу я чумбура, мальчик, пока
Не возвратится хозяин издалека!» —
«Старец, — ответил трехгодовалый Шовшур,—
Рыжего скакуна отпустите чумбур,
И разыщу я тогда следы паука,
Ползавшего одиннадцать лет назад,
Двинусь дорогою маленького жука,
Ползавшего четырнадцать лет назад,
И превращу я сирот в счастливых детей,
И превращу я народ в свободных людей!»

«Видимо, ты родовитым отцом рожден!
Видимо, ты за отчизну борцом рожден!
Смело ступай, с исполненьем задуманных дел

К деду вернись, вернись в родимый предел»,—
Молвил старик и стальной отпустил чумбур.
С ним распростился трехгодовалый Шовшур.

Узкой тропою, подобной старой змее,
Рыжий помчался, принюхиваясь к земле.
Выбрался конь к перекрестку семи путей:
Бумбы державу гнали шулмусы по ним,
Угнаны были Джангра улусы по ним,
Угнано было много скота и людей…

Выбран был Рыжим средний, обычный путь,
В месяц проделывал он трехгодичный путь,
В сутки проделывал путь двенадцати лун,
Реки широкие брал он прыжком одним!
Вскоре к морям ядовитым прибыл скакун,
К подданным Джангра, к бедным кочевьям
родным.
Сразу признал Аранзала Бумбы народ,
Но ездока-мальчугана не признает…
«В рабстве томились в единой надежде мы:
Джангар прибудет, Джангар освободит,
И заживем на воле, как жили прежде мы,
И позабудем ярма мучительный стыд.
Ясно теперь: напрасно мечтали о нем:
Мальчик, по-видимому, нойона убил,
Если не в честной борьбе — потаенно убил,
И завладел Аранзалом — рыжим конем.
Нет, не увидим уже отчизны родной!» —
Так говорили, горькой печали полны,
Недругом порабощенные Бумбы сыны.

«Чья вы страна?» — спросил у них мальчуган.
«Были мы раньше славного Джангра страной,
Ныне же нами владеет шулмусский хан,
Враг человечества, страшный Шара Гюргю».—
«А далеко ли до башни Шара Гюргю?»

Люди ответствовали: «Трехмесячный путь».
Дальше помчался Шовшур, захотел свернуть,—
Видит он: тонкая пыль взвилась полосой,
И на двухлетке, покрытом потной росой,
Мимо него мальчуган какой-то летит,
Быстро летит, молодым галчонком глядит.

«Я задержался, и ты последуй за мной,
Останови коня, побеседуй со мной,—
Крикнул Шовшур, — дорога покуда светла!» —

«Ну, покороче, в чем дело? — спросил малыш,—
Вести мои важны, неотложны дела!» —
«Вот потому-то, что с важной вестью спешишь,
Остановил я тебя: послушать хочу».

Мальчик ответствовал юному силачу:
«Некогда жил я в обетованном краю
Джангра — владетеля многих земель и морей.
Ныне при хане Шара Гюргю состою…
Два полукруга Джангровых богатырей
Прибыли, в битву вступили за край родной.
Если же витязи наши начали бой,
Значит, его победой закончат они.
Значит, вернутся прежние вольные дни.
Вот и решил я поведать Бумбе своей,
Чтоб от шулмусов откочевала скорей,
Наших обрадую скорой победой теперь!»

Заволновался Шовшур: «Поведай теперь,
Силы шулмуса Шара Гюргю каковы?» —
«Слушай же: крепостная стальная стена,
Хонгром воздвигнутая вокруг бумбулвы,
Ныне к твердыне Гюргю перенесена.
А за стальною — стена из диких камней,
Крепость из крепкого дуба стоит за ней,
А за тремя крепостями стоят войска,

Гуще песков дружины, земля им узка!..»

Обнял Шовшур мальчугана, воскликнул он:
«Некогда мне говаривал Джангар-нойон:
Есть у него среди прочих великих рек —
Таволга. Сорок тысяч кибиток на ней.
Пусть они будут отныне твоими навек.
А доживем с тобою до радостных дней,
Бумбу верну, — не так еще награжу.
К нашим кочевьям, к туманному рубежу
С вестью желанной теперь к народу спеши:
Пусть откочуют все до единой души!»

Мальчик умчался, благословляя судьбу.
Крикнул Шовшур в открытое ухо коня:
«Черных четыре копыта твоих отшибу,
Если, как молния, завтра к средине дня
К башне Шара Гюргю не доставишь меня!»
Рыжий ответил: «Не обесславлю тебя,
Завтра к полудню к башне доставлю тебя,
Через утесы в жемчужной пене промчусь,
Ветром по океану Терпенья промчусь
И перепрыгну через провалы земли…
Войском большим покажусь я врагам издали,
Шум подниму я за многотюменный полк.
Не сомневайся: исполню я ратный долг.
И затрепещет шулмусов темная рать,—
Стоит ей только багряную пыль узнать,
Поднятую Аранзалом, рыжим конем.
Полчища целые мы под собой сомнем…
Если же витязя клятву нарушишь ты,
Крепость из дуба, Шовшур, не разрушишь ты,
И не разрушишь крепость из диких камней,
И не разрушишь крепость стальную за ней,
И заградительной не перейдешь черты,
И не сломаешь решетку ханской юрт**ы**,—
Не пощажу я детской шеи твоей!»

И поскакал он каленой стрелы быстрей,
Резвостью споря с ящерицею пустынь.

Вот показались бойницы грозных твердынь.
Войску подобный, скакун прискакал стремглав.
Затрепетали передовые, узнав
Пыльное облако, поднятое скакуном.
Два полукруга Джангровых богатырей
Видят коня и мальчика видят на нем.

«Савар, — промолвил Цеджи, — поезжай скорей:
К нам приведи коня властелина Богдо,
Мальчика надо спасти нам — сына Богдо,
Не допусти его до крепостных ворот».

Савар помчался на резвом Лыске вперед
И за чумбур ухватился, но крикнул Шовшур:
«Клятву я дал скакуну, отпусти чумбур!»
Савар слова пропускает мимо ушей,
К богатырям увести мальчугана спеша.
Только привел его — тридцать и пять силачей
Стали поочередно ласкать малыша.
Молвил трехлетний Шовшур, не слезая с коня:
«Время найдем, поверьте моим словам,
И для того чтобы вы ласкали меня,
И для того чтобы я приласкался к вам,
Кончим сначала ратные наши дела!»

Врезался грозный Гюзан Гюмбе, как стрела,
В левую половину вражеских войск.
Врезался мудрый Алтан Цеджи, как стрела,
В правую половину вражеских войск.
Врезался трехгодовалый Шовшур, как стрела,
В самую середину вражеских войск,—
И привели в замешательство вражью рать,
И беспощадно рубили богатых стрелков.

И, не считая, рубили важную знать,
Лишь подневольных одних бедняков щадя.

Пики с мечами стали ручьями дождя.
Сорок знамен растоптали богатыри,
Сорок побед одержали богатыри.
Долом, ругами черная кровь текла,
Стали кольчугами богатырей тела.
Бились ведомые статным Шовшуром бойцы,
Были подобны внезапным бурям бойцы,
Грозных врагов разгоняли, как мелкую дичь.

Крикнул Шовшур боевой богатырский клич.
И к деревянной крепости, тучи темней,
Он полетел и копьем развалил ее.
И наскочил на крепость из диких камней,
Пики своей острием развалил ее.
И полетел он к стальной стене крепостной,
Но не сумел он пробраться к ворotам ее:
Около крепости, твердым оплотом ее,
Встали дружины шулмусов плотной стеной.
Тьмою тюменов казался шулмусский строй.
Бой продолжался четыре недели здесь.
С полчищем целым бился каждый герой,
Головы в кованых шлемах летели здесь.

Крикнул Шовшур перед башней Шара Гюргю:
«Слушай, свирепый и страшный Шара Гюргю!
Только тогда завладел ты Бумбой, когда
Джангар покинул ее! Забрал ты стада,
Вторгся в пределы владения моего,
Не дожидаясь рождения моего!
Прибыл теперь не ждан я, не чаян к тебе,
Прибыл теперь настоящий хозяин к тебе,
Так почему ж ты сидишь под подолом жены?
Если тебя мужчиною звать мы должны,
Если действительно доблестный воин ты,

Если с героем сразиться достоин ты,—
На поединок я вызываю тебя!
Если же ты не мужчина, то знай: у тебя
Нет уже двух крепостей — остальные твои
Ныне разрушу я стены стальные твои,
И, заповедной достигнув черты твоей,
Выдерну я цагараки юрты твоей,
Силу твою, свирепый Гюргю, согну!»

Смелый Шовшур ударил коня по стегну.
Ринулся Рыжий, — но превозмочь вышину
Стен крепостных, достигавших нижних небес,

Конь не сумел… И Шовшур с Аранзала слез,
И, размахнувшись мечом, разрубил, как траву,
Стену стальную и пешим проник в бумбулву.
Въехал за ним и Цеджи на рыжем коне.
Крикнул Шовшур: «Подъезжай поближе ко мне,
Вижу: теперь с проклятым Гюргю расплачусь,
Я за стропила серебряные ухвачусь!»
И ухватился Шовшур за концы стропил,
И повалил он юрту владыки Гюргю.
Выбежал оторопелый, дикий Гюргю,
С трехгодовалым Шовшуром в борьбу вступил.
Падали, поднимались и падали вновь.
Паром над ними всходила черная кровь.
Панцырями высекали огонь из камней.
Равная битва длилась одиннадцать дней,—
Юный Шовшур лишился последних сил:
Слишком он молод, слишком неопытен был!

Крикнул Цеджи: «Твой отец, владыка владык, —
Как бы противник ни был высок и велик, —
Шею сгибал, и, вражий кушак натянув,
Быстро к бедру своему супостата пригнув,
Ногу ему подставлял могучий нойон.
Как бы противник ни был тяжел и силен,

Так поднимал его Джангар в прежние дни,
Что над землею болтались ноги одни!»

Так мальчугана воодушевлял мудрец.
Бился еще две недели юный смельчак,
И, придавив Догшона Гюргю наконец,
Он ухватился рукой за вражий кушак,
Ногу подставил врагу и сумел пригнуть
Быстро к бедру неокрепшему ханскую грудь.
И закачались, тяжелые, как стволы,
Ноги владыки над белым камнем скалы.

Мальчик бросал его через себя, пока
Не превратились в решёта шулмуса бока,
Не взволновалась вода десяти морей,
Не покраснели корни сухих ковылеи,
Не обеспамятовал владыка теней,
Не растянулся Гюргю до ста саженей
И на песок не упал, могуч и высок,
Вниз животом… И Шовшур к нему подбежал,
Ханскую голову крепким локтем прижал,
Н**а** семь локтей голова зарылась в песок…
Поднял его мальчуган и, крикнув:
«Держи!» —
Хана шулмусов подбросил Алтану Цеджи.
Тот не сумел Гюргю подхватить впопыхах.
Воин отличный, опытный в ратных делах,
Лютый Гюргю пустился к своим войскам —
Неисчислимым, подобным густым пескам.
Даром, что был Шовшур неумел и юн,
А полетел за шулмусским владыкой он,
Тучи задел сандаловой пикой он.
Также помчался и резвый рыжий скакун, —
Опередив Аранзала, догнало дитя
Непобедимого великана Гюргю,
И, в богатырской руке шулмуса вертя,
Тридцать раз оземь ударило хана Гюргю.

Вниз головой Гюргю по земле волоча,
Алый Шовшур ясновидцу вручил силача.

Выехали. Сошли у подножья скалы
И заковали над задом гладким Гюргю —
Ноги его, тяжелые, как стволы.
И прикрепили к мощным лопаткам Гюргю —
Руки раскидистые, как ветви ветлы.
Бросили, связанного, к подножью скалы.
Радостный, семьдесят раз протрубил Аранзал…

Два полукруга Джангровых богатырей
Молвили: «Видимо, рыжий скакун заржал,
Нашей удаче радуясь, как своей.
Видимо, наши сделали дело свое!»

Сразу дружина знамя воздела свое.
Вот великаны, такие речи держа,
Едут в обнимку, друг друга за плечи держа,
Песню поют — родимому краю хвалу.
Каждый из всадников тороками к седлу
По девяносто тысяч голов привязал.

Прибыли богатыри к гранитной скале.
Семьдесят раз опять протрубил Аранзал.

Много ли, мало ли с той миновало поры,
Как отогнали Бумбу к бесплодной земле,
Бросили Хонгра в пропасть глубокой норы?
С этой поры, печальной для богатырей,
В доме трехъярусном без трубы и дверей,
Связанный путами — шкурами диких зверей,
Адской стреножен треногой, томился конь, —
Так под охраной строгой томился конь,
Так без воды, без травы страдал он в плену…

Вдруг показалось хангайскому скакуну:
Семьдесят раз протрубил родной Аранзал.
Что это, воля? Лыско заржал, задрожал,
Лыско брыкнулся — освободился от пут,
Адской треноги будто и не было тут,
Снова брыкнулся и огляделся потом:
Яростный конь разрушил трехъярусный дом!
Лыско, шатаясь меж тонких и пыльных трав
И спотыкаясь о стебли ковыльных трав,

Прибыл к родным скакунам и всех укусил
В мягкие шеи — как бы о здоровье спросил.
Всех скакунов на свете милее — свои!..
Соединили скорбные шеи свои Лыско и Рыжко.
Стояли в печали они —
Тяжко по Джангру и Хонгру вздыхали они…

Трехгодовалый Шовшур повелел пригнать
Важных шулмусских вельмож, надутую знать.
Бледных, дрожащих, в два бесконечных ряда
Друг против друга их усадили тогда,
Лотосовидной отметили их тамгой —
На протяженье года и тысячи лет
Будет гореть на обличье лотоса след —
И повелели каждому зваться слугой
Славного Джангра, а не кровопийцы Гюргю.

Молвил провидец: «Свиреполицый Гюргю!
До возвращения Джангра и Хонгра домой
Мукам подвергнем тебя преисподней самой!»

Так порешив, помчались герои стремглав
В милую Бумбу, в родной, незабвенный край.
Много ли, мало ли времени проскакав,
Прибыли в Бумбу, в благословенный край.
Лоснились белые кряжи горы Манхан.
Бумбой зовущийся, гордый лежал океан.
Джангров дворец пылал исполинским цветком.
В мирной тиши кумирни стояли кругом,
И шебенеры, святые в деяньях своих,
Все в одинаковых одеяньях своих,
Вышли навстречу, в раковины вострубя.
И повелительница державы святой —
Родины жизни, во веки веков молодой,
Ханша Богдо взошла на престол золотой.

Люди возрадовались: опять увидал
Солнце державы своей счастливый народ!
И посадив на колени Шовшура, Шавдал
Молвила ханскому сыну: «Всему свой черед.
Время настало — Джангар и Хонгор ушли,
Время настанет — вернутся в пределы земли.
Да, от неверного мужа рождается сын…
Мальчик мой, матери прикочевать вели,
В матери доброй всегда нуждается сын!»

Мальчик вернулся с матерью. С этой поры
В Бумбе-стране беспрерывно шумели пиры,
Морем безбрежным от диких, степных кобылиц
И молоко и арза для всех разлились,
Счастье сияло на богатырском пиру,
Бумбы страна успокоилась…

* * *

А властелин
Джангар, спустившись в невиданную нору,

Там, где поуже, на шест опираясь один,
Там, где пошире, на два опираясь шеста,
Адские муки претерпевая в пути,
Все же сумел до четвертой земли доползти.
То на один, то на два опираясь шеста,
Джангар спустился на лоно земли седьмой.
Дальше куда? Незнакомые все места,
Дно мирозданья, дно преисподней самой!

Остановившись на миг, подумал, потом
Он побежал багровым, как пламя, путем.
Долго бежал, без счету бежал, без поры!
Вдруг замечает он: движутся две горы,
Сами местами меняются… Кинулся хан —
Что же? Глядит: забавляется мальчуган,
С места на место, словно пустые шары,
Переставляя две необъятных горы!

Джангар подумал: «Я б не поверил вовек!
Стало быть, есть и в подземной стране человек,
Есть и под Бумбой — с великой силой такой,
Переставляющий горы правой рукой!»
И мальчугана спросил о Хонгре нойон:
Знает ли, где он? и что с ним? и кем пленен?
Мальчик ответствовал, не поднимая глаз:

«Знай же: одиннадцать тысяч шулмусов собрав,
Дал им приказ владыка подземных держав:
„Каждые сутки одиннадцать тысяч раз
Кожей плетеною Хонгра лупите вы!
Каждые сутки одиннадцать тысяч раз
Сталью каленою Хонгра сверлите вы!“

И выполняют шулмусы ханский приказ.
Хонгор, слыхал я, твердит об одном сейчас:
„Кто меня выручит, выведет к свету меня?
Йах! ни сестры нет, ни брата нет у меня,

Освободителя-сына нет у меня,
Близкой души ни единой нет у меня,
Где ты, нойон, владыка нойонов иных,
Где же ты, Джангар, не слышащий
стонов моих?!“
Так он рыдает.
Решив, что в этом краю,
Видимо, мне суждено герою помочь,
Я перед подвигом пробую силу свою».

Джангар, который в помощники был бы
не прочь
Ласточку взять или муху, — взял малыша.
И побежали, на помощь герою спеша.

Надо сказать: в преисподней уже с утра
Вечно стояла засушливая жара.
Не было ни воды, ни ковылины там.
И задыхались они, обессилены там.
Мальчик внезапно пересекает им путь.
Джангар — к нему: «Не скажешь ли что-нибудь
О великане Хонгре?» Сказал мальчуган:
«Жажду сперва утолите, великий хан».
И перед нойоном целый возник океан.

«Знайте же, Джангар: одиннадцать тысяч раз
Погань стегает кожей плетеной его.
Каждые сутки одиннадцать тысяч раз
Нечисть буравит сталью каленой его.
Камни разжалобились от стона его.
Слышится в стонах имя нойона его:
„Где же мой Джангар, всегда отличавший меня,
Где же мой Джангар, всегда выручавший меня?“
И, порешив, что славному Хонгру помочь
Именно мне суждено, спешу я бегом».

Джангар, который был бы, наверно, не прочь

Взять и козявку в помощники в горе своем,
Взял мальчугана с собой. Помчались втроем,
В полночь терпели холод, а в полдень — жару.
Белая вдруг возникла юрт**а** на юру,
Смотрят — не видят веревок. Безлюдно кругом.
Входят. Огромный котел замечают в углу,
Ярко пылает очаг, кизяк — на полу,
Туши оленьи повисли над очагом.
Джангар сказал мальчуганам: «Здесь отдохнем».
Красный, как жимолость, вытянувшийся ремнем,
Джангар заснул, а мальчики стали вдвоем
Мясо варить. Старуха вступает в жилье:
Ножки сайгачьи и медный клюв у нее
«Тетушка, пламя поддерживайте, поедим
Вкусного мяса!» Присела старая к ним.
Вскоре вскипело. Подняли крышку — беда:
Нет ни старухи, ни мяса! Решили тогда:
«Старую, видно, шулму занесло сюда!»

Снова стали варить. Сидят у котла.
Та же старуха снова в кибитку вошла.
«Прочь убирайся, карга, покуда цела!» —
«Я виновата пред вами, детки мои,
Вы не сердитесь: трапезы редки мои,
Зернышко — вот и вся моя пища на дню.
Слишком я голодна…» — и присела к огню.
«Кажется, старая ведьма наелась всласть,
Кажется, не к чему ей наше мясо красть.
Что же теперь натворит? Давай поглядим».
Смотрят. Но только вскипело — что за напасть!
Мясо исчезло, старуха исчезла, как дым!

Снова решили: шулму занесло сюда.
И по душам побеседовали они
И рассказали друг другу, как и когда
За чужеземцем последовали они.
Вскоре дошли до проделок старой шулмы…

«Может быть, он и не скажет прямо, что мы
Съели все мясо, что нам он варить приказал,
Но про себя подумает», — старший сказал.

Начали мальчики мясо варить опять.
Джангар проснулся. «Наелись, мои малыши?
Сам я сварю себе мяса, ложитесь-ка спать».
Начал варить. Уснули ребята в тиши.
Снова в кибитке вдруг появилась карга,
И на пороге остановилась карга,
Расхохотавшись. Молвил нойон: «Говорят:
„Плачущих поучай, смеющихся вопрошай“.
Ну, почему вы смеетесь?» — «Я невзначай
Глянула на вот этих уснувших ребят
И подивилась: сами блаженствуют, спят,
А в это время владыка Бумбы святой
Варит им пищу, как поваренок простой!»

«Наши дела не касаются вас никак,
В них по какому суетесь поводу вы?
Вот вам черпак, ступайте п**о** воду вы!»
Он с продырявленным днищем дал ей черпак
Вместе с половником в ложку величиной.
«Выйду за нею следом», — нойон порешил.
Вышел. Глядит: валяется молот стальной
Рядом с арканом из человеческих жил,
Около них лежит волшебный бурдюк,
Красный, для чародейства потребный бурдюк…

Джангар находчив. Он молот с арканом
вложил
В красный бурдюк и назад к очагу поспешил.
Входит старуха: «Черпак у тебя худой,
Долго возилась!» В ответ ей нойон предложил:
«Пламя поддерживайте: отменной едой,
Старица мудрая, вас угостить хочу».

Джангар с каргою молча сидели, пока
Мясо вскипело. Бросился Джангар к мечу,
И, колдовского лишенная бурдюка,
Ведьма замешкалась, на потертый подол
Вывалив мясо и опрокинув котел.
Надвое Джангар Богдо разрубил каргу:
Верхняя часть полетела вверх, как стрела,
Нижняя часть под самую землю ушла.

Джангар воскликнул: «Гибель нанес я врагу,
Мальчики, ешьте!» Сели втроем у котла.
После раздумья глубокого молвил хан:
«Надо же мне к несчастному Хонгру попасть!
В эту нору спущусь я, где нижняя часть
Старой шулмы сокрылась. Когда же аркан
Зашевелится — тащите наверх его».

Вниз он спустился. Тихо кругом и мертво.
Джангар увидел белые стены юрт**ы**.
Входит, а там — рагни, и такой красоты,
Что перед ней золотая меркнет луна.
Джангру почтительно преподносит она
Пищу, исполненную богатырских сил,
Тысяче вкусов могла б угодить еда.
«Ты не слыхала, — девушку Джангар спросил, —
Скрылась ли раненая старуха сюда?» —
«Что-то слыхала… колдуньей слывет она,
Кажется, в той вон лачуге живет она».

Джангар Богдо на лачугу бросает взгляд.
Семеро бритых юношей возятся там:
К туловищу прикрепляют старухин зад…
Молвила старая бритым своим сынам:
«Ныне из Бумбы надземной спустился к нам
Грозный владыка семидесяти сторон,
Джангар Богдо, нойон, прекрасный, как сон.

Видно, пришел он за Хонгром, который на дно
Бурного моря шулмусами брошен давно.
Слушайте: только в лачугу войдет нойон,
Зубы свои коренные выплюньте вмиг,
Переверните к нёбу красный язык
И превратите нойона в бесплотный сон,
И да приснится собственным подданным он!»

Крикнул нойон: «Опора владений своих,
Вот я, предмет ночных сновидений твоих,
Джангар, предел твоих вожделений дневных!»
Слова еще своего не закончил он, —
Ринулись семеро бритых с семи сторон.
Стукнул их бритыми головами нойон, —
Опытный воин, Джангар их жизни лишил.
«Дай-ка войду я в дом нечестивцев», — решил.
Джангар увидел: сидит, игрушку вертя,
В люльке железной трехмесячное дитя…

«Дерзкий! Вчера мою мать в преисподней убил,
Братьев моих семерых сегодня убил,
И после этого, Джангар, с каким лицом
Входишь в мой дом! Э, видно, в надземной стране
Между бесстыжими первым ты был наглецом!
Ну-ка, нойон, подойди поближе ко мне!»

Джангар, смеясь, приблизился к малышу.
Справа пощечину мальчик ему влепил —
Сделал щеку нойона подобной ковшу.
Слева пощечину мальчик ему влепил —
На колотушку стала похожа щека.
Начали мериться силой два смельчака.
Друг через друга тогда летели они,
Бились без отдыха две недели они,
Все же друг друга не одолели они!

Славный герой, в боях искушенный притом,

Восемьдесят и четыре удара в бок
Джангар младенцу нанес и вниз животом
Бросил его на шероховатый песок.
Меч обнажил он, способный скалы рассечь,
Головы многих мангасов низвергший с плеч.
Синяя сталь блеснула. Подумал: «Убит!..»
Но лезвие будто стукнулось о гранит,
Только скользил и отскакивал славный меч,
Сделалось, как черенок, тупым лезвие…
Крикнул тогда шулмусёнок слово свое:

«Слушай, прекрасный, как сон, великий нойон,
Бумбы надземной глава: через три луны
Ты превратишься, нойон, в мимолетный сон,
Ты сновидением станешь своей страны!»

Так он сказал — и поднялся рывком одним
И побежал. Быстроногий Джангар за ним.
Снова вступили враги в рукопашный бой.
Всю возмутил преисподнюю страшный бой!
За руку Джангар схватил, наконец, дитя,
Оземь ударил его впереди себя.
И, в исполинской руке младенца вертя,
Оземь ударил его позади себя.
Он шулмусёнка злобного за ворот сгреб
И придавил наковальне подобный лоб
К черной земле четыре тысячи раз.
Утром, едва наступил предрассветный час,
Поднял врага и со всех рассмотрел сторон.
Дырку под левой мышкой, не больше ушка
Тонкой китайской иголки, заметил нойон.
Вынул булат — рассек шулмусёнку бока.
Вырвал он сердце шулмусского смельчака
И заодно — кровеносный главный сосуд.
Вырвались разом огненных три языка
Прямо из сердца: гляди, нойона сожгут!..
К предкам своим и к бурханам взывает вождь:

«Джангру даруйте вы черный волшебный дождь!»

Не отказали бурханы в просьбе такой:
Хлынула влага. Потух пожар колдовской,
Были задушены черным ливнем огни.

Джангар вернулся в юрту — к прекрасной рагни.
«Кто ты, — спросил он, — и надо ль тебе помочь
В деле каком?» — «Джангар, видишь мою красу?
Я родилась на небе, я — тенгрия дочь.
Утром однажды, когда в небесном лесу
Я собирала цветы, схватила меня
Эта шулма и в бездну спустила меня.
О мой отец, ты дожил до черного дня!
Старая ведьма готовила в жены меня
Младшему сыну, что в люльке железной сидел,
Сыну, который нижнею бездной владел!»

«Всех истребил я: и ведьму и сыновей, —
Джангар сказал, — колдовские чары низверг.
Как же сейчас ты решаешь в душе своей:
Здесь оставаться или подняться наверх?» —
«Лучше — наверх». — «Пойдем». И пошли
поскорей
Прямо к аркану из человеческих жил.
«Девушка, ты возьмись за аркан», — предложил.
«Вы поднимитесь сначала, доблестный хан». —
«Девушка! вот мой приказ: возьмись за аркан!» —
«Джангар, исполненный дара великий хан,
Джангар, могу ли подняться я раньше вас?» —
«Я говорю: поднимайся, таков мой приказ!»

Только зашевелился тяжелый аркан —
Мальчики потянули поспешно витье.
Девушка показалась. Увидев ее,
Мальчики переглянулись между собой.
Молвила: «Счастье даровано мне судьбой,

Ад я покину… Мудрость нойона Богдо
Неиссякаема — с ним не сравнится никто!»

Вытащив девушку, перемигнулись хитро
И перерезали отяжелевший аркан.
Грохнулся Джангар на дно и разбил бедро.
Долго лежал в беспамятстве доблестный хан.
Он сновиденьем сделался Бумбы святой,
Алого Хонгра — несбыточною мечтой…

Вдруг прибежали две мыши: муж и жена.
«Туша мясная лежит. Прекрасный обед», —
Самка сказала… Самец заворчал в ответ:
«Равен мужчина мужчине, запомнить должна!
Разве не видишь: владыка племени он.
От одного из несчастий времени он
Ныне страдает. Не трогай его. Пойдем». —
«Вот так сказал! Какое же мясо найдем,
Если не это, что попусту брошено здесь?
Кем же с тебя, муженек, будет спрошено здесь?» —

Молвила самка и откусила кусок.
«Над обессиленным человеком, видать,
Мышка — и та госпожою готова стать!» —
Джангар воскликнул, и щелкнул он мышку в бок,
Жадине-самке бедро нойон раздробил.
И побежал самец изо всех своих сил
И через сутки вернулся, держа листок
В острых зубах. Вручил он супруге свой груз.
Самка погрызла — зажило сразу бедро.
«Дай-ка еще раз узнаю, каков на вкус
Этот злодей. Он поранил меня? Добро!»
Так говоря, отхватила здоровый кус.
Джангар дал ей опять щелчка, разбил ей бедро.
Самку самец упрекнул: «Не верила мне:
Я же тебе велел не трогать его.
Видишь теперь, как ужасен ноготь его!»

И побежал куда-то в ночной тишине,
И на второе утро вернулся к жене.
Новый листочек в острых зубах приволок.
Вырвал нойон из мышиного рта листок.
Снова самец побежал, терпенье храня,
И возвратился в начале третьего дня
С новым листочком. Но Джангар отнял опять.
Снова проворный самец пустился бежать
И возвратился на третьи сутки к утру,
С третьим листочком. Но снова отнял нойон!

И приложил он первый листочек к бедру
Раненой мышки — и самку вылечил он.
И положил он второй на свое бедро —
Видите, как владыка придумал хитро! —
Сразу же был он этим листком исцелен,
Третий листок пожевал, проглотил нойон —
Сразу же на ноги встал… Кромешная мгла:
Пропастью мрачной эта местность была.
Солнце, светившее здесь в недавние дни,
Было, как понял нойон, сияньем рагни…
Только не стало ее — потемнело вокруг…

Насторожившись, Джангар услышал вдруг
Звуки сладчайших напевов где-то вдали.
И побежал он вперед и вдруг увидал
Нежной листвой венчанный цветущий сандал,
Чья голова достигала верхней земли.
Только ложилось дыхание ветерка,
Только листок другого касался листка —
Сладостные раздавалися голоса,
Звуки взлетали под самые небеса.

Джангар тянулся, даже на цыпочки встал,
А ни единого не сорвал он листка!
Стал он карабкаться на цветущий сандал,

Сутки до первого добирался сука!
Лишь на вторые сутки настойчивый хан
В муках взобрался на следующий сучок.

Двадцать листков он сорвал и спрятал в карман.
И на язык положил он один листок:
«Дай отыскать мне к утру грядущего дня
Спутников этих проклятых, — молвил нойон, —
В мыслях нечистых своих погубивших меня».
И погрузился нойон в богатырский сон.

Утром, проснувшись, владыка себя нашел
Возле мальчишек, чьи души черны, как ночь.
Из-за красавицы спор между ними шел:
Не уступали друг другу тенгрия дочь.

Джангар, красавице обещавший помочь,
Сразу отправил ее в родительский дом.
«Здесь оставайтесь, паршивцы. Уйдете — потом
Не пощажу вас. Куда бы ни скрылись — найду:
И наверху и внизу, на земле и в аду».

Так приказав, отправился Хонгра искать,
Огненно-красной тропой побежал опять…

Снадобья и напитки держа на виду, —
Тысячи вкусов исполненную еду, —
Вдруг появились три темнооких рагни.
Джангар спросил — а спрашивал он об одном,
О великане Хонгре. Сказали они:
«Эти места были прежде глубоким дном
Бурной реки, не имевшей брода вовек.
Но только Хонгор — гордость народа вовек —
Вскрикнул трикраты, не вытерпев адских мук, —
На три потока река разделилась вдруг,
Образовав с этих пор три брода, нойон.
Знай же теперь, опора народа — нойон:

Здесь и покинула Хонгра его душа!»

Джангар помчался, Хонгру на помощь спеша.
Долго бежал он огненно-красной тропой,
И раскаленного моря достиг нойон.
Лучники к морю сбежались со всех сторон —
Тысячи тысяч шулмусов. Начался бой.
Врезавшись в самую гущу вражьих полков,
С тыла теснил их нойон и с обеих боков.
Падали перед нойоном стены стрелков.
Был он бедою трусов, грозой смельчаков.
Видимо, смерть превратилась в его булат.
В летописях не сыскать подобных расплат!
Джангар на поле сраженья бросает взгляд,
Делает этим шулмусам быстрый подсчет:
Их оказалось не более пятисот!
Он размахнулся мечом со всего плеча —
Новая сотня гибель нашла от меча.
Долго еще рубился Джангар-нойон.
Долго с нечистыми бился Джангар-нойон,
На поле щедрая кровь заалела его,
Сделалось панцирем белое тело его,—
Еле держалась в этом теле душа.

Ринулись вдруг на него, тяжело дыша,
Четверо сотников — гордость вражеских сил.
Трех разрубил он, с четвертым в борьбу вступил:
Руки скрутил, подбросил его к облакам
И на лету разрубил его пополам.

Этот боец — последним был из врагов.
Хан оглянулся. Мертвые воины спят,
И только в люльке темнеющих берегов
Море качается, крупные волны кипят.
Джангар беспомощно озирался в аду.

«Как я в такое кипящее море войду,

Как же теперь могучего Хонгра найду,
Эту надежду, эту опору мою?
Дай-ка листочек сандаловый пожую!»

Лишь прикоснулся к устам нойона листок,
Как превратился нойон в зеленый листок,
В море свалился, ко дну проворно пошел.
Долго блуждал он, жарким теченьем влеком,
Шарил он по дну единственным стебельком,—
Кучу ветвей и груду камней нашел,
Будто их с умыслом кто-то вместе сложил.

Крепким арканом из человеческих жил
Джангар связал их и на берег потянул.
Камень и дерево — Джангар сразу смекнул —
Были недавно костями Багряного Льва.
И, пережеванный выплюнув лист сперва,
Истинный облик принял великий хан,
Вытащил на берег многовитковый аркан.
Кликнул он клич богатырской своей земли.
Так он сказал: «Если ты волшебный листок,
Если действительно ты целебный листок,
Хонгра, Багряного Льва моего, исцели!»

Брызнул владыка жвачкой зеленой своей.
Чудо свершилось: начали мозгом костей
Камень и дерево наполняться тогда,
Начали кости соединяться тогда,
Мясом покрылись, приняли жизни родник.
И постепенно Хонгор из груды возник,
В сладостный сон, казалось, герой погружен.

За щеку лист колдовской положил нойон
И превратился в листок зеленый опять.
Хонгор проснулся. Не размыкая век,
Молвил зевая: «Э, видимо, человек
Тоже способен целую вечность проспать!

Кажется, некому было прийти за мной.
Если пришел ты, Джангар, владыка земной,
То выходи!» И нежданно Джангар возник,
Носом хрустальным к щеке страдальца приник.
И заключили друг друга в объятья они.
Семеро суток лобзались, как братья, они.
Счастьем и горем делились четырнадцать дней
И, наконец, направились в Бумбу свою —
Истосковались эти герои по ней!

Мало ли, долго ль блуждали в адском краю,
Прибыли к двум мальчуганам в начале дня.
«Вот они, с черными мыслями два молодца,
Стольким страданьям подвергнувшие меня,
Подлые — моего желали конца,

Их по заслугам следует наказать».

«Нет, мой нойон, позвольте вам правду сказать.
Вам помогли, как лучшему другу, они,
Ценную вам оказали услугу они.
Если бы не перерезали ваш аркан,
Где бы достали вы, о мой великий хан,
Листьев сандала — моих чудесных врачей?» —
Хонгор воскликнул, и озорных малышей
Взял он с собой и в родные привел места.

Дальше помчались, превозмогая жару,
И, наконец, над собою увидали дыру,
Взяли в могучие руки п**о** два шеста,
Начали выбираться из адских глубин.
Там, где поуже, на шест опираясь один,
Там, где пошире, на два опираясь шеста,
Муки неслыханные терпя на пути,
Все же смогли до шестой земли доползти.
Новые муки претерпевая, смогли
Два смельчака доползти до пятой земли.

Дней не считая, ночей не считая, ползли —
И поднялись на поверхность первой земли.
А над норой стояли Шовшур и Цеджи,
И мальчуган убеждал старика: «Прикажи
Людям спуститься!» И Джангар
Хонгру сказал:
«Все, что я приобрел, оставив тебя,
Множество мук претерпеть заставив тебя,—
Этот вот мальчик!» — И на дитя показал.
«Так почему же прежде молчали вы,
Не говорили мне в самом начале вы
О мальчугане? Увертки вас не спасут,
Я вызываю вас, Джангар, на правый суд!»

Вскоре достигли всех богатырских ушей

Слухи о том, что вернулись к себе домой
Джангар и Хонгор — из преисподней самой!
Семьдесят ханов и тридцать пять силачей
В честь возвращенья героев устроили пир.
Отпировав неделю, в кумирню пошли.
Лама верховный, держа священный очир,
Благословил сынов богатырской земли.

Снова невиданное пошло торжество.
Джангар, едва не лишенный ходом времен
Отческого престола, — воссел на него,
И, восседая, перекладывал он
Шелковую подушку под локоть любой.
Реки медовой арзы текли без конца,
Острые шутки сыпались наперебой.
Сколько могло уместиться в пределах дворца,
Столько богатырей пировало тогда,
И наедались все до отвала тогда.

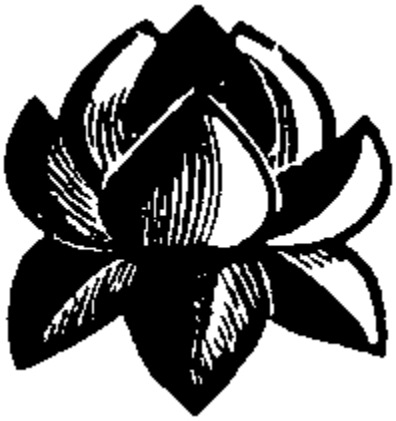
И несравненный Хонгор сказал на пиру:
«Вас я, избранники Бумбы, в судьи беру,
С нашим нойоном Джангром затеял я спор —
Тяжбу мою разреши, богатырский стан!
Этот нойон от меня скрывал до сих пор,
Что у него трехлетний растет мальчуган!»

И сообщили Хонгру свой приговор
Богатыри, посоветовавшись в тишине:
«Правда на вашей, по-видимому, стороне.
Право предоставляется вам посему —
Имя наречь, по желанию своему,
Трехгодовалому сыну Джангра Богдо».

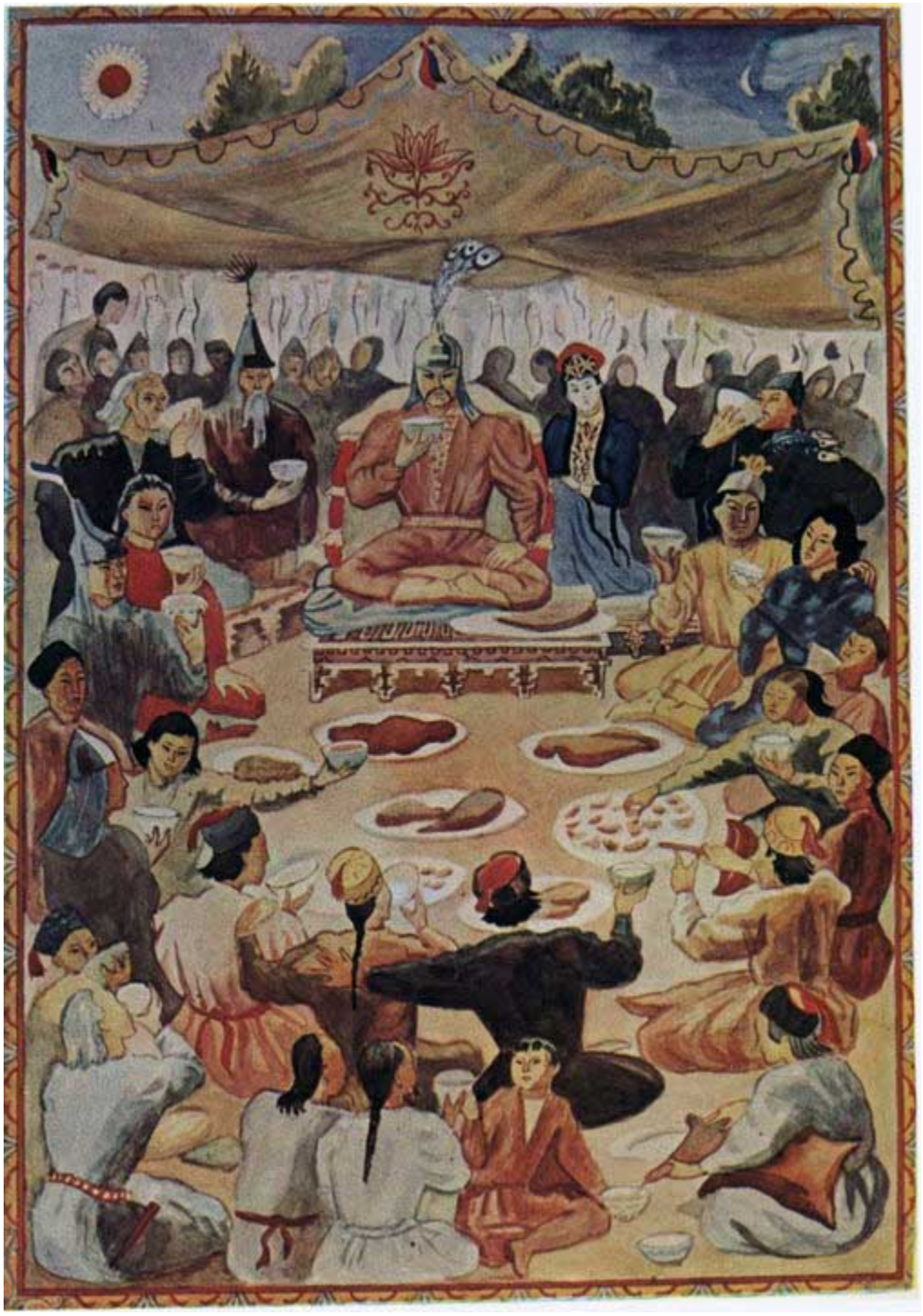
Хонгор сказал властелину — Джангру Богдо:
«Вашего сына Лотосом я нареку,
Многое мальчик свершит на своем веку:
Только родившись, в руки взять он успел

Ваши бразды мирских и духовных дел,
Бумбы-Тибета страну воедино собрав!»

Семьдесят ханов семидесяти держав
Стали Шовшура с тех пор называть Бадмой —
Самым нежнейшим из человечьих имен.
И на великий кругооборот времен
Бумбы народы зажили мирной семьей.
Счастья и мира вкусила эта страна,
Где неизвестна зима, где всегда весна,
Где и дожди подобны сладчайшей росе,
Где неизвестна смерть, где бессмертны все,
Где небеса в нетленной сияют красе,
Где неизвестна старость, где молоды все,
Благоуханная, сильных людей страна,
Обетованная богатырей страна.



Песнь двенадцатая
О походе против лютого хана Хара Киняса



Сказывают: пребывал на востоке хан.
Звался Хара Кинясом жестокий хан —
Поработитель семи надземных держав,
И покоритель семи подземных держав,
И предводитель сильнейших в мире бойцов,
Богатырей, прославленных храбрецов,
Мощный властитель необозримой страны,
Края, не тронутого руками войны
На протяженье семи поколений земных.

Телохранители хана: последний из них
Справится с целым тюменом богатырей.
Если Киняс выезжает с охраной своей —
Едет вокруг двенадцать тысяч бойцов,
Если ж Киняс почивает в охраной своей
Сказочной башне — двадцать тысяч бойцов
Попеременно стоят у дворцовых дверей.

Чтобы никто не сумел причинить вреда
Грозным дружинам доблестных богатырей,
Около ставки стоят на цепях всегда
Барс и гиена, чьи неподвижны зрачки,
Барс и гиена, рвущие всё на куски,
Что попадется им в лапы. Когда ж по ночам
Их выпускают на волю, спускают с цепи,

Не подступиться бесчисленным силачам
Тысячи стран к воротам ставки: в степи
Камни — и те дрожат от рева зверей!
Самые славные рати богатырей,
Самые стойкие — в беспорядке бегут,
Самые храбрые — без оглядки бегут.

В башне, прекрасной, как марево поутру,
Сто богатырских кругов сошлось на пиру.
Чревам уже становилось от яств тяжело,
Черной арзой изнутри великанов жгло,
Шумной беседе, казалось, удержу нет.
Стали походы высчитывать за сто лет.
Стали разведки высчитывать за шесть лет.
Руки свои потирая, дружину свою
Взглядом окидывая колдовских очей,
Пальцами всеми похрустывая десятью,
В трепет испытанных приводя силачей,
Молвил Киняс: «На подлунной тверди земной
Может ли кто-нибудь состязаться со мной?»

Тут богатырь, по прозванью Беке Цаган
Ставший грозою ста двенадцати стран,
Силой прославленный в странах шести владык,
Храбрый Цаган, который сражаться привык
С множеством львов, убивая каждого льва, —
Молвил Хара Кинясу такие слова:
«Страны подлунной земли, до которых коню
Можно добраться, — силе своей подчиню,
Власть утвержу на каждом земном куске!»

Но богатырь, по прозванью Наран Кюсхе,
Верно предсказывающий событий черед
На девяносто и девять весен вперед
И повествующий с правдою на устах
О сорока девяти минувших годах,—
Так доложил властелину: «Хара Киняс!

Нашего льва мы на слове изловим сейчас,
Но терпеливо прослушайте мой рассказ.

Есть, говорят, за горами Бумбы страна,
Под восходящей зарею лежит она,
И величавой белой горой издавна
Эта земля с небесами соединена.
Тело земли отразил океан голубой.
Каждое утро выбрасывает прибой
На бесконечно темнеющие берега
Золота слитки, куски серебра, жемчуга.

Если глотнет океанской воды человек,
Станет бессмертным и юным пребудет вовек.
Землю изрезало множество шумных рек,
Вечно шуршит в каменистых руслах вода,
Вкусная, не замерзающая никогда,
Мчится четыре времени года она,
Истинное богатство народа — она.
Реки, подобно водопроводу,[12] текут,
Около юрт, ко всякому входу текут,
Влагой снабжая тысячи тысяч людей.
Если посмотришь на темные берега,
Глазу предстанут пастбища для лошадей,
В лето и зиму травой покрыты луга,
Вечнозеленой, раскачиваемой слегка
Нежным дыханием свежего ветерка —
Точно молитва, читаемая нараспев.

На средоточии мира, в кругу дерев,
Башня, увенчанная очиром, стоит,
Башня Богдо, сияя над миром, стоит,
Светится, точно марево, издалека.
Сказывают: уходит она в облака,
Точно картина красуется в небесах,
Краски меняются у тебя на глазах.

Средние все купола горят изнутри
Редкими раковинами цвета зари,
А десяти боковым даны куполам
Стены из камня с пламенем пополам.
Семьдесят тысяч как бы живых орлов
Десять наружных украсило куполов,
Кажется, что для полета выберут день.
Правая сторона поражает резьбой!
Наперегонки с тушканом бежит олень.
Слева посмотришь — возникнет перед тобой
Барса с гиеной увековеченный бой.

На расстоянии выстрела выстроен мост,
Сходный по цвету с отблеском северных звезд.
Прямо к порогу ведет он, а там, у дверей
Этой обители славных богатырей —
Каменные столпы величаво стоят,
Золотом блещут, слева и справа стоят.

Жизни доверив свои острию копья,
Страсти — стране посвятив, а Джангру — себя.
Богатыри, что клялись на священном мирде
Жить как один человек всегда и везде,
Оберегая родимый край от врагов,
В башне расселись, — семь необъятных кругов.

На снежно-белых девскирах, повыше всех,
Локтем своим опершись на барсовый мех,
Джангар-нойон восседает, владыка племен.
Сзади посмотришь — сандалом колышется он,
Сбоку посмотришь — сияет он полной луной,
Круглой луной пятнадцатой ночи степной.
Спереди глянешь на Джангра Богдо, осмелев, —
Перед тобою возникнет алчущий лев.

Женщинами расчесанная коса
В блестках серебряных, как дождевая роса,

Тяжко легла на мощные мышцы спины,
Между которыми мог бы верблюд пройти
С кладью тяжелой — и не застрял бы в пути.
Волосы черные, сказочной толщины,
Джангром отпущенные в минувшем году,
Ханшей подстриженные в текущем году,
Уши прикрыли. Проняты мочки ушей
Парой серег, повисших у шеи стальной.
Зорче всевидящих кречетовых очей
Джангровы карие колдовские глаза:
Пламя в них вспыхивает и таится гроза.

Джангра усы — подобье орлиных крыл.
Если бы Джангар спину свою приоткрыл,
Мы бы увидели небожителей мощь.
Длинные копья мечет без промаха вождь,
Белой рукою мечет, а в ней скрещена
Львиная сила с бессмертной силой слона.
Облик Майдера сияет на светлом челе,
Облик Майдера, неведомого земле, —
Жизнь отдавали, чтоб на него взглянуть!

Серое сердце, прекрасную, ясную грудь,
Алую душу — недруги жаждут ее!—
Оберегает прославленное копье.
Было копье из тысячи свито стволов,
Сказывают: сердцевина его сплетена
Из роговых частей шестисот козлов,
И сухожилиями покрыта она
Целого стада меринов молодых —
Лысых, буланых, караковых и гнедых.

Верхняя часть — предметом соблазна была.
Были страшилищем душ ножи на древке,
А наконечника сталь — алмазной была,
И не застрял бы двугорбый верблюд в темляке!
В камне, стоящем у башни, зажато копье.

Это сандаловое в три обхвата копье
Всажено в белую глыбу на сто аршин
Так, что не всякий вытащит исполин.

Конь, на котором ездит страны властелин,
Первожеребой зачат кобылицею был,
Взятою из табуна чистокровных кобыл,
С гривами из камней драгоценных пород,
Первожеребых, без лысин и без пестрот…
Конь властелина достоин славы своей:
Не устает в тяжелых походах он,
Трижды проскачет вокруг державы своей,
Но и тогда не станет на отдых он.

Сказывают: у прославленного скакуна
Шея лебяжья, кара-куланья спина,
А величавая грудь — Алтаю равна.
Челка подобна мягким купавам речным;
Уши подобны кувшинным ручкам резным;
Очи пронзительней кречетовых очей;
Крепость резцов превосходит крепость клещей;
Сверлам подобны клыки — остры и сильны;
Перловый хвост переливчатый — дивной длины;
Редки шаги: копыта — державам земным
Гибель несут; Аранзалом зовут скакуна,
А коневодом, ухаживающим за ним,
Стал богатырь, именуемый Бор Мангна.

Богатыри пируют под сводом небес.
Над силачами — шелковый синий навес,
Чтобы их зноем не жгло, не мочило росой;
Мясом оленьим, благословенной арзой,
Джангром излюбленной, угощаются там,
Кто ни пришел бы — все насыщаются там.

Девушками, невестками окружена,
Рядом с Богдо восседает его жена,—

С великолепным закатом янтарным сходна,
С утренним солнышком лучезарным сходна.
Светом таким сияет владычицы взор,
Что вышивают при нем тончайший узор.
Если нечаянно в сторону табуна
Ханша прекрасная глянет — за табуном
Сможет табунщик следить и во мраке ночном.
И до того прекрасна владыки жена,
Что если на воду взор опустит она,
То сосчитаешь всех рыб на глубоком дне,
То замечаешь рожденье рыб в глубине.

В прелестноликом, в полтысячном круге ее,
Споря красою, сидят подруги ее,—
Славят красу несказанную ханской жены.
Косы ее не туго заплетены;
Голеней достигают токуги ее;
Шелковый пышен халат упругий ее;
Выкроен из неизвестной ткани халат;
На голове — убор золотой, говорят,
В целый косяк пятилетних коней ценой,
Вышитый жемчугом ханшей Уржин Бадмой;

Ноги обуты в прекрасные сапожк**и**.
В мягкие, ярко-красные сапожк**и**
Сказывают: за пошивку одних задков
Было заплачено сто золотых монет,
А за пошивку сафьяновых каблучков
Семьдесят было дано золотых монет.
Пары, подобной этим, на свете нет,—
Пять мастериц тачало годами их!
Люди, любующиеся следами их,
Платят за право осмотра пятьсот монет.
Люди, любующиеся на них самих,
Платят за это десятки тысяч монет.

Джангар насчитывал двадцать отважных лет

В те времена, как в жены красавицу взял.
Был семилетним тогда скакун Аранзал.

Ханы — владыки многих земель и морей —
В жены Богдо предлагали своих дочерей
Вместе с казной и мудрым советом своим,—
Не удостоил их Джангар ответом своим!
И приставали простые нойоны к нему
И дочерей предлагали в жены ему
Вместе с браздами земных и духовных дел,
Но богатырь и слушать их не хотел!

Девушки подходящей себе не сыскав,
В сторону запада, неизвестным путем
Джангар пустился на быстром Рыжке своем
Неба пониже, повыше коленчатых трав.
Долго нойон скитался в безводной степи,
Долго скакал в безлюдной, бесплодной степи,
Жаждой томим и сухим дыханьем жары,
Свесив на конскую гриву копье свое.
И на вершину взобравшись плешивой горы,
Он, опершись на сандаловое копье,
Обозревал обитателей чуждой земли.

Черное море заметил он издали,
В семьдесят месяцев быстрой езды шириной
Дыбилось, трескалось водяное стекло.
Камни вздымая в кобылу величиной,
Против теченья другое теченье текло.
Камни о камни бились, дробилась вода,
Вспыхивал пламень, и начиналась тогда
Злая, смертельная схватка волны с волной.
Там берега в девятьсот саженей вышиной
Неугасимым пожаром сверкали в ночи,
Острыми были мысы — как стальные мечи.

З**а** морем ханствовал славный Гюши Замба.

Нежную дочь даровала ему судьба.
Ратью мангасов — опасны людям они, —
Всеми тремя несравненными чиндамани
И золотой горой он владел искони…
Тенгрия сын обручиться давно мечтал
С дочерью ханской — месяцеликой Шавдал, —
Джангар убил небожителя в честной борьбе,
Войско мангасское подчинил он себе,
Ханства Гюши Замбы владыкою стал, —
Так он женился на юной Ага Шавдал.

Верно предсказывающий событий черед
На девяносто и девять весен вперед —
Сказывают: возглавляет Алтан Цеджи
Правую сторону Джангровых богатырей.
Слава о нем перешла страны рубежи.
Он откровенен с ханом державным всегда
И сообщает о тайном и явном всегда.

Левую сторону Джангровых богатырей,
Сказывают, возглавляет Гюзан Гюмбе,
Непобедимый ни на гульбе, ни в борьбе.
Этой высокой достоин чести Гюмбе,
Войско приводит он в трепет секирой своей!
Сказывают: при стесненном усесте — Гюмбе
Может занять места двадцати силачей.

Сказывают: при свободном усесте — Гюмбе
Может занять места сорока силачей.
Рядом с Гюмбе восседает Алый герой.
Он вызывает на бой стотысячный строй.
Страшным подвергнутый мукам в адских краях,
Не возымел он привычки выкрикивать: йах!
Сталью каленой враги сверлили его,
Кожей плетеной, проклятые, били его, —
Вытерпел пытки шулмуса злого герой,
До сумасшествия всех силачей довел,

А не сказал ни единого слова герой!
Воин, способный вырвать сандаловый ствол
С корнем и сучья все на ходу содрать,
Броситься пешим на безмерную рать —
И победить отборнейших силачей.
Он перепрыгнет через леса бердышей
И не заденет ни одного острия.
На две сажени бьет его крови струя.
Тело его не пронзят и тысячи стрел.
Был он зачат именитой Зандан Герел.
Названный Хонгром, он именуется Львом.

Рядом, всегда в одеянии боевом,
Савар Тяжелорукий сидит за столом.
В детстве печальный удел страдальца постиг:
Ростом едва лишь большого пальца достиг —
Были родители Савра умерщвлены.
А через год в пределы его страны
Вторглись войска неизвестных прежде врагов,
Отняли подданных — семьдесят языков.

Савар, взнуздав темно-бурого жеребца,
Вооружившись, отправился на восток.
Мчался, пока не высох горный поток,
Жгучей бесплодной степью скакал без конца
Во исполнение завещанья отца:
„Сын! Поезжай пустынею дикой ты,
И за мангасским последуй владыкой ты.
Грозным Догшоном, Шара владыку зовут,
Все его страны сказочными слывут,
Сказывают: беднякам — богатство дает,
И в родовитых он превращает сирот“.

В полдень, когда придавил вселенную зной,
Спешившись, юноша брел дорогой степной.
Савра заметил всевидящий, мудрый Цеджи,
Молвил пирующим седокудрый Цеджи:

„Мальчик бредет пустынею несколько лун,
И в поводу ведет он коня своего.
Мысли быстрее на полсажени скакун,
Ветра быстрей на сажень; когда на него
Юноша сядет, поднимет секиру свою —
Станет сей всадник непобедимым в бою,
Станет тогда половина мира — его,
Сможет любого сразить секира его!
Ныне, покуда бредет он, жарой опален,
Пеший, голодный, — захватим его в полон“.
И, соглашаясь, кивнул головой нойон.

Мигом оседланы кони. Ветра быстрей,
Двинулись полчища желтых богатырей,
А впереди скакал великий нойон.
Сердцеобразный колодец проехала рать
И миновала мост, похожий на сон.
Тысячи мчались — в полон одного забрать!
Ехали ночью — отряд о сне забывал,
Ехали днем — забывал он сделать привал.
Так они выехали на степной перевал.

Воины видят: все покрыто кругом
Таволожником да зернисто-белым песком.
Путник бредет, по земле чумбур волоча.
Сразу коня отобрали у силача,
Сразу же заняли дорогу к воде.

Даром, что Савар оказался в беде, —
С полчищем бился герой одиннадцать дней.
Даром, что был он пешим, — быстрейших коней
Он догонял, сильнейших героев сбивал.
И скакуны убегали за перевал,
Седла болтались под животами коней.
Видимо, Савар огромной рати сильней!
Богатыри порешили сделать привал.

Что же сказать о Хонгре — неистовом Льве!
Он, охмелев от арзы, храпел в бумбулве,
Спал и не знал, что нойон выезжать приказал.
Думая: „Как бы с Богдо не случилось беды“, —
Спящего мужа стала будить Герензал,
Вылив на темя двенадцать кувшинов воды.
Голову положив на колени свои,
Волосы мужа пригладила Герензал
И обратила к нему моленья свои:

„Где же твой Джангар, сказкою
ставший дневной?
Может быть, хан преисподней в плен его взял?
Где же твой Джангар, мечтой
прослывший ночной?
Может быть, стал он добычей шести владык?
Людям известен обычай шести владык:
Жертву пытают свою от зари до зари.
Может быть, наше войско разбил мальчуган?
Взять его в плен задумали богатыри…
О приученный дикий мой балабан!
О укрощенный гордый детеныш орла!
О припасенная мной для врага стрела!
Коршун мой, приносящий в клюве гнездо!
Муж мой, спеши на помощь к нойону Богдо!“

Выслушал Алый Хонгор супругу свою.
Стал он похрустывать пальцами десятью,
Буйное сердце забилось в клетке грудной —
Будто бы зверь заметался в чаще лесной.
„Вот как богатыри поступили со мной,—
Не разбудили, поехали без меня!
Я ведь привез их сюда на крупе коня,
Связанными привез их — добычу мою,
Мял их своими пальцами десятью —
Как же могли без меня пойти на врага?
Здесь ли ты, мой коневод, мой Зандан Зарга?

Сивого Лыску скорей оседлай моего,
Сильного — можно Алтай взвалить на него, —
Крепкого — можно полмира объехать на нем!“

И коневод вернулся с хангайским конем.
Лыско помчался труднейшей из горных дорог.
Мчался, как будто буре завидовал он.
Пару высоких и тонких передних ног
Дальше своих челюстей закидывал он,
Задние ноги к прекрасным пахам подбирал
И четырьмя копытами свет попирал.
Грязи комки летели, как стрелы, свистя,
Красная пыль поднималась, к тучам летя.
Так прискакал он к джангровым силачам.

Джангар Богдо воскликнул, не веря очам:
„О, наконец, примчался на сивом коне
Алый мой Лев, мой Хонгор приехал ко мне,
Беркут мой, сердце воинственное мое,
Светоч мой, солнце единственное мое!“

Ноги расставив широк**о** и подбочась,—
Савар стоит под сенью сандала сейчас,
Савар, которого не побеждал никто!

И с расстояния Хонгор крикнул ему:
„Если теперь в полон я тебя не возьму,
Пусть в этой жизни подвергнусь гневу Богдо,
В будущей жизни — пытаем буду в аду
Ханом Эрл**и**ком, когда к нему попаду.
Быть побежденным — ужасней не знаю греха!“

Видевший, ведавший многих секир обуха,
Лыско прекрасный к Савру приблизился вмиг,
Воздух ушами ножницевидными стриг.
Савар секирой ударил его тяжело.
Лопнул нагрудник, сползло золотое седло,

Конь опрокинуться мог бы в красной пыли,
Да удержался губами за корку земли.
Хонгор сумел коня на скаку повернуть,
Савра сумел ударить в могучую грудь,
Вместе с секирой бойца молодого схватил,
Вместе с секирой на гриву коня посадил,
Савра примчал к пестро-желтому стягу Богдо.

Джангар-нойон побратал в строю боевом
Тяжелорукого Савра с неистовым Львом,
Принял у них святую присягу Богдо.
Вестники посланы были во все концы,
И доложили подвластным ханам гонцы,
Что появился новый защитник у них,
Стал побратимом на пять поколений земных.

Снова наполнилась воинами бумбулва,
И богатырские снова пошли торжества.
Так, говорят, происходят у Джангра пиры:
Должен пропеть запевала Дуун Герел
Звонкие шастры — сказанья древней поры.
Чтобы напев серебряным блеском горел,
Юный Цеден играет на звонкой домбре.
Славится также искусством Очир Герел.
Огненной красотой он подобен заре,
Что золотит рассветающие небеса.

Сказывают: у женщин при виде его
Падают с бедер сами собой пояса.
Сказывают: у девиц при виде его
Сами срываются пуговки на груди.
Даже старухи, плетущиеся позади,
Даже и те приговаривают, семеня:
„Ах, почему ты прежде не встретил меня,
Прежде, в мои целомудренные года!“

Тайну каждого звука разгадывал он.

К нежным губам свирель прикладывал он,
И, неизвестные раньше, рождались тогда
Звуки, подобные пению лебедей,
Что по весне мелькают в густых камышах.
Отгулы звуков подолгу звенели в ушах
Подданных Джангра, тысячи тысяч людей
Песням внимали, дыхание затая,
И небесами людям казалась земля…

Видите, хан — это сильный, богатый народ,
Все — родовиты, нет в этом ханстве сирот.
В счастье, в покое пребывает страна,
Где неизвестна зима, где всегда — весна,
Где и дожди подобны сладчайшей росе,
Где неизвестна смерть, где бессмертны все.
Если бы всех уничтожила наша рать,
Хонгор один сумел бы ее покарать.

Некогда на пустынной, безлюдной земле
Хонгра преследовали войска силачей.
Огненный лик посерел, подобно золе,
Веки смыкались Хонгровых львиных очей,
В мощное тело вонзили враги бердыши,—
Все ж не сумели стащить с коня смельчака.
„Видимо, нет у него при себе души“, —
Так порешив, прекратили погоню войска.
Хонгру подобных бойцов — не сыщем у нас!»

*** * ***

Выслушал грозный Киняс провидца рассказ,
И обратился к Беке Цагану Киняс:
«Сможешь ли ты разбить иноземную рать,
Сможешь ли Хонгра живого в полон забрать, —
Этого барса, мангасских полчищ грозу?»

Молвил Цаган владыке такие слова:
«Опустошить я сумею Желтую Зу,
Заполонить я сумею Алого Льва,
В башню ворвусь — уничтожу
Джангрову рать!»

Снова Беке Цагана Киняс вопросил:
«Что, если вдруг у тебя недостанет сил
И храбреца не сумеешь в полон забрать?»
«Если бойца не сумею в полон забрать,
Гибель свою под вашей нагайкой найду,
В будущей жизни — пыткам подвергнусь в аду».

Молвил Киняс: «Хорошо, богатырь, пущу
В битву тебя. Добудешь ты Хонгра в бою —
Десять исполню желаний твоих и прощу
Десять проступков, задевших душу мою.
Выполнишь клятву, найдешь удачу в борьбе —
Мирное ханство в удел назначу тебе!»

Облобызал семикратно Цаган свой булат,
Чье лезвие закалялось двенадцать лун.
А от удара его тупея, говорят,
Воспламеняется семислойный чугун…
Трижды владыке страны поклонился Цаган,
И своему коневоду сказал великан:
«Надо в дорогу отправиться скоро мне,
Ну, приготовь-ка лихого Цохора мне,
Крепкого, хоть Алтай на него положи!»

Мудрый старик, ясновидец Алтан Цеджи,
Передает эти речи хану Богдо,
Передает богатырскому стану Богдо.
Голосом Хонгра наполнилась бумбулва:
«О мой нойон, затмивший сиянье зари!
О дорогие, как сердце, богатыри!
Слышали вы мангасского хана слова,

Слышали также Беке Цагана ответ,
Ежели алую кровь на песок пролью —
Станет одним лишь глоточком богаче свет.
Ежели высохнут кости мои на Эрклю —
Горсточкой праха станет больше тогда.
Ежели буду булатом сражен — не беда!
Также не будет обидою для меня,
Ежели гибель найду под копытом коня;
Только сначала в ущельях горных цепей
Силу Цагана измерю я силой своей!..»

Джангар ответил, когда богатырь замолк:
«Страшный овечьим отарам, Алый мой волк,
Острый бердыш, внушающий ужас врагу,
Каменный щит мой, защитник моей души!
Нет, одного пустить я тебя не могу,
Чтобы с мангасом ты встретился в дикой глуши,
Не навещаемой даже смертью самой!
Что, если выедем всей богатырской семьей?»

Хонгор сказал: «Неправильны ваши слова,
Заговорит обо мне людская молва:
„Струсил перед мангасским посланием он,
Справиться не сумел с чужестранцем он,
К помощи хана, к помощи войска прибег“.
Нет, не бывать позору такому вовек
У достославных дербен-ойратов, нойон,
У достославных, непобедимых племен!
Воды стремятся в ложбины с горных хребтов;
Делатель должен вкусить от своих плодов;
После заката — летнему зною конец;
После кончины — счастья не знает боец;
То, что случится, находится впереди…

Эй, коневод, коня моего приведи,
Сивку ленивого, Лысого моего,
Сильного, хоть Алтай нагрузи на него,

Крепкого, хоть объезди полмира на нем!
Пусть он слывет в мангасском диком краю —
В странах владык четырех — ленивым конем,
Но не запомню я случая, чтобы в бою
Дал он догнать себя вражескому коню,
Дал он поймать себя в хитрую западню!»

Между конями Джангровых богатырей
В травах душистых, у холода чистых вод,
Лыско резвился. Привел его коневод
И оседлал у прекрасных дворцовых дверей.
И предстоящей взволнованный скачкой своей,
Чуткие уши вонзая в святой небосвод,
Зоркие очи вперяя в алтайский кряж,
Прыгал скакун через головы богатырей,
Даже волос их копытами не задев.
Были копыта красивей жертвенных чаш…

А в пестро-желтом дворце неистовый Лев —
Хонгор — уже в цветной облачился бешмет
Шелковый, стоивший тысячу тысяч монет.
Черные латы поверх бешмета надел.
Скроенную в стране кумирен и лам,
Стеганную в стране богатырских дел,
Хонгор на плечи, подобные мощным крылам,
Куртку накинул — предмет стоустой молвы.
Белые латы надел он поверх улвы,
С красной подкладкой из ткани, известной
не всем;
На драгоценный свой лоб надвинул он шлем,—
Гребень являл золотую стаю грачей,
Золото было нежнее лунных лучей,
Спереди — лик Маха-Гала, подобный заре;
И застегнув на могучем левом бедре
Свой смертоносный, свой ледяной булат,
Выкованный кузнецами, каких, говорят,
Ни до того, ни после не видывал свет,—

Хонгор воскликнул: «О Джангар, Бумбы хребет,
Воины, давшие клятву биться со злом, —
Ныне готов я к бою с мангасским послом!
Светоч державы, провидец Алтан Цеджи,
Ты безошибочно мне теперь предскажи,
Где и когда мангасского встречу посла?»

«Взором провидца Беке Цагана ловлю.
В будущем месяце Юр, восьмого числа,
Встретишь его на белых отрогах Эрклю».

Молвил герою великий Джангар тогда:
«О задушевный шепот деревьев моих,
Вечно живая моя ключевая вода,
Топот коней моих, шум кочевий моих!
Ты, победив исполина дикой страны,
С миром сумей предстать пред владыкой страны,
Мы же не будем в это время дремать:
За семь недель соберем великую рать
И на мангаса Киняса войной пойдем,
Грозного хана в полон заберем живьем…
Эй, виночерпии, мудрые старики,
Выдайте Хонгру пятнадцать чаш араки!»

Вдруг Шикширги, державший бурдюк с аракой, —
Сто силачей не подымут клади такой, —
С места привстал, отбросил бурдюк далеко.
Видимо, было горе его велико.
Так он спросил: «Справедливо ли, мой властелин,
Чтобы мой Хонгор, мой единственный сын,
Послан к мангасским лютым чудовищам был,
Хонгор, который моим сокровищем был!
Хонгор — еще неотточенная стрела,
Хонгор — еще неокрепший детеныш орла,
Хонгор — еще тигренок без острых клыков,
Юноша без настоящих, мужских кулаков,
Можно ль послать к мангасам такое дитя?

Джангар-нойон, оставь ты в покое дитя!
Будешь ты здесь лелеять ханшу свою
И наслаждаться черной своей аракой,
А за тебя в это время в чуждом краю
Хонгрова кровь прольется красной рекой!
Кто, как не Хонгор, крепость державы твоей?
Кто, как не Хонгор, сиянье славы твоей?
Кто, как не Хонгор, твой величавый хребет?

Зрелых еще не достигнув и мудрых лет,
Чьей же ты силой вынудил ханов ветров
Кланяться низко твоим ногам в стременах?
Кто, как не Хонгор, сделал мирным твой кров?
Кто, как не Хонгор, врагов повергал во прах?
Был он гонителем всех, осужденных тобой,
Был победителем всех, побежденных тобой,
Как же решился ты — верить ушам не могу —
Хонгра послать на верную гибель к врагу —
К детищам ада, к невиданным смельчакам?
Лучше меня, эзен-хан, на куски раздроби!»

И зарыдал. Огромные, как воробьи,
Слезы катились по желтым старым щекам.
Сына себе на колени старик посадил,
Поцеловал и взглядом своим осудил.
Хонгор ответил родителю не спеша:
«О мой отец, я вижу, в ярости вы…
Д**о**роги мне вы, как собственная душа,
Глупым остались, однако, до старости вы!
Нет нам навара, пока вода не вскипит…
Видимо, вы — сырая вода, Шикширги!
Слушайте, славных богатырей круги:
Если мой конь четырех не лишится копыт,
Сам я — не буду в полон мангасами взят, —
Через пятнадцать лет я вернусь назад».

И распахнул он дверь золотой бумбулвы.
Вышли за ним властелин и храбрые львы.
Искоркой, вырванной ветром степным из огня,
Хонгор вскочил на коня, что прославлен везде.
Пальцы свои распластав на крупе коня,
Молвил он: «Джангар, подобный дневной звезде,
Вы, Герензал, и вы, золотые рагни,
Множество богатырей с единой душой!
Всем я желаю, в край уезжая чужой,
Чтобы спокойно текли счастливые дни,
Чтобы не ведали горя в родном дому!»

Джангар ответствовал: «На трудной стезе
Да засияет солнце коню твоему! В землю
Киняса вступив, подобный грозе,
Да возвратишься назад, победив его!»

Хонгор взнуздал дорогого коня своего
И под углом восходящих лучей полетел.
Днем не дневал он и ночью не ночевал.
Сердцеобразный колодец он миновал,
И миновал он людского жилья предел,
И на пустынный выехал перевал,
И закричал в открытое ухо коня:
«Должен ты в месяце Юр доставить меня
К диким отрогам серебряно-белой Эрклю,
Чашу — своей или вражьей — крови пролью».

Конь, услыхав повеление ездока,
Дальше своих челюстей закидывать стал
Ноги передние, легкие, как облака.
Мчался, как будто буре завидовать стал,
Задние ноги к прекрасным пахам подбирал
И четырьмя копытами свет попирал,
А позади — прозрачная пыль поднялась,
Радугою в небесный свод уперлась.
Белая пена кружилась над головой,

Красная пена слетала с обоих удил,
И по земле тянулась она пеленой.

Хонгор к земле наклонился. На всем скаку
Он из-под стремени белой рукой захватил
Горсточку мелкого выжженного песку.
Трижды прочтя заклинанье бурхана войны,
Дунул трикраты, подбросил песок в небеса.
Образовалась огромной величины
Синяя туча, волшебный дождь полился.
Ветер провел прохладной и мягкой рукой
По волосам скакуна. От ласки такой
Нежной домброй зазвучала грива коня,
Хвост распушился, прекрасной дудкой звеня.
Бури быстрей побежал отчаянный конь.
Будто пугаясь тени хозяина, конь
Прыгал, казалось, брезгуя телом земли.

Горная цепь уже показалась вдали —
Хмуро насупившаяся вершина Эрклю
Точно решила свалиться на ездока.
В пору, когда, пронзая насквозь облака,
Раннее солнце бросает лучи ковылю,
Чтобы жемчужиной стала росинка на нем,—
Горные птицы вспугнуты были конем:
Хонгор взлетел на вершину горы крутой.
Он оглянулся: крепостью золотой
Тысячезубый Алтай сиял вдалеке,
Завороженные спали пространства в тиши…
Пусто кругом, не найти человечьей души.

Хонгор сошел с бегунца, прикрепил к луке
Повод из пуха верблюжьего и серебра
И на гранитной стене, в щербине ребра,
Воин уселся, чумбур натянув стальной.
Сверху жара полуденная Хонгра пекла,
Снизу пекла нагретая солнцем скала…

Все ж просидел богатырь, несмотря на зной,
Семью семь — сорок девять томительных дней.

«Вот уже месяца Юр настала пора,
Вот подо мною белеет Эрклю-гора,
Кажется, встреча должна состояться на ней,
Кажется, мой Цеджи ошибиться не мог!» —
Так он промолвил и посмотрел на восток:
Тонкая пыль поднялась до седых облаков.
Что это, вихря столбы? Но вихрь не таков.
Это — не вихрь, и не дождь, и не смерч,
и не снег. Это — коня богатырского быстрый бег,
Это — копытами поднята пыль вдали!

Быстрым Цохором недаром коня нарекли.
Был он известен даже в стране холодов.
Он издавал ноздрями звуки рожка —
Сорок печальных и сорок веселых ладов.
Звали Беке Цаганом его ездока.
В землях мангасов прославлен Беке Цаган,
Был он грозою ста двенадцати стран;
Много врагов секира косила его,
Хонгрову мощь превосходит сила его…

Выехал Алый Хонгор навстречу ему.
Храбрый Цаган обратился с речью к нему:
«Эй ты, без роду, без племени, без языка,
С огненными глазами случного быка,
Ветром носимый, подобно свистун-стреле,
Изгнанный всеми владыками навсегда,
Блудный изгой, отверженец на земле,
Эй, говори, откуда бредешь и куда?»

Неукротимый ответствовал исполин:
«Джангар — мой властелин, предводитель дружин.
Ханство мое — одна из алтайских вершин.
Сила моя — несметный великий народ.

Он забывает в сраженьях слово: назад!
И повторяет в сраженьях слово: вперед!
Бумба — моя отчизна, где каждый богат,
Все родовиты, нет бедняков и сирот,
Смерти не знают в нетленной отчизне там,
И мертвецы возвращаются к жизни там».

«Этой страною враг никогда не владел:
Стал я бронею мирских и духовных дел!»
Молвил Цаган: «Слушай ты, говорящий со мной!
Если ты — пуп небес и тверди земной,
Если перед тобою трепещут враги,
Если твой меч купался в мангасской крови, —
Чей же ты сын? Прозванье свое назови!»

«Слушай: отец мой — славный Менген Шикширги,
Первым ребенком я был у Зандан Герел.
В огненном море шулмусов горел — не сгорел.
Страшным подвергнутый мукам в адских краях,
Не возымел я привычки выкрикивать: йах!
В самое пекло вступил я, не задрожав!

Кто же ты сам, отверженец всех держав,
Где твоя родина? Кто над тобой властелин?»

Молвил Цаган: «Я грозою народов слыву,
Злобного хана Киняса я исполин.
Еду я, чтобы разрушить твою бумбулву,
Еду я, чтобы детей превратить в сирот,
Еду я, чтобы в раба превратить народ,
Еду я, чтобы нетленных жизни лишить,
Еду я, чтобы людей отчизны лишить,
Еду — загнать их в заброшенные места,
Еду — забрать их четыре вида скота,
Еду я — разгромить богатырскую рать,
Еду я — гордого Хонгра в полон забрать.
Вот, мой противник, и встретились мы с тобой!»
И на скале начался настоящий бой.
Два бердыша лопатки пронзали насквозь.
Восемь коневых ног воедино сплелось.
Восемь копыт поднималось над крутизной.

Чтобы взглянуть на бойцов, из глуши лесной
Птицы слетались, дикие звери пришли,
Рыбы морские слушали на мели
Отзвуки битвы. Катились груды камней —
На поединок взглянуть бойцов и коней.

Всякую сталь испробовали силачи:
Копья, булаты, кинжалы, пики, мечи.
Крови струя навстречу неслась острию…
Много приложено было стараний тогда,
Но победителя не было в этом бою.

Грозные сбросив доспехи брани тогда,
Богатыри в рукопашной схватке слились.
Загрохотали громы, ветра поднялись,
Буря над миром мгновенная пронеслась,
И золотая вселенная затряслась;

Падали, поднимались и падали вновь,
Паром всходила над ними черная кровь.
Выказал каждый храбрость и силу свою,
Но победителя не было в этом бою.

И понатужился храбрый Беке Цаган,
Поднял высоко, силы собрав, великан
Алого Хонгра — поднять его нелегко! —
И перекинул через себя далеко,
Вызвав землетрясенье, взметнув ураган.
Хонгор хотел было встать, но Беке Цаган
Локоть железный вдавил в его позвонок.
Хонгор и тут оказался истинным львом:
Нет, не согнул он раскинутых рук и ног,
Нет, не коснулся песка шершавого лбом!
Так продержался три дня, три ночи боец,
Утром четвертого дня сказал наконец:

«Не были мы в этой жизни врагами с тобой,
Так почему же в смертельный вступили бой
Ради властителей — двое богатырей?
Ханы того не стоят и все их дела,
Чтоб из-за них, добытые от матерей,
Мучили мы и терзали свои тела,
Чтобы живая, невинная кровь текла!
Ладно, твоя взяла, твой надо мною верх.
Только запомни: каким бы меня ни подверг
Пыткам, — убить не сумеешь, я не таков,
А наживешь ты врага на веки веков.
Свяжешь теперь — потом сожалеть бы
не стал!»
И на четыре стороны все распластал
Руки и ноги свои, припал он к песку
Белым, горячечным лбом, придавил копье.

Тяжкую цепь на шею надев смельчаку
(Освободиться никто не мог от нее!),

Руки и ноги скрутив на крепкой спине,
Вниз головою к хвосту коня привязав, —
Злобный Цаган поскакал на быстром коне
Неба пониже, повыше коленчатых трав.

Хонгрово тело покрыла тогда синева,
С кочки на кочку подпрыгивала голова,
Рытвину минув, падала в ямину вновь.

Пленник освободиться хотел от ремней —
В нежные кисти впивались они сильней.
С кончиков пальцев сочилась алая кровь.
От беспрерывных ударов о глыбы камней,
От быстроты состязавшихся в беге коней
Хонгор в беспамятство падал на много дней.
Огненный лик, затмевавший прежде луну,
Сделался темной золой. В больную струну
Стан превратился, тонким, беспомощным стал,
А походил он когда-то на крепкий сандал!
Ехал лесами, привязан к хвосту скакуна, —
Птицы лесные летели с утра дотемна,
Птицы летели над ним, от слез ослабев,
Скорбного плача исполнен был их напев.
Ехал горами — к нему из логов и нор
В горе бежали когтистые жители гор,
Звери, неведомые странам земным,
Жалобно воя, следовали за ним.
Ехал морями, где много таится бед,—
Рыбы морские сбирались на каждой мели,
Выпученными глазами глядя вослед.
Ехал он степью — коленчатые ковыли
Стебли вытягивали, печально звеня.

Мимо овечьей отары промчался Цаган,
Десятилетний стерег ее мальчуган.
Вздрогнул овчар, узнав дорогого коня,
Сивого Лыску, что мощной казался горой.

Вздрогнул он, Хонгра завидев — гордость племен:
Волоком Алого волка тащат в полон!

Мальчик воскликнул: «Что с тобой, Алый герой,
В странах земных прославленный силой своей?!»
И побежал он в слезах, желая скорей
Хонгру помочь — полоненному силачу,
Думал: «Сейчас на мангаса я наскочу!»
Но посмотрите, как ловок Беке Цаган!
На своего скакуна закричал он «Чу!»
И полетел Цохор, как степной ураган,
И не сумел скакуна догнать мальчуган.

Молвил овчар: «Его не догонит никто.
Если ты жив еще, Джангар, славный Богдо,
Если твои копыта целы, Аранзал,
Если богатырей мангас не связал,
Если не сломан Джангра сандаловый дрот,

Если не сломан еще великий народ,
Если жива его сила нетленная вся,
Если не перевернулась вселенная вся, —
Скоро сумеет врагам отомстить великан,
Хонгор вернется, врагов уничтожив в бою!»

И возвратился на пастбища мальчуган.
Быстро пригнал он в хотон отару свою.
Был он одним из людей Алтана Цеджи.
Мальчик вошел в кибитку своей госпожи,
И доложил он достойной Нимен-Делиг,
Матери девочки — стройной Нимгир-Делсиг:
«Хонгор неистовый, гордость людских племен,
Злобным посланцем Киняса заполонен.
Он увезен в пределы мангасской земли».

«Мальчик! В каком же виде его повезли?» —
«Хонгра к хвосту скакуна привязал Цаган.
Руки и ноги скр**е**щены на спине.
Плечи свои распрямить хотел великан —
Образовались трещины на спине.
Силу свою до предела напряг великан —
А разорвать не сумел он тонкий аркан,
В нежные кисти впивались ремни сильней.
Тело его покрыто сплошной синевой.
О многоуглые глыбы горных камней
Он ударяется мудрою головой».

«Горе мне! — зарыдала провидца жена.
Плачет, не может остановиться жена.—
Разве не Хонгор прославлен во всех мирах
Храбростью твердой, неукротимой своей?
Разве не Хонгор прославлен во всех мирах
Силою гордой, непобедимой своей?
Разве не Хонгор внушил чудовищам страх?
Разве не Хонгор мангасов поверг во прах? —
Крупные слезы текли из очей госпожи.—

Ну, мальчуган, скорее к Богдо поспеши,
Джангру поведай об этом горе страны».

Сев на двухлетку, через нагорье страны
Мальчик помчался, не слушая плеска ключей,
Дней не считая, не замечая ночей,
Без перерыва стегал он по бедрам коня,
Без передышки стегал он по брюху коня,—
Так проскакал девяносто четыре дня.

Купол нойоновой башни заметил он
И проскакал он знакомые все места.
И прискакал к золотым воротам моста,
И неожиданно воина встретил он.
Это — прославленный был златоуст
Ке Джилган
«Кто ты? куда ты спешишь, двухлетку гоня?»
Только два слова промолвить успел мальчуган:
«Джангар… Хонгор…» — и наземь свалился
с коня
Сердце забилось у Ке Джилгана в груди.
В башню вбежал он, внезапный, словно гроза,
Остановясь богатырских кругов посреди,
Он, задыхаясь, уставил на Джангра глаза…
У златоуста не раскрывались уста!

В недоуменье глядели богатыри.
Молвил Цеджи: «Ты вбежал сюда неспроста,
Что же хотел ты сказать, мой Джилган?
Говори!» —
«Мальчик какой-то примчался к воротам моста
Издалека, очевидно, двухлетку гоня.
„Джангар и Хонгор!“ — крикнув, свалился с коня».

Джангар, лежавший на мягком ложе сперва,
Сел на престол, услышав эти слова,
За пастушонком послал он Джилгана тогда.

И златоуст привел мальчугана тогда.
На руки взял его Джангар, к лицу приник,
Но, увидав нойона сияющий лик,
Мальчик в беспамятство впал. Тогда Ке Джилган
Влил мальчугану в уста священный аршан, —
Все же в сознание не пришел мальчуган.
Джангар тогда приложил ко лбу талисман.
Вздрогнул овчар, пошел по телу озноб,
И закатившиеся под мальчишеский лоб
Очи раскрылись. В сознанье пришел мальчуган.
Джангар велел навара бедняге подать,
Жаждущему повелел он влаги подать,
Яств и напитков преподнесли старики.
Мальчик наелся, прекрасной испил араки.

«Ну, расскажи, что видел, что слышал, овчар!» —
Молвил нойон. И подробно, не торопясь
И не волнуясь, мальчик повел рассказ:
«Джангар, владыка земных и небесных чар!
Вашего Хонгра в полон захватил мангас.
Он поволок его по чащобам лесным,
Он поволок его по сугробам густым,
Он поволок его по тропинкам крутым,
Он поволок его по травинкам сухим.
Тащится Хонгор, печально цепью звеня,
Вниз головою привязан к хвосту коня,
Руки и ноги скрещены на спине.
Силу свою до предела напряг великан —
Шелковый не сумел разорвать аркан,
Образовались трещины на спине.
В нежные кисти путы впились до кости,
С кончиков пальцев сочится кровь на пути,
И потерял сознание ваш исполин».

Выслушав мальчика до конца, властелин
Крикнул: «Шесть тысяч двенадцать богатырей,
Мне вы дороже собственной жизни моей,

Но хорошо ли спокойно сидеть за столом,
Жертвуя Хонгром, Хонгром — нашим орлом,
Взятым свирепыми чудищами в полон?»
И ясновидцу сказал с обидой нойон:
«Я же просил тебя в самом начале, Цеджи,
Все, что случится, правильно мне предскажи,
Как же ты мог не предвидеть
последствий таких?
Предостеречь не сумел от бедствий таких?
После похода с тобою поговорим!

Йах! прирученным соколом был он моим,
И дорогим для меня, как моя душа!
В битвах он был острием моего бердыша,
И на моем золотом Алтае всегда
Он возвышался, подобно большому столпу.
Волком, врывающимся в овечьи стада,
Хонгор врезался в стотысячную толпу.
Львенком моим, укрощенным лаской, — он был,
Завистью ханов, народов сказкой — он был!
Мыслимо ли, чтоб текла богатырская кровь?
Эй, коневод, коня моего приготовь!» —
Крикнул, сходя с высокого трона, Богдо.

Вмиг оседлали по знаку нойона Богдо
Всех богатырских шесть тысяч двенадцать
коней,
Хан Шикширги дела передать повелел
Родичам близким и молвил Зандан Герел —
Мудрой, бурханоподобной супруге своей:
«Мальчика — пастушонка Алтана Цеджи —
До моего возвращения в доме держи.
Пусть он живет, как желает, не зная забот».

Джангар, держа смертоносный сандаловый дрот,
Сел на коня. Поскакали во весь опор
Эти шесть тысяч двенадцать богатырей,

А впереди, на коне, что мысли быстрей,
Юный скакал знаменосец Догшон Шонхор.
Знамя бойцов развевалось на легком ветру,
Красное — вечером, желтое — поутру,
Девятицветной украшенное тесьмой
И многокисточной золотой бахромой.
Знамя Богдо, когда находилось в чехле,
Было подобно солнцу на этой земле;
Если же было обнажено полотно,
Семь ослепительных солнц затмевало оно!

Ехали морем, где влаги нельзя набрать,
Ехали степью, где цвета земли небосклон,
Сердцеобразный колодец проехала рать,
Мост миновала, похожий на сладостный сон,
Ровно проехали сорок и девять дней.
Тяжелорукого Савра горячий конь
Начал метаться среди богатырских коней,
Так и казалось: вокруг — напольный огонь,
Кружится конь угольком в пожаре степном!
Видимо, Бурый прекрасным был скакуном,
Видимо, чуял близость нечистой земли!

Савар воскликнул: «Надо нам ехать быстрей:
Хана Киняса владенья темнеют вдали.
Джангар Богдо! Начнем состязанье коней!» —
«Ладно». И только раздался топот копыт,
Савров скакун оторвался на семь бэря.
Сын Булингира — славного богатыря —
Следом за Савром Санал отважный летит —
Вечно туманной, высокой горы властелин.
А за Саналом другой летит исполин
На вороном скакуне — Хавтин Энге Бий.
Славен в нетленной стране Хавтин Энге Бий!

Некогда Джангар и весь богатырский стан
В меткой стрельбе с четырьмя

владыками стран
Соревновались. Привешена к ветке кривой
Дуба, что в небо своей уходил головой,
Тонкая, нежная ветка мишенью была.
И ни одна ее не сорвала стрела,
Лучшие воины не попадали в мету,
Лучники, что сбивали орлов на лету!

Ловкий Хавтин Энге Бий примчался вдруг,
Взял он восьмидесятисаженный лук,
Чья тетива натянута, сказывал он,
Всем теленгутским родом; с обеих сторон
Ложа для стрел увековечил резчик
Битву гиены с барсом, и огненный бык
Справа бежал, и слева бежал олень…
Сразу Хавтин Энге Бий оборвал мишень!
Этим прославил он Бумбы державу тогда…
Так укрепил он Джангрову славу тогда.

Следом за ним скакал златоуст
Ке Джилган.
Тучей, которую с неба сорвал ураган,
Мчался скакун белопегий. Сжавшись в комок,
С камушком брошенным он бы
сравниться мог!

Следом скакал самого Маха-Гала чабан —
Мудрый Цеджи. Скакун ясновидца —
Улман —
Будде когда-то служил и Зункве самому,
Каждый из них наложил на него
по клейму.
Он обошел уже сорок богатырей,
Он переплыл уже восемь тысяч морей,
Множество гор перешел и лесных дубрав,
Двадцать небесных и сорок земных держав.

В праздничных скачках устроенных в давние дни
В честь обручения Джангра с прекрасной рагни,
Этот Улман имел несчастье прийти
Первым, опередив Аранзала в пути
На расстоянье длиною в аркан. И нойон,
Этой победой чужого коня разъярен,
Несправедливого гнева сдержать не мог.
Молотом, сделанным славным Кеке, разбил
Щиколотки передних Улмановых ног.
С этих-то дней передние ноги коня —
В бабках — похожи на головы крупных кобыл…

Следующим за провидцем, бронею звеня,
Мчался Гюзан Гюмбе на коне вороном,
И вороной — прославленным был скакуном,
Тоже летел безудержной мысли быстрей!

А позади, вдалеке, скакал Аранзал:
Опередили двенадцать богатырей
Джангра Богдо на несколько дней! И сказал
Джангар-нойон обленившемуся скакуну:

«Ну, быстроногий мой Рыжий! Мы скачем в стран
Лютых мангасов, за Хонгра мы вступим в бой.
Видел ты: больше, чем собственною женой,
Милой женой, разделяющей ложе со мной,
Священногривый мой, дорожил я тобой!
Больше, чем сердцем, воинственным сердцем
своим,
Больше, чем сыном, единственным сыном своим,
Жемчужнохвостый мой, дорожил я тобой!
Так полети, быстроног и зорок, теперь!
Право, не знаю, кто больше мне дорог теперь:
Сам я — нойон, или Хонгр, Алый мой волк!
Голод и жажду, холод и зной претерпи.
А позабудешь ты свой богатырский долг —
Ноги твои разбросаю в безлюдной степи,

Чтобы насытить воронов и червяков!
Женщинам рыжую шкуру твою подарю —
Им пригодится для выделки бурдюков!»

Мчался гривастый, внемля богатырю,
Но до конца выслушивать речи не стал
И перепрыгнул через высокий сандал.
Конь удалой, раскрыв огнедышащий рот,
Легкой стрелой поскакал по степи вперед.
Под вечер Джангар Алтана Цеджи настиг.

Сняв белоснежный шишак, воскликнул старик:
«Джангар, мудрый в совете,
отважный в борьбе!
Светоч, народам указывающий путь!
Благополучно желаю добраться тебе
До государства чудовищ и Хонгра вернуть».
И вопросил великий нойон: «Скажи,
Много ли минуло дней, как ты, мой Цеджи,
Из виду пыль потерял вороного коня,
Принадлежащего исполину Гюмбе?»
Молвил Цеджи: «Ответить могу я тебе.
Это случилось, владыка, третьего дня…» —
И не закончил провидец речи своей:
Он от нойона отстал на пятнадцать дней.

Свежему ветру повеять нойон приказал.
Ветер повеял. Быстрей побежал Аранзал,
Десять богатырей властелин обогнал, —
Савар скакал вдалеке, а за ним — Санал,
Джангар догнал его через четыре дня.
Крикнул Санал в прекрасное ухо коня:
«Мой быстроногий скакун! До конца пути
Не отставай, с Аранзалом вместе лети,
Если посмеешь отстать, вот этим клинком
Жизни лишу тебя!» Соединив удила,
Кони летели четыре недели рядком,

Чудилось: наземь единая пена текла.

*** * ***

Савар Тяжелорукий на буром коне
Первым достиг далекой мангасской земли,
И поскакал он по необъятной стране…
Женщина пожилая сидела вдали
И собирала отбросы бурной реки…
Где только топлива не найдут бедняки!

Блеском очей темно-бурого скакуна,
Желтым сияньем секиры ослеплена,
На чужеземца поглядывала она
Из-под ладони… Спросил ее Савар тогда:
«Слушай, сестра, не знаешь ли ты, куда
Спрятали полоненного богатыря,
Что побежден Цаганом в честной борьбе?»

Та повернулась к нему спиной, говоря:
«Может быть, он доводится братом тебе?
Может быть, хочешь Цагана теперь наказать?
Что же, сказать — не сказать, сказать —
не сказать?..—

Поколебавшись, сказала: — Была не была!
И почему не сказать? Четыре кола
На ночь вбивали в ноги и руки его,
Днем истязали его беспрерывно бичом.
Восемь недель продолжались муки его.
Целая рать издевалась над силачом.
Колья сломались, и растянулись бичи,
А не смогли погубить его палачи,
Жив еще пленник стараниям их вопреки.
Плачут о нем старухи и старики!

Видя, что нет погибели силе его,
Новой подвергнуть пытке решили его.
Длинный железный прут поднесли к огню,
В горне большом накалили его добела
И пропускали четыре раза на дню
Через уста в желудок, — но смерть не пришла.
Пленника жизни лишить не могли палачи!
Пытку другую придумал Киняс: он — хитер!
Бросили самые крепкие силачи
Связанного храбреца в огромный костер.
Вдруг, с покрывало кибитки величиной,
Туча, висевшая в небесах с утра,
Медленно стала спускаться на пламя костра
И разразилась дождем и белой крупой,
И потушила костер дождевая вода,
Пленник стоял в головнях невредим и здоров!
Сжечь на костре не сумев, порешили тогда:
С камнем на шее, размером в сорок коров,
Бросить его в глубокий седой океан —
Но, словно пробка, всплыл над водой великан!

Все перепробовав, собрались на совет.
„Экая притча! На Хонгра погибели нет!
Крепким бичом истязают — не стонет он,
В бездну морскую бросают — не тонет он,
Мучают — не замечает, в костре не горит!“
И на совете каждый свое говорит:
Кто предлагает бросить пленника в пасть
Десятиглавого муса — в горах он живет!
Кто предлагает бросить пленника в пасть
Щуки морской — владычицы жителей вод!

Но посоветовал — сказывали старики —
Мудрый провидец Кюсхе:
„Дадим араки
Пленному, к жизни да будет он возвращен!

Если действительно Хонгра мы взяли в полон —
Противостать не сумеем его судьбе.
Знайте же: нет у него души при себе!
Если не дожил Джангар до смертного дня
И не разбиты копыта его коня,
Если не сломан Джангра сандаловый дрот,
Если не сломан Джангра великий народ, —
Нам отомстит когда-нибудь смелый нойон.
В юные годы заставил он ханов племен
Кланяться низко своим ногам в стременах,
И покорил он ветра четыре навек.
Хонгра отпустим, пока он в плену не зачах,
С этим нойоном пребудем в мире навек!“

Право, не знаю, как порешил совет.
Все, что слыхала, брат мой, от разных людей,
Все рассказала!» Савар вручил ей в ответ
Золота слиток, ценою в сто лошадей.
«Это, — сказал он, — награда на первый раз…
Ну, погоди же, лютый Хара Киняс!»

К десятигранному поскакал он дворцу
И наскочил на стражу — тюмены стрелков,
И не позволил ни одному храбрецу
Сесть на коня и семьдесят восемь полков
В трепет привел он старинным кличем: ура!
Сразу подули пронзительные ветра,
И помутнело вверху, пожелтело внизу.
Савра секира напоминала грозу:
Молнийный пламень бежал из ее острия,
И низвергалась на камень крови струя.

Савар один преследовал целую рать.
Знатных и черных — где уже тут разбирать!—
Савар могучей секирой своей сокрушал,
Слабых и сильных, людей и коней сокрушал!
Вдруг повернулась войска срединная часть.

Лучший метатель копья — копье метнул,
А не сумел он в Савра копьем попасть.
Лучший стрелок из лука — лук натянул,
А не сумел он в Савра стрелой попасть.
Тщетно пытались тысячи биться с одним —
Падали богатыри без счету пред ним,
Тех, кто не падал, — перед собою погнал.

Вскоре примчались Джангар и Строгий Санал.
Оба на копья насаживали пятьдесят
Лютых врагов, мертвецов бросая назад…
Следом за ними примчались, бури быстрей,
Славных шесть тысяч двенадцать богатырей,
С войском Киняса перемешались они.
Ровно четыре луны сражались они,
Луг закачался, красной рекой залитой,
И в полумглу погрузился мир золотой.

Все перепуталось: пеший с конным слился,
Возглас «ура!» с железным звоном слился,
Конская кровь с человечьей кровью слилась,
И до колен седоков она поднялась.
Неисчислимые жители вражьей земли
Выйти на свет из кибиток своих не могли,
Небо с землею слились воедино тогда.
Пала Кинясовых войск половина тогда,
И половина Джангровой рати легла,
Мудрый Алтан Цеджи, златоуст Ке Джилган
Наземь свалились. Из многочисленных ран
Алая, славная кровь струями текла…
Джангра заметив, свирепый Хара Киняс
От силачей своих отделился тотчас,
Меч обнажив, поскакал по мокрой земле
На скакуне, подобном огромной скале.

Дрот боевой таща за собой, что аркан,
В сторону Джангра подался… мангасский хан

Был уже близко, Джангра Богдо настигал.
Но извернулся огненный конь Аранзал,
Ловко споткнулся, будто нечаянно, конь,
Мимо Киняса промчал хозяина конь, —
Злобный Киняс только воздух рассек мечом!

Сразу же выпрямился на Рыжке своем
Джангар, владыка нойонов. Одной ногой
Стал на седло, на мягкую гриву — другой,
Лютого хана Киняса быстро догнал,
В лютого хана мангасов дрот свой вогнал.
Дрот, поразив Киняса навылет, попал
В конский хребет — и в кости остался торчать.
Кинуться не успела мангасская рать
Хану Кинясу на помощь, — как вдруг Аранзал,
Искрой степного пожара мелькнув, на скаку
Джангру помог: дотянулся нойон к темляку
Длинного дрота! Трижды пытался нойон
Хана Киняса поднять на дроте своем, —
Тщетно! Тогда, неудачей своей разъярен,
Бросился Джангар на всадника с криком «Ура!»
Поднял он хана Киняса вместе с конем —
Каменной глыбой, громадной, точно гора.

Думал: «Теперь я нанес пораженье врагу», —
Но бегунец Киняса подпрыгнул — и вот
Длинный сандаловый дрот согнулся в дугу,
Переломился длинный сандаловый дрот
Там, где со сталью соединялось древко!
Ныне у Джангра в руках оказалось древко,
Острая сталь упала на землю, звеня,
Вместе с мангасским и конским мясом живым.
Так и не справился Джангар с мангасом лихим.
Лютый Киняс, припадая к гриве коня,
Быстро умчался к своим, сознанья лишен…

И со слезами досады собрал нойон

Славного дрота обломки и громко вздохнул,
На поле сечи кровавой Джангар взглянул.
Он увидал залитые кровью луга;
Он увидал поредевшее войско врага;
Он увидал дерущихся богатырей —
Он увидал остатки рати своей.
Он увидал на высокой белой горе
Тяжелорукого Савра с торчащей в бедре
Синей стрелой, на раненом скакуне,
Ищущем исцеление в горной стране.
Он увидал: один только Строгий Санал
На поле возвышался на сером коне,
Дротом своим противников в кучу согнал…
Он увидал: известный вселенной стрелок —
Лучник прославленный, несравненный
стрелок —
Богатыря Санала стрелой не сразил.
Он увидал, коня своего торопя,
Мчался к Саналу первый метатель копья, —
Но исполина Санала копьем не пронзил!

Джангар глядит, как дерутся богатыри.
Он разъярен, разбух его желчный пузырь…
«Что же нам делать?» — спросил,
головою поник.
«О мой нойон, — ответствовал богатырь, —
Надобно вам исправить сандаловый дрот!» —
«Где же кузнец?» — «В стране четырех владык,
В этой стране знаменитый Кеке живет,
Мастер искусный. Он вам поможет, Богдо,
А не поможет Кеке — не поможет никто!
Надо скакать до него четыре луны…

Не беспокойтесь, нойон, о делах войны,
В путь отправляйтесь и сбросьте бремя забот,
Знайте: покуда цел мой сандаловый дрот,
Знайте: покуда целы копыта коня,

Знайте: покуда моя не разбита броня,
Знайте: покуда солнцем сменяется мрак,
Знайте: покуда я жив, — из этих вояк,
Загнанных в кучу, не выпущу ни одного!»

«О мой Санал! Отныне в руках твоих
Жизнь или смерть народа всего моего,
Будущее духовных дел и мирских»,—
Молвил нойон и помчался в страну Кеке.
Через четыре недели прибыл туда.
Кузню Дархана Кеке увидал вдалеке.
В двухгодовалого жеребенка тогда
Рыжего превратил он коня своего,
В крохотного мальчугана — себя самого,
Спрятал обломки дрота в речном песке.

Вскоре добрался до кузни Дархана Кеке.
Джангар увидел: трудиться не просто там!
В сутки сменялось работников д**о** ста там,
Тяжкой работы не выдержавших у мехов.
Если без спросу в кузню входили — беда!
Это считалось ужаснейшим из грехов,
Строго наказывали виновных тогда!

Мальчик, не выдержав, в кузню без спросу
вбежал.
Сразу поднялся один из ста ковачей,
Самый тяжелый молот в руках он держал:
«С пламенным ликом, с грозою гордых очей,
Что ты за мальчик, откуда, отпрыск ты чей?
Кто разрешил тебе в кузню войти, не спросясь?
Голову с плеч сниму я тебе сейчас!».

«Дядюшка, неповинна моя голова.
Только сейчас о порядках твоих узнаю!»
Старший кузнец, услыхав такие слова,
Молот стальной опустил и кузню свою

Взглядом обвел красноватых и зорких глаз.
Всем двадцати кузнецам отдал он приказ,
Чтоб уступили мальчику место сейчас.

Мальчик сел у мехов и легко, без труда
Уголь воспламенил. Изумились тогда
Горновщики, стоявшие невдалеке!
Остановиться велел мальчугану Кеке,
Молвил он: «Очи твои подобны глазам
Сокола, воспарившего к небесам.
Слишком походишь ты на владыку держав,
Слишком твой облик божественно величав!

Девушки, что собирают отбросы в реке,
Могут еще унести — озорной народ! —
Сломанный дрот, который ты спрятал в песке.
Ты поскорей принеси мне сандаловый дрот.
Я по заказу Узюнга — отца твоего —
Сделал его. Мой Джангар, три года всего
Было в ту пору тебе… Когда на дрот
Я надевал двенадцатислойный кожух, —
Воздух вовнутрь проник: О, я знал наперед,
Что через семьдесят лет сандаловый дрот
В схватке с Хара Кинясом сломается вдруг,
Знал я: отломится дерево от острия
Именно там, где воздуха скрыта струя…»

Мальчик принес обломки дрота ему.
Чтобы скорее пошла работа — ему,
Джангру, меха раздувать приказал кузнец!
Длинный сандаловый дрот готов наконец.
Джангар поблагодарил Дархана Кеке,
На поле битвы коню скакать приказал.
Мысли быстрей полетел скакун Аранзал.
Через четыре недели нойон вдалеке.
Вражьи войска увидал: отважный Санал
Злобных мангасов к воротам моста загнал.

Джангар воскликнул: «Ставший напевом
дневным,
Витязь, моим сновидением ставший ночным,
Мой многорукий дуб, многошумный сандал,
Сокол охотничий мой, прекрасный Санал!
Это ты стал бронею народов моих.
Это ты не дал мангасам поколебать
Благополучье духовных дел и мирских!»

Так он сказал и напал на мангасскую рать,
И, нападая с одной стороны, рассекал
Сотни, пока другой стороны достигал,
И, повернув жеребца, нападал опять…
Так на врага нападал он с шести сторон.
В каждом наскоке сваливал славный нойон
По шестьдесят прославленных богатырей.

Пеших, как стебли, срезая секирой своей,
Джангар примчался к высокой белой горе.
Тяжелорукого Савра он увидал.
Алую кровь извергая, со сталью в бедре,
Савар лежал, как сваленный бурей сандал,
Мудрой главой касаясь гранитной скалы.
Джангар извлек из бедра наконечник стрелы
И положил на рану листочек травы —
Верное снадобье самого Зонкавы.
Сразу в сознанье славный пришел исполин,
А темно-бурый скакун в мураве долин,
В водах прохладных ключей поправился так,
Будто в бою не бывал!.. Отважный смельчак,
Савар Тяжелорукий сел на коня
И за нойоном пустился, бронею звеня.

Савра вернув на поле брани скорей,
Молвил нойон: «Как стадо баранье, скорей,
Богатыри, соберите мангасскую рать.

Богатыри, стерегите мангасскую рать.
Я же коня по следам страдальца пущу,
Храброго Хонгра останки я поищу!»

* * *

Долго скакал по мангасской земле Богдо,
Каждого встречного богатырь окликал,
Где пребывает Хонгор — не ведал никто.
Долго нойон скакал. Наконец отыскал
Хижину. В ней старуха седая жила,
Чарами колдовства обладая, слыла
Доброй волшебницей в странах восьми племен.

Спешившись, в хижину эту вошел нойон.
«Матушка! — молвил, — скажите:
где Хонгор мой?
Место вы мне укажите, где Хонгор мой.
Перед мангасами не трепещите сейчас,
Не сомневайтесь в моей защите сейчас,
Вам я за Хонгра полмира готов отдать!»
И чародейка на дереве стала гадать.[13]

Вот что сказал ей волшебный брусок сперва:
Хонгор лежит в желудке жадного льва,
Спящего на волнах степного песка.
Вот что сказала вторая нарезка бруска:
Хонгор в желудке щуки огромной лежит,
Щука на дне океана укромно лежит.
Третья нарезка такой ответ принесла:
Хонгор лежит в желудке седого орла,
В черной скале орлиное свито гнездо.
«Хонгор в одном из этих желудков, Богдо!» —
Так чародейка сказала богатырю.

«В счастье пребудьте, матушка, благодарю», —
Молвил нойон и помчался разыскивать льва.
За шесть недель он проехал шестьсот бэря!
Лев и орел поклонились ему, говоря:
«Джангар, сияющий святостью божества,
Ни в одиночку, великий Богдо, ни вдвоем
Не пожирали мы Хонгра, клятву даем!»
И властелин отпустил их и поскакал
Берегом черного моря, подножьями скал.

Вот миновала неделя, другая за ней,—
Видит он: на расстоянии бердыша,
В шесть шириною, длиною в сто саженей —
Черная щука лежит, тяжело дыша,
Черная щука лежит на прибрежном песке.
Спешившись, в землю воткнув сандаловый дрот,
Бросился Джангар с мечом обнаженным в руке.
Только приблизился н**а** два шага вперед,—
Щуку, видать с перепугу, стошнило.
И вот Выпал на землю из бычьей кожи мешок.
Щука взмахнула хвостом и в пучине вод
Скрылась. И Джангар, мешок развязав, извлек
Алого Хонгра, стальные цепи разбил.

Связанный путами из человеческих жил,
Хонгор уже почти не дышал, но жил.
Радостным ржаньем рыжий скакун возвестил
Тварям вселенной о том, что Хонгор спасен.
Хонгру в уста и в ноздри вдунул нойон
Белый аршан, сознанье вдохнул в него,
Дал ему часть снаряжения своего
И посадил на коня своего потом,
И поскакал Аранзал знакомым путем.

Долго неслись в прозрачно-красной пыли
И, наконец, у Кинясовой башни сошли.
Хонгра Багряного конь, не касаясь земли,

С радостным ржаньем к ним прибежал издали.
Всех скакунов на свете милее — свои!
Соединили мягкие шеи свои
Лыско и Рыжко, умильно глядели они,
Будто друг друга обнять хотели они…

Сказывают: узнав, что ликуют враги,
Ибо у Джангра сломан сандаловый дрот, —
Вскинул на плечи бурдюк с аракой
Шикширги,
Посох дубовый схватил и пустился вперед.
У великана такие были шаги:
Малые горы шагом единым он брал
И перешагивал через большой перевал,
Дважды шагнув… Громоподобный крик
Мир сотрясает: увидел Хонгра старик!

«Хонгор ли это, солнце мое на седле,
Хонгор ли это, единственный на земле,
В бурях еще не окрепший детеныш орла?»
Кинулся к сыну, бросив бурдюк с аракой.
Джангар великий, боясь, как бы старец такой
Хонгру бока не помял, — подушку с седла
Быстро схватил и меж ними ее положил,
И, отуманенный счастьем, в избытке сил,
Сына в объятья свои Шикширги заключил,
Вместе на землю свалились отец и сын,—
Еле разнял их потом нойон-властелин.

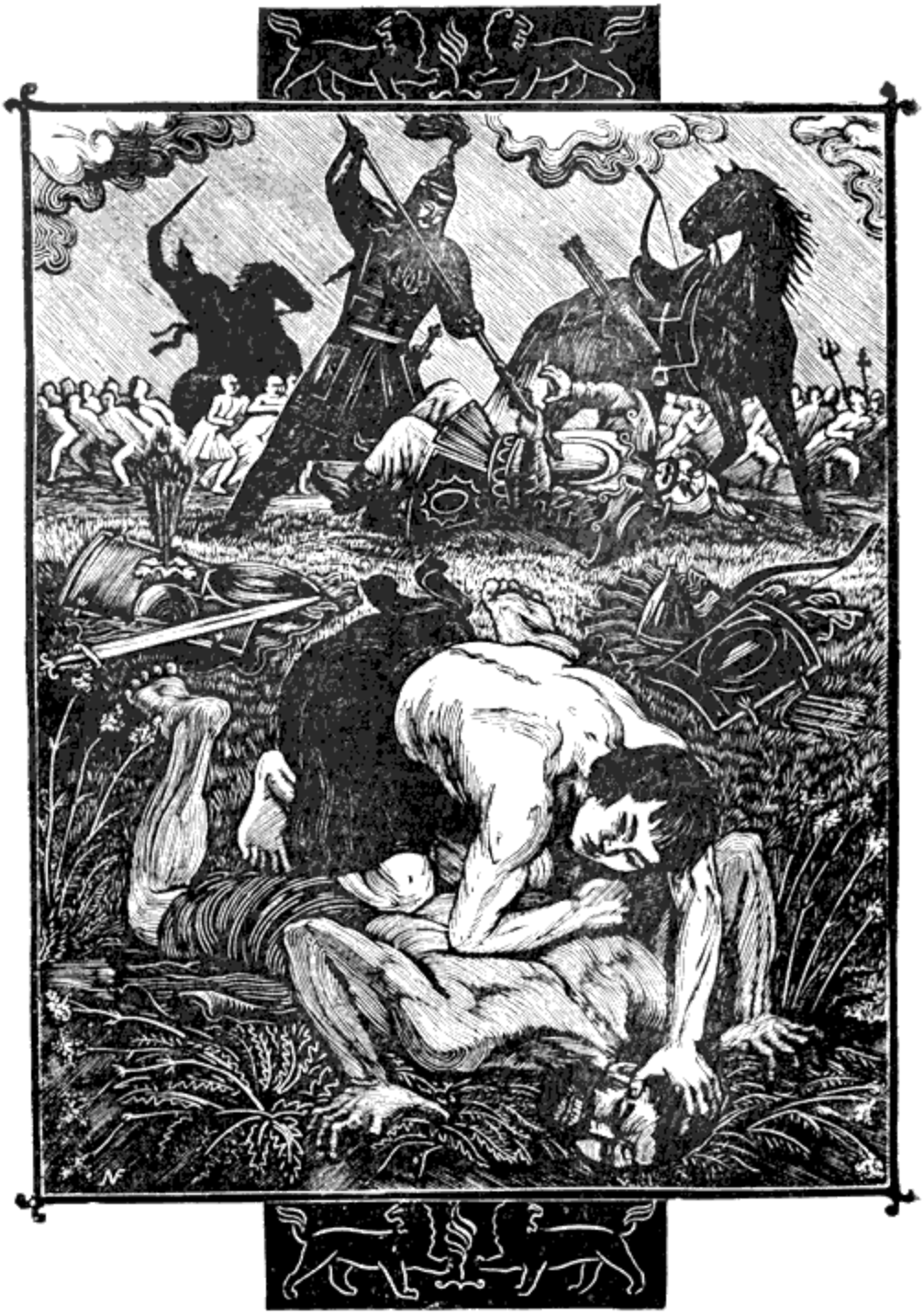
Голод и жажду хмельной аракой утолив,
Горькие думы развеяв и прочь удалив,
Сели герои в ратных доспехах своих
На быстроногих, гривастых коней верховых.
Хонгор Багряный вырвал с корнем сандал,
Сучья содрал на ходу, скакуна погнал.
Загнанных в кучу мангасов он увидал:
Тяжелорукий Савар и Строгий Санал

С остервенением нападали на них,
Знатных рубили, щадили черных одних.

Тут замечает Джангар, великий нойон,
Злобного хана Киняса в прозрачной пыли.
Напоминающее ночной небосклон,
Черное с искоркой знамя мелькало вдали.
Челюсти сжав, нойон поскакал вперед
В хана Киняса направил сандаловый дрот.
Злобный Хара Киняс перепуган вконец:
Близится Джангар с конем уд**а**лым своим…

А в это время с огромным сандалом своим,
Волком на беззащитное стадо овец,
Хонгор на войско мангасов напал, разъярен,
И разбросал это полчище на семь сторон.
Вот, наконец, посчастливилось и ему!
Видит: к поросшему таволгою холму,
Жалкую душу спасая, несется Цаган.
Неукротимый за ним поскакал великан,—
Только Цагана видел он перед собой!

В таволжниках закипел богатырский бой.
Загрохотали громы, ветра поднялись,
Богатыри воедино в схватке слились,
А не свалили друг друга с коней своих.
Освободиться решив от одежд боевых,
Наземь сошли, ибо видели: каждый в седле
Крепко сидит… «Если только на этой земле
Вечного нет ничего, если, наоборот,
Истина — то, что всему на земле свой черед,
Если, Цаган, не пристрастны бурханы к тебе, —
Я победителем буду в этой борьбе!» —
Хонгор воскликнул. Почуял вождь храбрецов:
К мышцам прибавилась мощь пятерых бойцов!



Бросился на Цагана. Зубами скрипя,
С силой такой перекинул через себя,
Что повалился многовековый сандал.
На четвереньки мангасский воин упал,
И не успел он опомниться, — вырос над ним

Хонгор огромный, как тысячелетний ствол.
Хонгор к земле пригвоздил его локтем стальным,
Локтем стальным позвоночный хребет расколол.
Жалкий Цаган под кудрявым сандалом лежал,
Руки и ноги раскинув, дрожмя дрожал,
Крикнуть пытался, но, видно, от крика отвык,
Не выговаривал слова простого язык…

Хонгор связал посреди дороги его,
Хонгор скрутил и руки и ноги его,
Вниз головой привязал его к заду коня.
И поволок побежденного силача,
И поволок полоненного палача,
Сивого Лыску по скалам торчащим гоня,
Сивого Лыску по топям и чащам гоня.
Так поволок он мучителя своего,
Так поволок победителя своего.

В это же время Джангра сандаловый дрот
Хана Киняса догнал, а мангасский сброд
Бросился хану Кинясу на помощь, но вдруг
Савар примчался; не выпуская из рук
Тяжкой секиры, мангасам путь пересек.
Злобного хана Киняса великий вовек
Джангар нагнал и поднял на дроте своем
Тучного хана вместе с огромным конем.

Хонгор окинул поле взглядом одним,
Джангра Богдо герой увидал вдалеке, —
Пестрое, желтое знамя держал он в руке,
Связанный лютый Киняс лежал перед ним.
Он увидал: Санал и Савар вдвоем
Гнали к нойону Богдо мангасскую рать,
И восклицали мангасы: «Клятву даем
Подданными нойона великого стать
На протяжении года и тысячи лет!»
Двинулся Хонгор Саналу и Савру вослед,

Бросил Цагана к ногам владыки Богдо.

Богоподобный Джангар, великий Богдо,
Вызвал святой, драгоценный,
живительный дождь —
Ожили мертвые станы богатырей.
Вызвал святой, драгоценный,
целительный дождь —
Зажили черные раны богатырей.
Сели богатыри на горячих коней,
К башне Киняса помчались ветра быстрей,
Спешились у чешуйчатых светлых дверей.

Людям досталась добыча богатая там.
К подданным всех четырех Кинясовых стран
Послано было четыре глашатая там:
Сломлен Киняс, жестокий мангасский хан!
К пиршеству приступил богатырский стан.
Вот на пятнадцатый день к нойону пришли
Все племена четырех Кинясовых стран,
Жители покоренной Кинясом земли.
Джангар-нойон даровал свою милость всем,
Снял он с подвластных племен мангасский ярем.
Джангар великий верности принял обет,
Принял присягу на год и тысячу лет,
И приказал Ке Джилгану Джангар-нойон
Ведать перекочевкою вольных племен.

Башню Киняса разрушив, к Бумбе своей
Двинулось полчище желтых богатырей,
Хана Киняса, мангасского палача,
Вместе с Цаганом его — за собой волоча.
Неукротимый Хонгор помчался вперед.
Так восклицал он: «Видно, всему свой черед,
Вечного нет на этой земле ничего.
Вот наконец наступило мое торжество!
Вот он, день моей мести, сверкавший вдали!

Братья! Тащите их по лесам и горам!
Братья! Тащите их по степям и морям!
Братья! Да вспомнят они, как меня волокли!
Как превратили мое молодое лицо,
Солнцу подобное, в тлеющую золу;
Как мое статное тело скрутили в кольцо;
Как волокли меня со скалы на скалу;
Как раздробили двенадцать ребер моих;
Как не давали мне в жарких пустынях сухих
Капельки влаги в течение многих недель;
Как привязали меня ко хвосту коня;
Как, черноверцы, придумывали для меня
Пытки, народам неведомые досель!»

Джангар отправил вперед четырех гонцов,
И повелел глашатаям славный нойон:
«Четверо ханов мангасских побеждены!
К башне Богдо соберите со всех концов
Подданных необозримой нашей страны,
На торжества зовите, на пир, на арзу!»

Всадники мчались, опережая грозу,
Беркутом быстрым казался каждый скакун,
И расстояния в целых двенадцать лун
Богатыри покрывали в двенадцать дней.
У пестро-желтой башни сошли с коней.
Возле сандалов кудрявых, в прохладной тени,
В многозеленом лесу расселись они,
А скакунов отпустили на бархат травы.
И, приготовленную во дворах Сунгурв**ы** —
Первого богача необъятной земли,—
Знатных нойонов сыны араку везли
На пятистах вороных, запряженных в арбы.
В сутки тысячу раз от Эрцеса-реки
Мчались арбы с бурдюками хмельной араки.

Радостно пиршество после долгой борьбы!

Семьдесят языков благодатной земли
К башне стекались. С поклоном и аракой
Ханы шести государств к нойону пришли,
Празднества длились дважды сто сорок дней.

Так утвердился в стране желанный покой.
Солнце бессмертия засияло над ней.

Счастья и мира вкусила эта страна,
Где неизвестна зима, где всегда — весна,
Где, не смолкая, ведут хороводы свои
Жаворонки сладкогласные и соловьи,
Где и дожди подобны сладчайшей росе,
Где неизвестна смерть, где бессмертны все,
Где небеса в нетленной сияют красе,
Где неизвестна старость, где молоды все,
Благоуханная, сильных людей страна,
Обетованная богатырей страна.

ПОСЛЕСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Когда приходилось спрашивать шестилетнего калмыцкого мальчика: «Где находится ближайший хотон?» — он уверенно отвечал: «Поезжайте на северо-восток».

Этому не надо удивляться. В обширной степи, в этом ковыльном океане, географические понятия входят в сознание с детства: иначе не проживешь. Здесь мало рек, крупных дорог, редки дома, — поневоле развивается острая наблюдательность. Опознавательными знаками путнику служат незаметное изменение цвета травы, неглубокая балка, одинокий тополь. Вы видите горизонт: зеленая краска сливается с темно-синей, и какие-то золотые дуги то возникают, то пропадают. А калмык скажет вам, что вдали — пологий холм, что по холму скачут сайгаки (антилопы), что всего их шесть, что матка оторвалась от них на расстояние длиною в повод коня.

Этой наблюдательностью, поистине поразительной, отмечена богатая изустная поэзия калмыков. В «Джангариаде» первоначальная, стихийная наблюдательность стала высоким искусством, воссоздающим тончайшие оттенки живого слова, душевных движений.

Поэтическая ткань «Джангариады» замечательна соседством очень сложных, исполненных символического значения рисунков с самыми простейшими узорами, философские стихи сменяются по-народному остроумными стихами-загадками.

Отец спрашивает у дочери-невесты:

Что тебе, желанная, дать,
Что тебе в приданое дать?

Дочь просит дать ей весь последний приплод скота. Мудрецы объясняют удивленному хану-отцу эту просьбу так: «Всему нашему племени следует перекочевать в страну жениха».

Я долго не мог понять это решение «белых мудрецов», пока мне не растолковал его один яшкульский гуртоправ. «Овца, — сказал он, — всегда побежит за своим ягненком, весь скот побежит за своим приплодом, а если скот побежит, разве люди останутся на месте? Вот

почему мудрецы решили, что всему племени следует перекочевать в страну жениха».

Прелесть подобных загадок усиливается тем, что они являются не вставками-украшениями, а органическими элементами повествования, движущими вперед течение сюжета.

Так же естественно возникают в поэме страницы и строки философского, символического звучания. «Джангариада» — поэзия символов. Повседневная жизнь кочевника, возведенная в идеал, — так можно охарактеризовать эту символику — земную, праздничную, дышащую запахами степи.

Очень многое роднит «Джангариаду» с поэтическими изустными произведениями народов, близких калмыкам по историческому укладу своей жизни, например, с народным творчеством казахов и киргизов. Здесь мы найдем те же картины кочевого быта, тот же суровый пейзаж Центральной Азии. Вместе с тем «Джангариада» приобщает нас к гораздо менее знакомому нам миру — культуре Китая, Тибета, Индии. Упоминаемая в калмыцкой поэме священная Сумеру-гора воспевается и в индийском эпосе «Махабхарата». В отдельных терминах обрядового характера, в изречениях религиозно-нравственных, наконец, в самой символике «Джангариады» мы легко угадываем влияние буддийской, тибетско-индийской культуры.

Следует сказать, что в калмыцком эпосе символические строки, как в произведениях позднейших художников-реалистов, нередко играют одновременно и чисто служебную роль, что придает им особую силу.

Юный Шовшур встречает прежних подданных Джангара, выгнанных чужеземным ханом на горько-соленые земли, к ядовитому морю. Они говорят:

> В рабстве томились в единой надежде мы:
> Джангар прибудет, Джангар освободит.

Слова эти необходимы для дальнейшего развития сюжета: без них. Шовшур не знал бы, что перед ним — его соплеменники. Но смысл этих слов гораздо шире, значительней: «Джангар прибудет, Джангар освободит», — эти слова калмыки повторяют на протяжении

многих столетий. «Джангариада» была для калмыков не только литературным произведением, но и символом их национальной гордости, их источником сил, их утешением.

Мне часто приходилось бывать в калмыцкой степи и в мирное время, и в дни войны, и всюду — в улусных центрах и в маленьких аймаках — убеждался я в горячей любви калмыков к своему поэтическому творению. «Оказывается, и в Москве знают о нашем „Джангаре“», — говорили колхозники, но в голосах слышалась удовлетворенность, а не удивление.

Однажды недалеко от Хулхуты лопнул скат нашей машины, и мы провели несколько часов в дорожной будке. Там за длинным узким столом сидели чабаны, рабочие дорожной бригады, шоферы и пили соленый калмыцкий чай, заваренный вместе с маслом и бараньим жиром. Когда мой спутник спросил, где здесь живет поблизости хороший джангарчи — исполнитель песен «Джангариады», — все рассмеялись. «Каждый из нас — джангарчи», — сказал водитель грузовой машины и запел главу о Савре Тяжелоруком. Все присутствующие, как бы соревнуясь, исполнили свои любимые места из народной поэмы. Тогда же один маленький старик в островерхой барашковой шапке рассказал нам легенду о создании калмыцкого эпоса:

«В драгоценное изначальное время, когда степь успокоилась после топота могучих коней, когда были подавлены все враги Бумбы — страны бессмертия, Джангар и его богатыри заскучали. Не стало сайгаков, чтобы поохотиться на них, не стало соперников, чтобы помериться с ними силою. Скука, как туман, вползала в страну Бумбы. Тогда, неизвестно откуда, появилась женщина, но еще не жена, и была она великой красоты. Она вошла в кибитку, где восседали семь богатырских кругов, и круг старух, и круг стариков, и круг жен, и круг девушек, — и запела.

Запела она о подвигах Джангара и его богатырей, об их победах над несметными врагами, о Бумбе, стране бессмертия. От теплоты ее голоса рассеялась скука, как туман под лучами солнца. Так родилась наша великая песнь. Богатыри, слушая ее, становились снова веселыми и жизнелюбивыми, и Джангар приказал им заучить ее. С той поры появились джангарчи, над вечнозеленой землей Бумбы зазвенела наша великая песнь, — поют ее и поныне».

Много таких легенд вокруг «Джангариады» возникло в калмыцкой степи, эти легенды подчеркивали особое значение эпоса как национального сокровища. Интересно сообщение известного монголоведа академика Б. Я. Владимирцова. По его словам, до революции ни одно празднество не обходилось без выступления певца «Джангариады». «Эти певцы, — пишет он, — выходили почти всегда из простого народа, обучались по призванию искусству петь национальную поэму… и исполняли „Джангар“ из любви к этому народному достоянию, ради славы».

Хочется обратить внимание читателей на одно удивительное место в поэме, свидетельствующее о, можно сказать, необычном преклонении калмыков перед своим народным эпосом. Одного из героев эпоса, богатыря Хонгора, просят спеть на пиру «Джангар»

Звонкую, волшебную песнь,
Гордую, хвалебную песнь
Сыновей бессмертной земли.

И вот, когда Хонгор запел о себе самом, о своей удали и силе, запел о своих соратниках, —

Тогда не выдержал джангарчи,
Стали щеки его горячи,
Вышел он из себя, закричал:
«Эх, и могучее племя они,
В наше бы жили время они!»

Трудно найти в поэзии более сильные строки, говорящие о бессмертии искусства, о бессмертии народа.

Вспомним нашу фронтовую поэзию в годы Отечественной войны с фашизмом. Некоторые поэты Советского Востока любили сравнивать своих героев с богатырями древних сказаний — с Манасом, Давидом Сасунским, Алпамышем, Джангаром и т. д. Наивность подобных сравнений бесспорна. Смешно было отождествлять советского человека, поднявшегося на защиту своей родины, с древним витязем, вооруженным луком и колчаном. Но и то бесспорно, что

национальный эпос, как бессмертный свидетель величия народа в прошлом, мог наполнить душу советского воина законной гордостью.

В дни Отечественной войны мне довелось служить в части, состоявшей главным образом из калмыков. Почти в каждой землянке я видел экземпляр «Джангара» на калмыцком или русском языках. Сержант Эрдни Деликов, Герой Советского Союза, о подвиге которого сообщило Совинформбюро, после того как из противотанкового ружья уничтожил, один за другим, три вражеских броневика, воскликнул, истекая кровью: «Калмыки, потомки Джангара, никогда не отступают!»

Силу воздействия «Джангариады» на слушателей хорошо понимает сам автор поэмы — народ, создававший ее на протяжении многих столетий, — вот почему нередко героями поэмы являются ее исполнители. Об одном из них говорится:

Тайну каждого звука разгадывал он.
К нежным губам свирель прикладывал он,
И, неизвестные раньше, рождались тогда
Звуки, подобные пению лебедей,
Что по весне мелькают в густых камышах.
Отгулы звуков подолгу звенели в ушах
Подданных Джангра, тысячи тысяч людей
Песням внимали, дыхание затая,
И небесами людям казалась земля.

Здесь, как мы видим, подчеркивается музыкальность поэмы, ее звуковое богатство. Мне вспоминается вечер «Джангариады» в колхозном клубе Сарпинского улуса. Слушатели сидели, как бы убаюканные пением джангарчи. Потом мне объяснили, что слушатели всем видом своим хотели показать, что они перенесены благодаря волшебному голосу сказителя в иной мир. Отдавая должное музыкальности поэмы, этим «звукам, неизвестным раньше», я все же полагаю, что самым ярким изобразительным средством поэмы является фантазия, могучая сила воображения.

Каждая из песен «Джангариады» — целая поэма с увлекательной, замысловатой фабулой. Сюжет этих песен развивается стремительно,

повороты его неожиданны, но обдуманны. Всюду чувствуется глаз художника, наблюдательного, страстного, своеобычного. Повторяющиеся отступления посвящены главным образом облачению богатыря, снаряжению коня в поход, описаниям отъезда и прибытия. Автор с тем большим удовольствием останавливается на подобных описаниях, что речь идет о вещах, близких и дорогих его сердцу, сердцу степного кочевника.

Эти описания часто вырастают в величественные эпические картины народной жизни, боев, конских скачек. Пусть они замедляют повествование, зато сколько в них света, воздуха, беспредельного степного простора! Сюжетные линии каждой главы поэмы образуют запутанную сеть, но распутывается она естественно, остроумно, в неистовстве фантазии есть невидимая внутренняя стройность.

Герои «Джангариады» испытывают множество приключений, путешествуют по неведомым странам, на земле и под землей. В их характеристике немало условного: ширина лопаток Хонгора равна семидесяти саженям, он семьдесят раз подряд опорожняет кубок с хмельным напитком; Гюзан Гюмбе занимает на пиру место сорока человек; Шикширги преодолевает огромную гору, всего лишь «дважды шагнув»; у Джангара на лбу сияет лик буддийского божества; Алтану Цеджи открыто все, что происходит в мире, на девяносто девять лет вперед и все, что произошло девяносто девять лет назад.

В этой условности черт есть своя последовательность; пусть богатырь наделен чудесными свойствами, но эти свойства присущи только ему, — так возникают резко очерченные индивидуальности. Автор приписывает героям сверхъестественную волшебную силу не только потому, что взаправду верит в нее, сколько потому, что стремится выразить как можно полнее свой восторг, свое преклонение перед любимыми богатырями. Примечательно, что герои поэмы в поступках, в действиях редко пользуются своими чудесными свойствами.

В «Джангариаде» охотно используется поэтическая сила точного числа. Это глубоко продуманный художественный прием: когда описания волшебных стран, морей и гор, сражений и поединков богатырей-великанов сопровождаются сухими цифрами, мерами длины, мерами времени, эффект получается удивительный, возникает иллюзия действительного существования этого сказочного мира.

Заметки о поэтике «Джангариады» будут неполными, если переводчик не остановится на особенностях стиха — ритма, рифмы, строфики. Об этом писалось уже в первом издании русского перевода поэмы, которое вышло восемнадцать лет назад.

Ритм поэмы долгое время оставался для меня загадочным. Сколько я ни вчитывался в подлинник, я никак не мог уловить стихотворный размер. Мне даже порой казалось, что памятник написан не стихами, а прозой. Это впечатление усиливалось незначительным количеством гласных. Высказывания же ученых по этому вопросу оказались крайне противоречивыми: изучение калмыцкого стиха находилось в зачаточном состоянии.

Мне посчастливилось в том смысле, что моей работой, чтением специальной литературы руководил калмыцкий писатель Баатр Басангов, замечательный драматург, литературовед и лексикограф, страстный поклонник «Джангариады», знаток истории, обычаев, устного творчества родного народа. По его предложению мы предприняли ряд совместных поездок по калмыцкой степи, чтобы познакомиться с музыкой «Джангариады» из уст народных певцов, джангарчи, исполнявших поэму в сопровождении домбры.

Вслушиваясь в различные варианты в исполнении Ара Човаева, Дава Шавалиева и других сказителей, я стал различать плавный, пусть не похожий на европейские стихи, ритм. Почему же я не улавливал его при чтении? В калмыцком языке слово имеет два ударения: главное, падающее на первый слог, и второстепенное, музыкальное, падающее во многих случаях на последний слог. В письменной литературе, как и в живой речи, ударение почти всегда падает на первый слог, а остальные гласные произносятся кратко, чаще вовсе не произносятся. Я уже писал, что меня поразило при чтении оригинала незначительное количество гласных: создавалось обманчивое впечатление, что поэма написана не стихами, а прозой. Если же прочесть «Джангар» так, как его исполняют джангарчи — пользуясь музыкальным ударением, падающим во многих случаях, главным образом в конце строки, на последний слог, — то неударные гласные обретут ясность и силу, а строки — плавный ритм и стихотворный размер.

Сопоставление записей, сделанных со слов различных джангарчи, привело к выводу, что стих «Вступления» и первых восьми песен состоит из восьми-девяти слогов (хотя встречаются строки с большим

и с меньшим количеством слогов), а стих последних четырех песен состоит из одиннадцати — тринадцати слогов. Так в основу русского перевода легла музыкальная мелодия «Джангариады».

Оригинальна и калмыцкая рифма. В эпосе преобладает анафора, то есть стихи начинаются на одну и ту же букву или группу букв. По-русски такая рифма почти не ощущается; анафора как система рифмовки не свойственна русскому языку, русскому стихосложению. Поэтому в переводе анафора заменена нашей старой знакомой — концевой рифмой; но, чтобы читатель получил представление о звучании калмыцкого стиха, нередко применяется анафора, не исключающая, однако, концевой и даже внутренней рифмы, например:

БУрый ЛЫСКО ВСПРЫГНУЛ вдруг,
БУдто ИСКРА, ВСПЫХНУЛ вдруг…

ЛЮДи не знали в этой стране
ЛЮТых морозов, чтоб холодать,

ЛЕТнего зноя, чтоб увядать…
ШЕСТИ крепостей разрушил врата,
ШЕСТЫ сломал сорока пик…

Чтобы читатель не только видел, но и слышал анафорическую рифму, я решил как можно чаще рифмовать начальные слова строк:

БЛАГОУХАННАЯ, сильных людей страна,
ОБЕТОВАННАЯ богатырей страна.

В «Джангариаде» часто встречаются редифы, то есть повторы одного слова или группы слов после рифмы, например:

БУДда свидетель: верные воины МЫ.
БУДем наконец удостоены МЫ…

Стремился я передать и свойственную стиху «Джангариады» аллитерацию (повторение одинаковых звуков):

РЕШИл он: ШИРе на целый аРШИн…

Естественно теперь задать вопрос: если переводчик воспроизведет абсолютно точно смысл каждой строки подлинника, воссоздаст его форму, проявит изобретательность при переводе трудно переводимых выражений, — можно ли в таком случае утверждать, что перевод будет удачным? Нет, всего этого еще недостаточно. Перевод можно считать удачным только тогда, когда он воспроизведет и то обаяние, которое оригинал оказывает на читателей, а это означает, что перевод должен стать явлением не только, скажем, калмыцкой, но и русской поэзии.

Пусть читатели судят, насколько мне удалось приблизиться к разрешению этой задачи, но следует отметить, что все благоприятствовало моей работе. Прежде всего, я слушал древнюю калмыцкую поэму из уст ее авторов, ибо как же иначе назвать джангарчи, этих народных певцов, исполняющих одни и те же главы, но каждый раз только в своих, отмеченных личным дарованием, вариантах. Я наблюдал, какой мимикой сопровождалось исполнение эпоса, как отдельные места, эпизоды, сравнения воспринимались слушателями. Было необычно и то, что моя работа, работа переводчика, заинтересовала целый народ, я получал письма от рыбаков и табунщиков, от представителей калмыцкой интеллигенции, — письма критикующие, ободряющие, советующие…

Отдельные главы, эпизоды, монологи, тирады переводил я несколько раз заново. Появление нового, прежде неизвестного джангарчи, более яркого варианта какой-нибудь из глав «Джангариады» вызывало соответствующее изменение в переводе.

Вдохновенные гравюры В. А. Фаворского уточняли мое представление об одежде богатырей, об их доспехах, о снаряжении коней, об убранстве кибиток, о древней утвари.

Считаю своим долгом напомнить читателям, что редакторами перевода в первом издании были Баатр Басангов и С. Я. Маршак.

Семен Липкин.

СЛОВАРЬ

Альчик — овечья лодыжка. Игра в альчики распространена у детей всех монгольских племен.

Арака — водка, приготовленная из коровьего или кобыльего заквашенного молока. После перегонки араки получается арза.

Аранзал — легендарный богатырский конь; конь Джангара.

Араши (от санскритского «риши») — отшельник. В переносном смысле — келья.

Арза — дважды перегнанная водка из кумыса или из коровьего молока.

Аршан — нектар, животворная вода.

Бадма — лотос.

Баз — конный двор.

Балабан — особая порода сокола, употребляемая для травли зайцев.

Богдо, богдохан — священный хан. Титул.

Бумба — наименование страны, океана и горы. Бумбой называется также вершина купола. Очевидно, и страна называется Бумбой, так как она является вершиной человеческих желаний.

Бумбулва — ставка, дворец.

Бурхан — дословно «праведник», человек, достигший совершенства и ставший богом.

Бэря — калмыцкая мера длины, равная семи верстам.

Гандиг-Алтай — Волшебный Алтай.

Гелюнг — буддийский монах.

Дарга — управляющий хозяйством, дворецкий.

Дербен-ойраты — наименование союза четырех калмыцких племен: торгутов, дербетов, хошеутов и зюнгаров; историческое самоназвание калмыков.

Дербюлжин — коврик из кошмы, покрытый материей.

Девскир — ковер, подстилка из войлока.

Джангар — Проф. Б. Я. Владимирцов считает, что слово «Джангар» произошло от персидского «Джехангир» — «Властитель мира».

Джангарчи — певец, исполнитель «Джангара».

Джодбо — ларец для икон, домашний алтарь.

Докуры — палочки для барабана.

Дунгчи — глашатай, от слова «дунг» — раковина.

Дунг употреблялся как духовой инструмент при богослужении.

Желтые богатыри. — В эпосе богатыри именуются желтыми, так как они являются последователями религиозного реформатора Зунквы — основателя секты «желтошапочников» (ламаистов). Слово «желтый» нередко употребляется в смысле «священный».

Закрой — расстояние, равное 12–15 верстам. Рыбачий термин.

Зунква, Зонкава — основатель ламаизма, знаменитый святитель тибетского буддизма (1355–1417).

Зу — калмыцкое наименование Лхасы, столицы Тибета. Этим же именем обозначаются и лхасские храмы и реки Тибета. Страна Желтой Зу — Тибет.

Йах! — восклицание боли, соответствует русскому «ой!».

Йорел — благопожелание, высказываемое по различному поводу. Особая форма калмыцкого фольклора.

Катаур — верхняя подпруга.

Кивир — собственное имя лука. Лук, стрела которого снабжена в наконечнике лопаткой. Такие стрелы не только пронзали противников, но и обезглавливали их.

Кулан — дикий осел.

Лама — настоятель монастыря, буддийский монах высокого ранга.

Лаври — род шелковой материи.

Майдер — по-санскритски Майтрейя — одно из перевоплощений Будды. Майдер должен прийти в мир и проповедовать буддизм, когда угаснет учение Будды-Сакьямуни.

Мангас, мангус — антропоморфное существо, пожирающее людей. Принадлежит к добуддийскому, шаманскому пантеону. В отдельных песнях «Джангариады», возникших во времена глубочайшей древности, богатыри боролись с мангасами, но впоследствии, когда «Джангариада» оформилась как единая эпопея (середина XV века), под мангасами стали подразумевать бесчисленных врагов калмыков (ойратов).

Маха-Гала — грозное божество, гений — хранитель буддизма.

Мирде — талисман, носимый на шее. Глиняный образок, изображающий Будду-спасителя.

Мусы — чудовища, живущие в горах.

Норма — род материи.

Начин — охотничий сокол; в современном языке начином называют и гончую собаку; символ бесстрашия.

Невестка — вежливая форма обращения к замужней женщине.

Нойон — князь, титул Джангра.

Очир — скипетр. Очир-Вани — имя одного из ламаистских божеств.

Рагни, арагни — ангел, девушка.

Сай — миллион (тибетское слово, вошедшее в калмыцкий язык).

Стрела-свистунка — стрела без железного наконечника.

Сумеру — мифическая гора, находящаяся, по воззрениям буддийской космогонии, в центре мира.

Суха — наименование кустарника.

Тайша — титул феодала, подчиненного хану. Первоначально — визирь.

Тамга — клеймо.

Татылга — подать, выплачиваемая натурой.

Тебеньки — кожаные лопасти по бокам седла, нередко тисненые.

Тенгрии — верховные небожители.

Теряете — платье, капот, халат.

Токуги — металлические привески к косам женщин.

Тулма — кожаная сумка.

Тюмен — десять тысяч.

Улва — ватная куртка, надеваемая под панцирь.

Улус — в древности — удел князя.

Ура — древний калмыцкий военный клич. Означает «вперед!».

Хангай — горный хребет в северо-западной Монголии.

Хотон — селение в несколько кибиток, кочевавших вместе.

Хурул — буддийский монастырь.

Цаган-Сара — «белый месяц», праздник наступления весны.

Цагараки — деревянные прутья, поддерживающие войлок кибитки.

Цахар — группа кибиток бедняков, расположенных вокруг ханской ставки.

Чакан — сочное болотное растение.

Чачир — зонт, навес.

Чиндамани — талисманы, исполняющие все человеческие желания. По ламаистским представлениям, в мире имеются три чиндамани.

Чумбур — повод уздечки.

Чу! — понукание, соответствует русскому «ну!».

Шаргули — три хана.

Шаргули — владетели Желтой реки (Шар Гол).

Шастры — песни исторического содержания.

Шебенеры — крепостные монастырей.

Шивырлыки — чехлы, надеваемые замужними калмычками на косы.

Шовшур — трехлетний вепрь. Это животное у калмыков считалось символом силы.

Шулма, старая шулма — ведьма.

Шулмусы — нечистая сила, дьяволы.

Эзен-хан — император, хан ханов.

Эрклю — «капризная» — название горы.

Эрлик-хан — божество ламаистов — верховный судья умерших и владыка ада.

Юр-Сара — месяц, в котором празднуется день рождения Будды-Шакьямуни. Соответствует маю.

Ягир-Хар — наименование источника.

Б. Басангов.

---

notes

Примечания

1

Четыре истины — Буддизм считает, что бытие есть: 1) мучение, 2) умножение мучений, 3) торжество над мучением, 4) знание, ведущее к победе над мучением.

2

Джангар, как истый сын Востока, приехав к Замбал-хану, скрывает настоящие цели своего приезда и выдумывает историю о пропавшем верблюде. Однако и Замбал-хан не уступает ему в хитрости и отгадывает истинную причину приезда Джангара.

3

Во время обручения жениха и невесту сажают у дверей и дают им в руки берцовую кость.

4

Всплеск рук считался у калмыков выражением проклятия.

5

Лошади, овцы, коровы, верблюды.

6

Хонгор поет вступление к «Джангару».

7

Джангар скрывает действительную причину исчезновения Хонгра.

8

Особый род пытки: альчик — овечью лодыжку — ввинчивали через висок в голову.

9

То есть не имел никакой поддержки (поговорка).

10

Отец ханши Шавдал — Ном Тегис — прозывается и Зандан-ханом («Сандаловым ханом»), и Гюши Замба — «учителем мира».

11

Имеются в виду: вихрь, степной пожар, наводнение.

12

Калмыкам издавна был известен водопровод.

13

Особый вид гадания с помощью нарезок на деревянном бруске.